

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Innovative Project

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
Том 4. Выпуск № 10

САМАРА 2019

Innovative Project: научно-исследовательский архитектурный журнал / СамГТУ. – Самара, 2019. – Том 4. - № 10. – 84 с.

Innovative Project

Учредитель: ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (СамГТУ)

Главный редактор - Малахов С.А., д. арх., профессор (Самара, СамГТУ)

Менеджер проекта, идея, обложка – Филиппов В.Д., (Самара, СамГТУ)

Дизайн – Романова Д.Н. (Самара, СамГТУ)

Верстка - Клюкина Т.П. (Самара, СамГТУ)

Редакционная коллегия:

Ахмедова Е.А., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН* (Самара, СамГТУ)

Гельфонд А.Л., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Нижний Новгород, ННГАСУ)

Ефимов А.В. д. арх., профессор (Москва, МАРХИ)

Кияненко К.В. д. арх., профессор, советник РААСН (Вологда, Вологодский государственный университет)

Репина Е.А., к. арх., профессор (Самара, СамГТУ)

Самогоров В.А., к. арх., профессор, советник РААСН (Самара, СамГТУ)

Семенов С.В., д. арх., профессор, советник РААСН (Санкт-Петербург, СПбГАСУ)

Янковская Ю.С., д. арх., профессор (Екатеринбург, УралГАХУ)

*РААСН - Российская Академия Архитектуры и Строительных Наук

Адрес редакции: 443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, каб. 0607

Самарский государственный технический университет. Кафедра инновационного проектирования.

Founder: Samara State Technical University (SamSTU)

Editor in Chief - Sergey Malakhov, D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)

Project manager, concept, cover - Vasily Filippov (Samara, SamSTU)

Design - Darya Romanova (Samara, SamSTU)

Layout - Tatyana Klyukina (Samara, SamSTU)

Editorial team:

Elena Akhmedova, D. Arch., Professor, RAASN* Corresponding Member. (Samara, SamSTU)

Anna Gelfond, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Nizhny Novgorod, NNGASU)

Andrey Efimov, D. Arch., Professor (Moscow Architectural Institute)

Konstantin Kiyanenko, D. Arch., Professor, RAASN Advisor, (Vologda, Vologda State University)

Eugenia Repina, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)

Vitaly Samogorov, Ph.D. Arch., Professor, RAASN Advisor (Samara, SamSTU)

Sergey Sementsov, D. Arch., Professor, RAASN Advisor (St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

Julia Jankowski, D. Arch., Professor (Ekaterinburg, USAAA)

*RAASN - Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Editorial office: 443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya St., 194, office № 0607

Samara State Technical University. Innovative design department

Научное издание

Подписано в печать 28.12.2019 г. Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 4,88. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Слово»:

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел. (846) 267-36-82

© Самарский государственный технический университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

5-18	ИСТОРИИ ГОРОДА
6	<i>Филиппов В.Д.</i> ТЕОДОР ФИШЕР: ПЛАН И СТРОИТЕЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ МЮНХЕНА 1904 Г.
19-25	ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА
20	<i>Курсова М.Г., Репина Е.А.</i> КАТЕГОРИЯ ПУСТОТЫ В МИРОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ: ЯПОНИЯ, ЗАПАД, РОССИЯ
27-46	ЧЕЛОВЕК И ГОРОД
28	<i>Лашченко С.В., Грозовский Б.В.</i> ПОМОЖЕТ ЛИ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ» СОХРАНИТЬ СТАРЫЙ ЦЕНТР САМАРЫ
47-53	ГОРОД В ДВИЖЕНИИ
48	<i>Базина А.Н., Репина Е.А.</i> ФЕНОМЕН ВРЕМЕНИ В САМАРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ
55-67	ГОРОД ВНЕ ГОРОДА
56	<i>Филанова Т.В., Филиппов В.Д., Екатеринбургская А.</i> ПОСЕЛОК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ: ИСТОРИЯ И РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
69-80	МАСТЕРСКАЯ
70	<i>Боранов С.С.</i> КАТЕГОРИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АЛГОРИТМА И АРХОФУНКЦИИ
81-83	КОРОТКО
82	<i>Малахов С.А., Репина Е.А.</i> САМАРСКИЙ ДВОР. К ВЫХОДУ РОССИЙСКО-ГОЛЛАНДСКОЙ МОНОГРАФИИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ САМАРЫ
84	АВТОРЫ ЖУРНАЛА
CONTENTS	
5-18	URBAN STORIES
6	<i>Filippov V.</i> THEODOR FISCHER: PLAN AND BUILDING REGULATIONS MUNICH 1904
19-25	URBAN SPACE
20	<i>Kursova M., Repina E.</i> CATEGORY OF EMPTINESS IN THE WORLD ARCHITECTURE: JAPAN, WEST, RUSSIA
27-46	THE CITY&PEOPLE
28	<i>Lashchenko S., Grozovsky B.</i> WILL THE MECHANISM OF PRESERVATION HELP TO CONSERVE THE OLD CENTER OF SAMARA
47-53	CITY IN MOTION
48	<i>Bazina A., Repina E.</i> THE PHENOMENON OF TIME IN THE SAMARA HISTORICAL ENVIRONMENT

55-67 **CITY WITHOUT THE CITY**
.....

56 *Filanova T., Filippov V., Ekaterinskaya A.* SETTLEMENT UPRAVLENCHESKY: HISTORY AND RECREATIONAL POTENTIAL

69-80 **WORKSHOP**
.....

70 *Boranolov S.* CATEGORIES OF PRAGMATIC ALGORITHM AND ARCHOFUNCTION

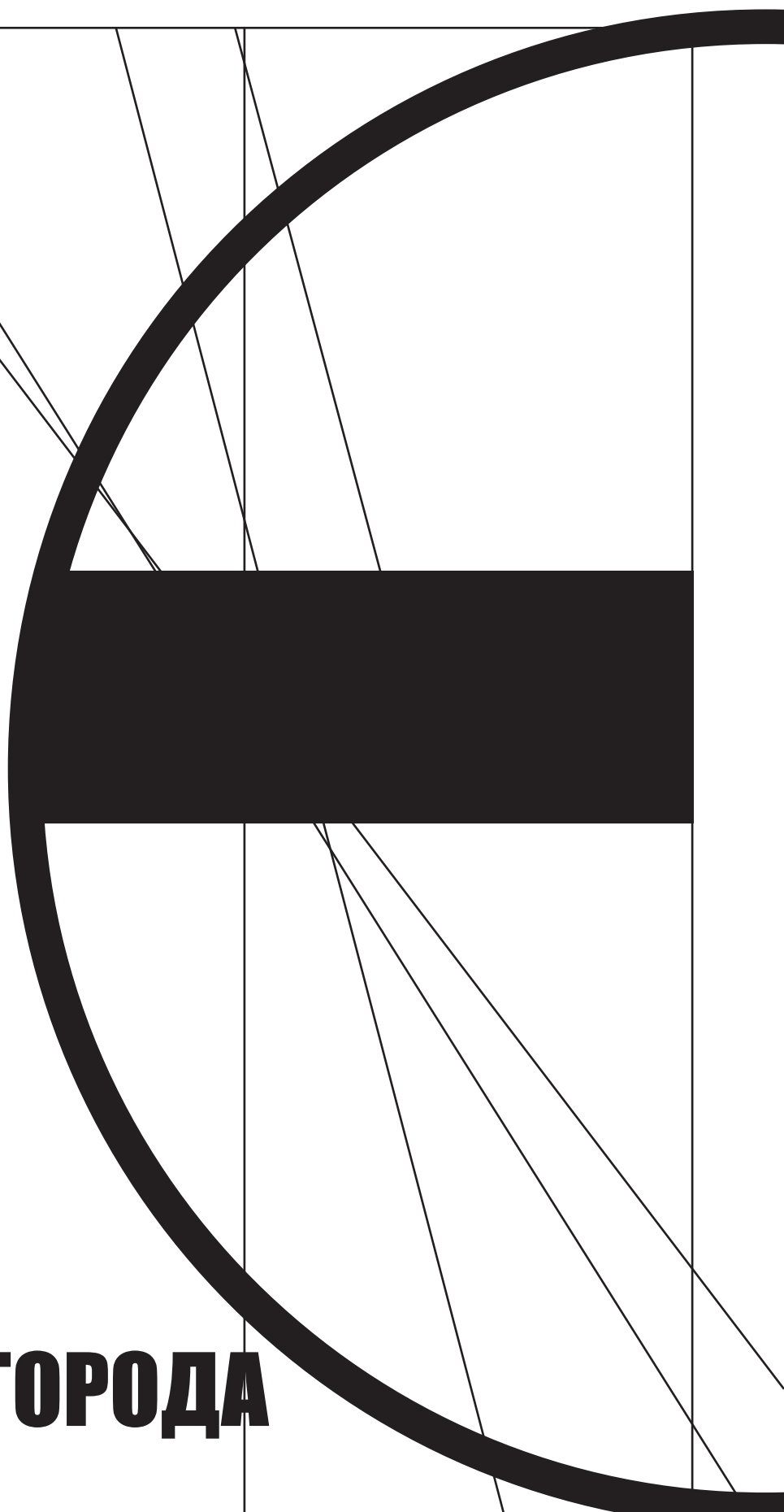
81-83 **BRIEFLY**
.....

82 *Malakhov S., Repina E.* SAMARA YARD. TO THE RELEASE OF THE RUSSIAN-DUTCH MONOGRAPH ON THE HISTORICAL ENVIRONMENT OF SAMARA

84 **JOURNAL AUTHORS**

1

5-18

ИСТОРИИ ГОРОДА
URBAN STORIES

Филиппов Василий Дмитриевич

Самарский государственный технический университет

Filippov Vasily

Samara State Technical University

ТЕОДОР ФИШЕР: ПЛАН И СТРОИТЕЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ МЮНХЕНА 1904 Г.

THEODOR FISCHER: PLAN AND BUILDING REGULATIONS MUNICH 1904

Обсуждены вопросы сохранения градостроительного наследия российских городов и предлагаемые методы его сохранения. Приведены исследования морфологии российских городов как пример научного подхода к описанию среды города в качестве возможного объекта для сохранения. Описана история плана расширения и градостроительного регламента Мюнхена, созданных Теодором Фишером и основанных на задании морфологии городского пространства, принятого в 1904 г. и актуального 75 лет, вне зависимости от власти в Германии. План и регламент стали основой для развития города, его восстановления после Второй мировой войны и сохранения его городской среды.

The issues of preserving the urban planning heritage of Russian cities and the proposed methods of its preservation are discussed. The study of the morphology of Russian cities is presented as an example of a scientific approach to the description of the urban environment as a possible object for conservation. The history of the expansion plan and urban planning regulations for Munich, created by Theodor Fischer and based on the task of the morphology of urban space, adopted in 1904 and current for 75 years, regardless of the government in Germany, is described. The plan and regulations became the basis for the development of the city, its restoration after World War II and the preservation of its urban environment.

Ключевые слова: архитектурная среда, план расширения города, строительный регламент, Теодор Фишер

Keywords: architectural environment, city expansion plan, building regulations, Theodor Fischer

«Город в каком-то смысле нечто живое, и, как всё живое, нечто изменчивое».

Теодор Фишер

Исторический и современный российский город

Сохранение исторического наследия городов – актуальная тема как исследований, так и выработки комплексных методик [1]. Уже давно всем понятно, что это сохранение не должно ограничиваться сбережением отдельных зданий, представляющих историческую или архитектурную ценность. Однако, ценность городской среды, в основном, описывается у нас на чувственном уровне, с аргументами из философии, психологии или социологии. Такой возвышенно-чувственный подход приводит к тому, что сохранение исторической среды в российских городах стало зависеть вовсе не от градостроителей, а от культурного уровня «недавних горожан» [2] или «деятельностных субъектов» [3].

Подмена понятия исторической среды города понятием ощущений от неё имеет тут вполне объективные причины из истории отечественного градостроительства. Наследие дореволюционной России (обычно его относят к исторической застройке) в планировке и застройке городов с наступлением плановой экономики стало поляной для неограниченных

экспериментов архитектора: конструктивиста, творца городов-демонстраторов достижений социализма, утилитариста и, наконец, советского модерниста. Так как эти архитекторы в моменты своего всевластия над городами не были ограничены ничем, кроме плановых указаний и своих представлений об идеальном городе, мы в городах имеем среду, которая соответствовала этим обстоятельствам. С концом плановой экономики власть архитектора закончилась, он стал персоналом застройщика, у которого представлений об идеальном городе, как правило, не было, поэтому в результате получилась среда для максимального извлечения застройщиком прибыли. Жителю такой среды, как замену городу, предоставили благоустроенную индивидуальную жилую ячейку в бетонном блоке. Так как никаких средств, кроме генерального плана, для регулирования места, где находится город, уже давно не было известно, по сути для его защиты был создан новый, но всё же генеральный план [4], где явно прописали хоть какие-то зоны, запретные для извлечения сверхприбыли. Эта паллиативная мера отчасти замедлила уничтожение исторической среды, но, в силу неадекватности концепции советского генерального плана как инструмента регулирования, с одной стороны продолжилась её деградация, а с другой – развитие города происходило фактически в стороне от этого плана [5]. Градостроительство

с благоустроенными ячейками как заменителями города, возродило интерес к историческому городу с его соразмерной человеку средой и к его изучению. Но так как в градостроительстве плановой экономики инструменты для изучения такого города (он был продуктом экономики рыночной) были утрачены, в большинстве случаев всё свелось к изучению своих чувств и эмоций, что вызвало желание превратить этот так и не понятый город (чтоб сохранить его, как источник своих ощущений) в музей, с отреставрированными нарядными фасадами (не более того), для привлечения туристов, с содержанием его, вероятно, за их счёт, забыв при этом об интересах и условиях обитания жителей этого музея [6,7].

Исключение составили исследования морфологии исторического города в попытке понять, что собой представляет его структура, которая и вызывает эти прекрасные чувства. С целью не только её сохранения, но и воспроизводства путём регламентации дальнейшей его застройки. Впервые такие исследования были проведены в Санкт-Петербурге, где для исторического центра города были выявлены предельные размеры зданий, этажность, расстояния, отступы и параметры деталей архитектурного оформления [8-10]. Подобные исследования были проведены и в Самаре, где на основании изучения элементарной ячейки старого провинциального города, «самарского двора», были обоснованы возможности его реконструкции и развития [11-13]. В Новосибирске объектом такого изучения стал весь город, включая советскую и современную застройку. Чтобы как-то упорядочить результаты исследования, было введено понятие части города с однородными свойствами городской среды или «локально-целостного градостроительного образования» [14]. Только в одном Новосибирске было обнаружено 53 класса таких образований в 20 типологических группах. [15]. Результат говорит о беспорядочности застройки города (что, вероятно, свойственно и всем большим современным российским городам – как пример, можно привести похожее, но ограниченное центром города исследование в Самаре [16]), а также о больших различиях в качестве жилой среды между этими образованиями. И, в связи с этим, о необходимости как-то выровнять эти различия путём уменьшения разнообразия при дальнейшем развитии города. Эта же необходимость возникла в конце XIX в. в Мюнхене из-за быстрого развития города, там был найден инструмент решения этой проблемы, и она была успешно решена.

Мюнхен в конце XIX века и Бюро расширения города

Население Мюнхена в 1870 г. составляло 163500 человек, к 1900 г., за счёт миграции и присоединения пригородов, оно выросло до 490000 [17], то есть за 30 лет в три раза. Это вызвало бурный и практически неконтролируемый рост жилищного строительства. План расширения города, разработанный в то время город-

ским советником Арнольдом Зенетти, был основан на регулярной сетке прямых улиц в соответствии с принципами Рейнхарда Баумайстера. Для прокладки этих дорог необходима была конфискация попадавшихся по пути городских земель, так как практически все земли были в частной собственности, а в Баварском строительном кодексе законодательная основа для конфискации отсутствовала. Это привело к необходимости переговоров с бесчисленным количеством землевладельцев, при этом город рос рядом и сам по себе, хотя всё же некоторую часть своих планов Зенетти смог реализовать. Незадолго до своей смерти, в 1891 г. он вынужден был признать: «*Мы даже десять лет назад еще слишком мало думали; Город возрос над нами и приобрёл такое расширение, что все надо охватывать гораздо дальше и больше, чем это можно было себе представить*» [18].

Власти Мюнхена поняли, что план Зенетти «не вполне соответствует степени сегодняшнего и будущего развития столицы» и в «Немецкой строительной газете» в июле 1891 г. объявили конкурс проектов расширения города. В жюри вошли виднейшие градостроители того времени: немецкие Рейнхард Баумайстер (Reinhard Baumeister), Йозеф Штюббен (Josef Stübбен) и австрийский Камилло Зитте (Camillo Sitte), а также архитектор Рейхстага Пауль Валло. В задачу жюри не входило выявление победителя, скорее, это был поиск плодотворных идей для дальнейшей разработки. Было выбрано 4 лучших проекта, в окончательном протоколе комиссии по расширению города (несмотря на ряд практических недостатков, отмеченных Баумайстером и Штюббенем), «самым выдающимся» был назван проект профессора Технического университета Ахена Карла Хенрици (Karl Henrici), он в нём на практике стремился реализовать идеи недавно, в 1889 г., вышедшей книги Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства». Город в проекте делился на районы, их центрами были площади с общественными зданиями, в пояснительной записке основная идея была изложена так: «*Я старался направить свои улицы так, чтобы, оставив одну группу площадей, сразу были бы видны башни центра следующего района, таким образом появляются новые перспективы вместе с новыми точками отдыха для глаз*» [18].

После подведения итогов конкурса новый городской советник Вильгельм Реттиг в 1893 г. организовал Бюро расширения города (Stadterweiterungsbüro) и, в продолжение идей конкурса, его главой назначил не дорожного строителя, как было в таких случаях принято, а молодого архитектора, до этого работавшего у Пауля Валло на проекте Рейхстага, затем и в Мюнхене у Габриэля фон Зайдля, 30-летнего Теодора Фишера (Theodor Fischer) [18].

Планирование дорожной сети и площадей Мюнхена

Несомненно, проект Хенрици стал для Теодора Фишера некоей отправной точкой. Однако известно,

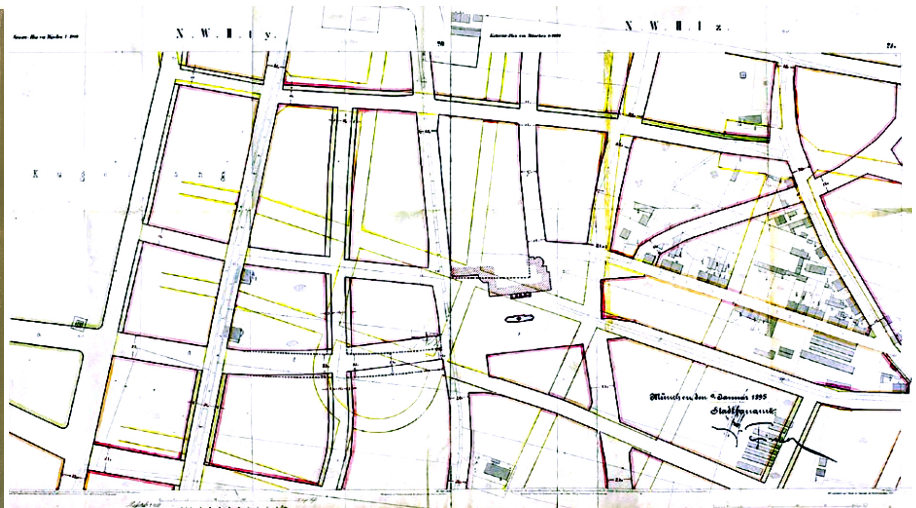

Рис. 1. Теодор Фишер, 1897 г. (литография Карла Бауэра) и изменение существовавших красных линий в районе Гогенцоллернитрассе, 1895 г. [19]

что Фишер ещё в 1890-м сам изучил книгу Зитте и в своих записях поддержал её идеи [18]. Поэтому в его плане Мюнхена нет совпадений с планом Хенрици. Общей у этих планов была идейная основа – живописный город Камилло Зитте, и характер изменений существовавших красных линий однозначно на это указывает (рис. 1). Кроме того, Фишеру следовало кое-где завершать и городские проекты развития в правильной прямоугольной сетке, начатые Зенетти. Но с практической стороны сложнее всего было согласование планов развития с интересами собственников земли, что геометрические планы Зенетти полностью игнорировали, поэтому став утопией. Так квартал за кварталом, улица за улицей, Фишер, с двумя чертёжниками в подчинении, [19] заново стал составлять план города, сшивая разросшуюся городскую ткань красными линиями улиц и площадей.

Фишер считал экспроприацию «опасным оружием, чье простое и неосторожное применение может быть удобным, но чья свобода открыла бы путь для схематичного эгалитаризма или пустого произвола в форме «дверей и ворот». Позже он написал: «Чем меньшую ценность представляет план развития, тем больше ему требуются законы об экспроприации» [18]. Поэтому планирование вдоль существующих границ собственности было в Мюнхене общим правилом. Но не только (и даже не столько) права собственности являлись для Фишера существенным обстоятельством в планировании расширения города. Скорее, он их считал частью ещё более важного для себя обстоятельства:

«Века оставили на нашей земле черты и морщины всех видов, к которым мы должны относиться с почтением. Что говорит нам старая загородная полоса, о чем говорят границы суши или округа? ... Что это за старая стена и этот старый ров? Все должно быть выровнено, нивелировано. Старая земля, что пронесла на себе и пережила судьбы стольких поколений, долж-

на быть сделана новой и нетронутой одним махом, росчерком пера какого-то чиновника, для облегчения работы чертёжника ... Удалите это, и произволу путь открыт, а произвол неизбежно последует схеме или манере. ... Разве мы так не теряем больше, чем могли бы выиграть?» [18]

Основным приёмом в планировании, как и у других градостроителей, было создание сети дорог, но, в связи с вниманием к сложившимся условиям, квартал у Фишера приобрёл вид изогнутого квадрата или прямоугольника. Треугольная форма являлась для него (из-за неудобств при организации движения и таких же неудобств планировки квартир в зданиях такого квартала) плохой и оттого нереконструируемой (рис. 2). Стороны квартала были длиной от 50 до 100 м, чаще всего исходной формой был прямоугольник 1:2, но для удобства, как строительства, так и движения, Фишер, по возможности, предпочитал квадрат [20].

Для Теодора Фишера движение являлось изменчивой «душой города» [21], а дороги были «скелетом», на котором выростала «плоть поселений» [22]. В этом он мало отличался от лучших в то время немецких градостроителей Баумайстера и Штюббена. Отличие было в другом. При планировании Фишера улицы Мюнхена естественным образом приобретали плавные изгибы, что при движении каждый раз открывало новый вид и новую перспективу. Вот как впоследствии он это описал в своих лекциях:

«Впервые мы на самом деле сталкиваемся с необходимостью эстетики, средства, которое в наших глазах, то есть я прокладываю правильный вывод дороги, чтобы создать впечатление пространства, но с особым акцентом на форму движения. Пребывание на этих длинных улицах связано не с нашим намерением и природой данного пространства, а с движением в одном направлении. Так что это психологически очевидное требование, чтобы я дал этому пространству цель, которую получают глаза тех, кто движется. В этом можно признать

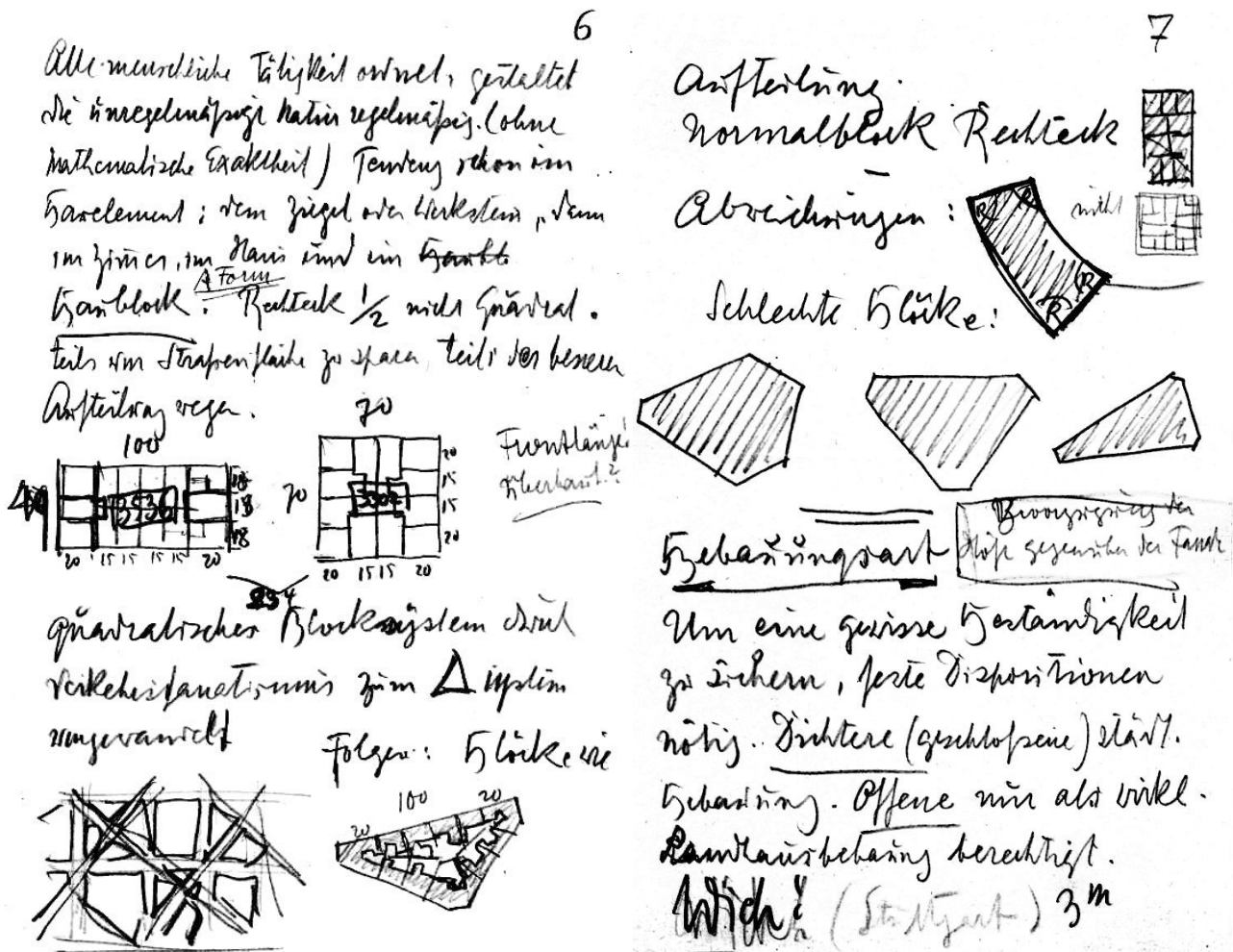

Рис. 2. Теодор Фишер. Рисунки для лекций: нормальный квартал, отклонения нормального квартала и «плохие» кварталы. (Architekturmuseum TU München) [20]

первый эстетический принцип градостроительства, не опасаясь столкнуться с неопределенными теоретическими и гипотетическими основаниями» [23].

Это прямо следовало из идей «живописного города» Камилло Зитте, но, в отличие от его догматичных последователей (к примеру, Хенрици), Фишер никогда не отказывался, если была возможность, от прямых участков улиц. Но длина этих участков должна быть ограниченной, и они должны завершаться «целью для глаз» тех, кто по ним движется. В отличие от Баумайстера, который планировал город из функции его движения и, кроме прямых и длинных (для глаз бесконечных) дорог, в городе ничего не видел, Фишер в Мюнхене пришёл к таким же выводам, что и Штюббен в Кёльне, где он был городским советником с 1881 по 1898 гг., также став сторонником идей Камилло Зитте. Но Фишер допускал у себя прямые улицы, а Штюббен у себя – изогнутые. У обоих всё зависело от условий конкретного места в городе, ведь для Фишера «произвольная нерегулярность [была] намного хуже, чем произвольная или идейная регулярность» [18]. Всего за его подписью было составлено более 400 чертежей красных линий (рис. 3).

Проблемы застройки Мюнхена

Однако, живописно и, в то же время, рационально спланировать расширение города оказалось явно недостаточно. Как было сказано, во многих местах он вырос сам по себе. И, если проложить дороги с учётом существующей ситуации было непросто, но возможно, то собрать эту застройку в единый город, учитывая, с одной стороны особенности каждого места, а с другой – создать это самое единство, такая задача виделась едва ли выполнимой. Объективно проблема делилась на 2 взаимосвязанные части: учесть при застройке местные особенности и привести застройку в гармоничное состояние в пределах каждого места, а каждое место привести в гармонию с другими частями города.

По первой части задачи ещё в 1876 г. Баумайстер в книге, которая считается первым фундаментальным научным справочником по градостроительству, в своём представлении города будущего, предложил исторически первый вариант деления города на зоны: зона крупной промышленности и больших складов с кварталами поблизости – для «рабочих, служащих и даже

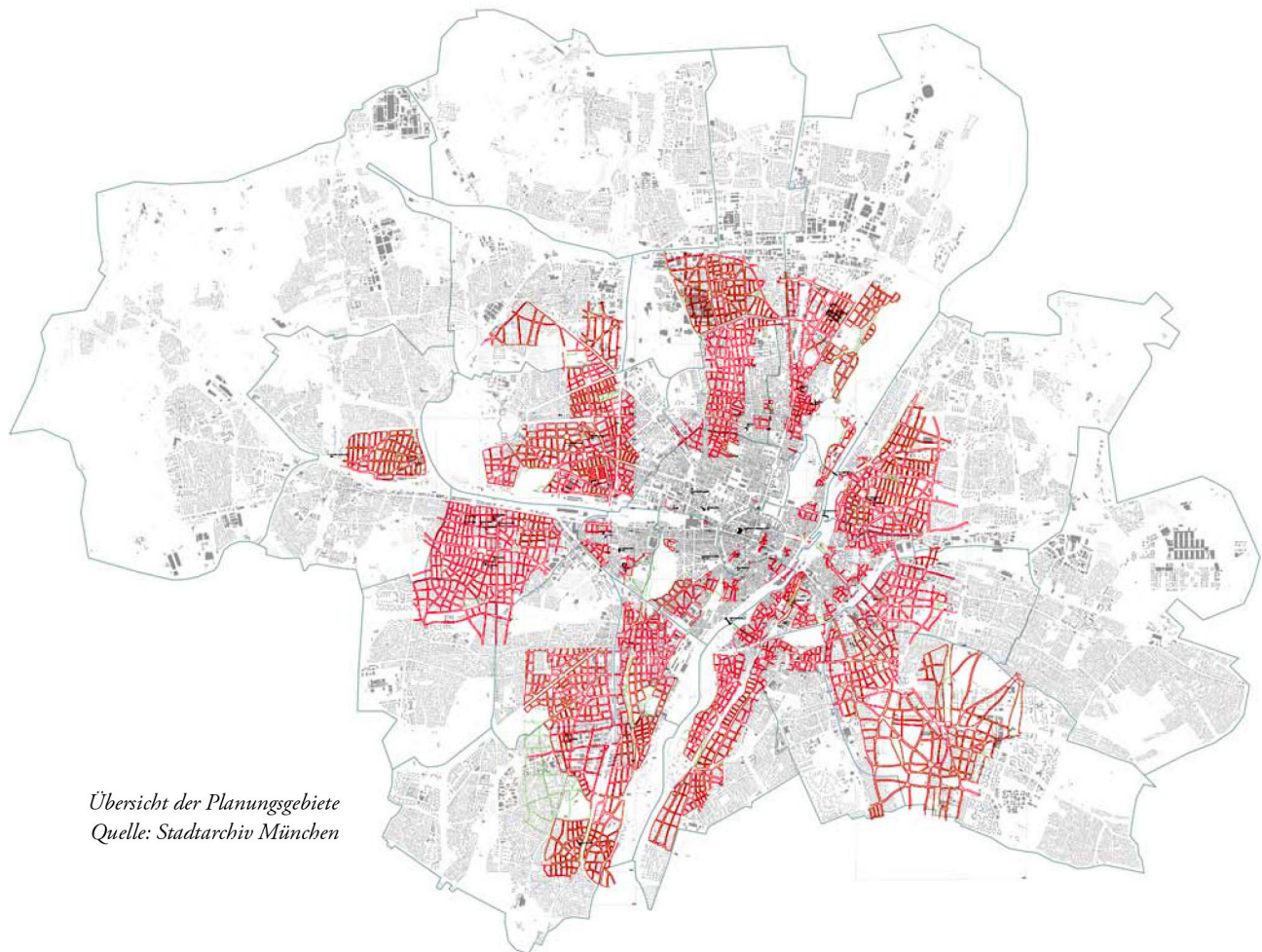

Рис. 3. Планы строительных (красных) линий Мюнхена, подписанные Теодором Фишером [21]

владельцев заводов»; зона «малого бизнеса и розничной торговли», жильё в которой «должно быть объединено с коммерческими учреждениями»; зона жилья для «не имеющих профессии (рантье), для тех, кто работает вне жилища и людей всех видов благосостояния» [24]. Каждой зоне при планировании города должны создаваться оптимальные «местные условия». На практике же первый закон о зонировании реального города был принят во Франкфурте в 1881 г., его инициировал обер-бургомистр Франц Адикес (Franz Adickes): он разделил город на внутренний и внешний, а внешний – на зоны (жилые, фабричные, смешанные кварталы), с регламентами застройки участков и высоты зданий, что заблокировало спекуляции землёй и, наряду с новым земельным законом, давшим возможность объединять неудобные мелкие участки обменом с собственниками и экспроприацией, привело к росту жилищного строительства. Йозефу Штюббену были известны идеи Баумайстера и практика Адикеса, в своём фундаментальном справочнике «Градостроительство» (Der Städtebau) в 1890 г. он изложил и, в то время являясь городским советником в Кёльне, в 1893 г. предложил свои идеи зонирования для реализации в городе. Закон о зонировании (Zonenbauordnung)

Кёльна был принят в 1896 г. и разделил город на 4 района: в первом (центр города) допускались жилые здания не более 4-х этажей, во втором (фабричные зоны и ряд других) – не более 3-х этажей, в третьем и четвёртом (большинство окраин города) – не более 2-х этажей [25]. Идеи Штюббена и их осуществление в Кёльне можно назвать прямым предвестием работ Фишера в Мюнхене.

Но перед Фишером стояла и вторая часть задачи – город как гармоничное единство. Рейнхард Баумайстер, будучи не архитектором, а дорожным инженером, как-то написал: «Архитектурная красота не является задачей строительной полиции, она получается сама по себе. ... Индивидуальная свобода не ведёт к безобразию» [24]. Практика в Мюнхене не совсем совпадала с представлениями основоположника градостроительства как науки. Применение в процессе роста города строительных норм центра города для его окраин «не остановило, а расширило спекуляции земельными участками и зданиями на основе предельно допустимых норм строительной полиции», что привело к «жилищным условиям, которые являются наиболее плачевными с точки зрения здравоохранения» [17]. Для того, чтобы как-то улучшить положение

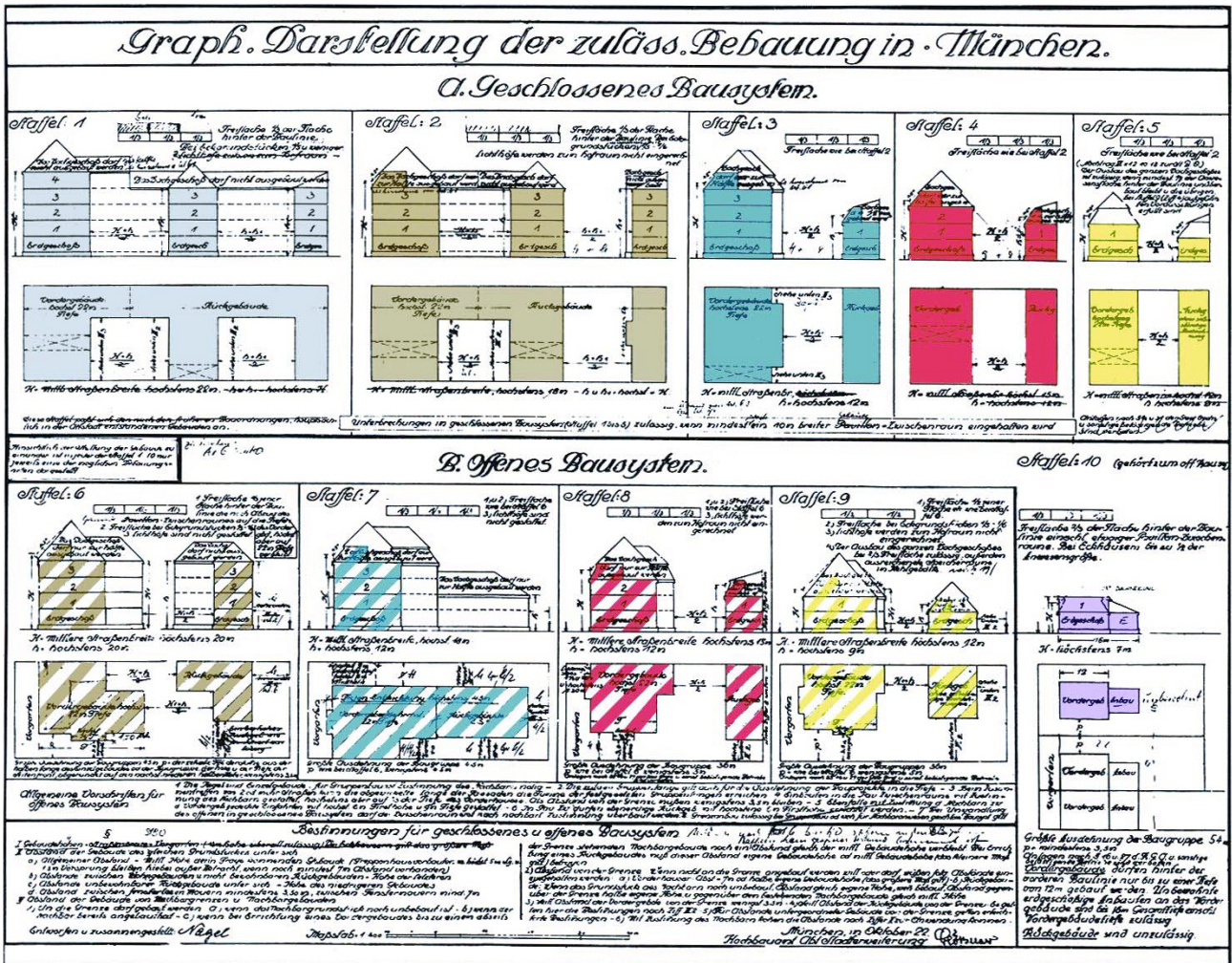

Рис. 4. Теодор Фишер: штафели строительного регламента (Staffelbausystem) Мюнхена (muenchen.de)

ние, в 1876 г. приняли закон, разрешавший для нового строительства, в дополнение к закрытой (брандмаурной) жилой застройке, открытую или павильонную (pavillon-bausystem) застройку отдельными стоящими зданиями [17], что должно было способствовать улучшению условий гигиены в таких домах, при этом ограничения на этажность и на их взаимное расположение в каждом случае рассматривались строительной полицией вместе с органами здравоохранения. О том, что получилось в результате, можно получить представление по отрывку одной из лекций Теодора Фишера:

«Далеко не все считают, что контраста, самого по себе, в градостроительстве следует избегать. Ведь без него едва ли можно представить какой-либо художественный эффект. Контраст – в каждом возвышенном теле, контраст – каждая тектоническая закономерность природы, каждый артефакт. Но создание контраста, самого по себе – это не искусство, искусство в преодолении всего, что противоречит единству – только растворение диссонанса приносит удовлетворение. Единство в городском планировании сейчас является очень непростой для достижения целью. ... Можем ли мы найти единство в современном

районе? Мы его не найдём. В лучшем случае, дом является единым для себя, иногда един только его портал, эркер; и мы уже довольны этим. Даже система открытой застройки, предписанная властями, делает любое стремление к единству иллюзорным. – Что мы видим? Рваная, угнетающая масса; каждый дом в открытой конкурентной борьбе со своим соседом. Мало того: каждое здание распадается на части, одной из них противно существование другой» [23].

Так Теодор Фишер пришёл к выводу о том, что следует не только, для учёта местных условий, устанавливать в разных местах разные ограничения по этажности и правила расположения зданий, но и, для гармоничного их объединения, сами здания должны быть вполне определённых, и для каждого места своих, сочетаний форм и размеров.

Система штафелей как основа градостроительного регламента и плана Мюнхена

При обследовании города Фишер внимательно изучал существующую застройку: этажность, размеры дворов, размеры зданий, их расположение

Staffelbauplan der K.Haupt- und Residenzstadt München 1904,ergänzt bis 1912

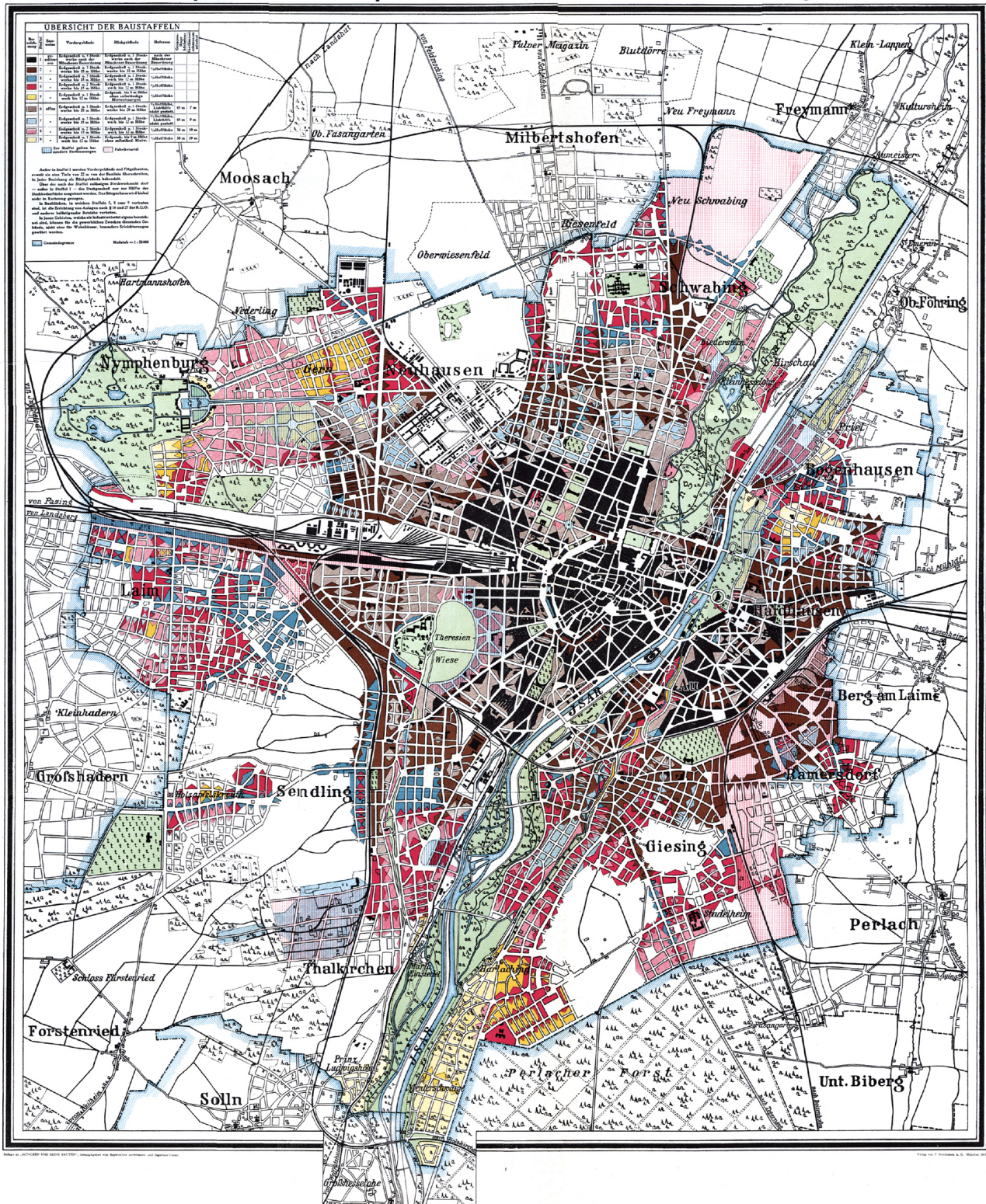

Рис. 6. План застройки и расширения Мюнхена (Staffelbauplan) 1904 г. с дополнениями 1912 г. и цветовыми обозначениями видов застройки (штаффелей) в районах города (muenchen.de)

Bezeichnung	Staffel	Bauweise	Vordergebäude	Rückgebäude	Hofraum	Erpessige Höhe	Erpessige Breite
	1	geschlossen	Erdgeschoss und 4 Stockwerke nach der Münchener Bauordnung.	Erdgeschoss und 3 Stockwerke nach der Münchener Bauordnung.	nach der Münchener Bauordnung.		
	2	"	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	1/4 Hoffläche.		
	3	"	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche.		
	4	"	Erdgeschoss und 2 Stockwerke bis 15 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche.		
	5	"	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	Erdgeschoss bis 9 m Höhe und ohne selbständige Mietwohnungen.	1/4 Hoffläche.		
	6	offen	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 20 m Höhe.	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 20 m Höhe.	1/4 Hoffläche, Lichthöfe sind nicht gestattet.	45 m	7 m
	7	"	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche, Lichthöfe sind nicht gestattet.	45 m	9 m
	8	"	Erdgeschoss und 2 Stockwerke bis 10 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche.	36 m	10 m
	9	"	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	Erdgeschoss bis 9 m Höhe und ohne selbständige Mietwohnungen.	1/4 Hoffläche.	38 m	10 m

Zur Staffel gelten besondere Bestimmungen. Fabrikviertel.

Außer in Staffel 1 werden Vordergebäude und Flügelbauten, soweit sie eine Tiefe von 22 m von der Baulinie überröhren, in jeder Beziehung als Rückgebäude behandelt.
Über der nach der Staffel zulässigen Stockwerkzahl darf — ausser in Staffel 1 — das Dachgeschoss nur zur Hälfte der Dachbodenfläche ausgebaut werden. Das Stiegenhaus wird hierbei nicht in Rechnung gezogen.
In Straßhöfen, in welchen Staffeln 5, 8 oder 9 vertreten sind, ist die Errichtung von Anlagen nach § 16 und 27 der R.G.-O. und anderer befallender Betriebs verboten.
In jenen Gebäuden, welche als Industrieviertel abgesehen sind, können für die gewerblichen Zwecken dienenden Gebäude, nicht aber für Wohnhäuser, besondere Erleichterungen gewährt werden.

Burgfrieden. Massstab = 1:13000.

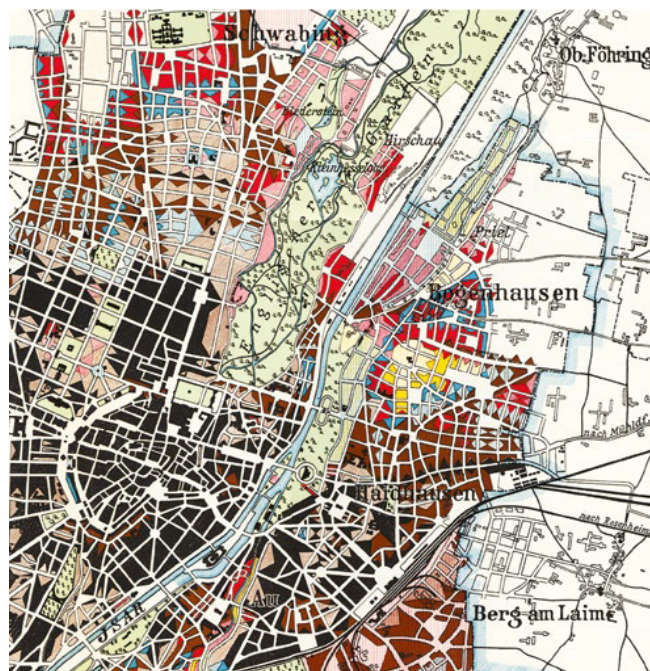

Рис. 7. Цветовые обозначения штафелей и фрагмент плана расширения Мюнхена (1912 г.)

и расстояния между ними. На основании этого он сформировал вначале 4, а затем 9 элементарных градостроительных единиц, названных им штафелями (staffel) (рис. 4).

Штафели №1 – №5 были разработаны для закрытой (брандмаурной) застройки, штафели №6 – №9 – для открытой или «павильонной». Уже после принятия регламента, примерно в 1920 г., их перечень был дополнен штафелем №10 [17] для открытой застройки с низкой плотностью на окраинах города. Штафель №1 был разработан по существу для упорядочивания плотной застройки в центре города и допускал максимальную высоту здания 22 м, площадь двора в 1/4 площади застройки, которую, при обоснованной необходимости, строительная полиция могла разрешить ещё уменьшить. В остальных штафелях высоты зданий были ниже, площадь двора – не менее 1/3, а в штафеле №9 – не менее 1/2 площади застройки [26]. На основе разработанной системы штафелей к 1900 г. был составлен план застройки и расширения города (рис. 5-6). При этом зона застройки одним штафелем могла граничить лишь с застройкой соседним (открытым или закрытым) (рис. 7), а разнообразие достигалось планировкой площадей и общественными зданиями, которые в застройке доминировали, и для этого также активно использовались особенности рельефа.

Для Фишера акцент на отдельных элементах гарантировал «объединение всех частей в единство, в котором все части, от наименьшего до главного, имеют свою собственную судьбу и прекрасны тем, что они выполняют свое предназначение в целом». В Богенхаузене земельная компания ради выгоды решила на месте такого общественного здания построить больше жилых домов, но разрешения не получила, так как, по мнению

Фишера, концепция «широкомасштабного развития внешних районов была бы этим сорвана» [18].

Таким образом, вероятно, впервые удалось достигнуть прогресса в соединении двух самых важных инструментов планирования: строительного регламента и плана зонирования. Сделано это было ради достижения одной цели: «в определенных пределах каждый может строить так, как ему требуется, с единственным условием, чтобы он не оскорблял соседа или общественный вкус» [23]. В 1901 г. Фишер, из-за невозможности реализовать свой проект по застройке Угольного острова (Kohleninsel), уволился из Бюро расширения, и с 1 ноября стал профессором строительного проектирования Технического университета в Штутгарте. План и регламент были приняты в 1904 г. и далее несколько раз принимались их изменения и дополнения, последнее из которых произошло в 1959 г. План и строительный регламент Фишера действовали до 1979 г. Такие планы застройки и расширения после Мюнхена он разработал для более чем 20 городов.

В годы Второй мировой войны Мюнхен, как и все немецкие промышленные города, был подвергнут англоамериканским бомбардировкам. Ему повезло больше, чем Гамбургу и Дрездену, однако треть его жилого фонда была практически уничтожена, а ещё треть получила серьезные повреждения. Однако, при восстановлении города было решено существенных изменений в его план не вносить, ограничившись расширением ряда улиц в связи с изменившимися условиями движения: «Преимущество существовала не только в красных линиях и строительных штафелях, но и в самом подходе к градостроительному планированию» [27].

Заключение

Теодор Фишер всегда искал и находил новое, но при этом вглядывался в историю мест, зданий и людей этих мест, чтобы новое явилось продолжением и развитием старого и таким образом возникала преемственность. Так в техническом университете Штутгарта он вместе со студентами изучал местные народные методы строительства и технологии, в частности технологию швабской штукатурки. Не менее бережно он относился к личностям своих студентов и предпочитал не навязывать свои представления, а развивать именно то, что для данного человека было органично и свойственно ему. Поэтому в Штутгарте (1901-1908), а затем, вернувшись в Мюнхен в 1908 г., как профессор архитектуры в Техническом университете (1908-1928), а также обучая в своей мастерской, он стал *«наставником целого поколения архитекторов»* [28], при этом одни стали выдающимися модернистами (Бруно Таут, Эрнст Май, Эрих Мендельсон, Хуго Херинг и Якобус Ауд), а другие – выдающимися представителями консервативного направления. Его методика обучения архитектуре на практике, которую он упорно продвигал (два года учёбы в университете и три года ремесла в мастерской), фактически стала основой методик преподавания Баухауса. В 1907 г. Фишер стал одним из основателей и первым председателем Немецкого Веркбунда, объединения художников и ремесленников, на почве идей которого Баухаус, собственно, и родился. Тем не менее, его активная позиция по бережному отношению к *«культурной памяти»* мест, а также то, что консервативные архитекторы Штутгартской школы (его ученики) называли его своим *«духовным отцом»*, стали причинами причисления Фишера к консерваторам.

Однако, когда нацисты, придя в 1932 г. к власти пока лишь в Дессау, стали разгонять Баухаус, Теодор Фишер в журнальной статье решительно выступил в его защиту:

«Я знаю Баухаус только из его публикаций, и, хотя у меня есть довольно много опасений в отношении методов, которые практикуются там до сих пор, хотя я подозреваю, что ко мне там никогда не испытывали особой симпатии, я осознаю и признаю, что у этого начинания важная задача в развитии и право на это. Я знаю, что наше время не может идти равномерно, и что, поскольку я сам позволяю себе и заставляю себя пробовать, это же право должно быть предоставлено другим. ... Кто-то судорожно пытается выяснить, что на самом деле является «немецким». Все, что я знаю, это то, что фанатизм – не немецкое» [22].

Ещё более поразительно его выступление уже после прихода нацистов к власти во всей Германии, 8 октября 1933 г. в Золотом зале ратуши в Аугсбурге на празднике Боевого союза за немецкую культуру (Kampfbund für deutsche Kultur). Перед этим Боевой союз, при общем руководстве Немецкого студенческого союза, 10 мая 1933 г. участвовал в «Акции против негерманского духа», где на площадях немецких

городов были публично сожжены десятки тысяч «немецких» книг. Вероятно, Фишера на этот праздник, где в Золотом зале присутствовали высшие руководители нацистской партии, пригласили как известного всем им «консерватора» и «хранителя немецких ценностей». Однако, он посчитал необходимым прочесть этим людям, ослеплённым нетерпимостью и мракобесием, лекцию о том, что он считает немецкой ценностью и сделанным впервые самостоятельным вкладом немецкой нации в мировую архитектуру. Лекция была о модернизме, который в Германии называли «новым строительством» (Neue Bauen), архитекторы которого ещё до прихода нацистов к власти стали с их стороны объектом травли и нападок:

«Форма – временное; рождается и проходит в соответствии с непоколебимыми законами, которые Бог установил для себя и для вечности. Итак, это законы Бога, а форма – это их выражение и их игра; мы живем и творим в них. ... Впервые в истории немецкого искусства мы видим зародыши новой формы выраженного на немецком языке. ... Очищение было неизбежно, избыток был везде; но в Германии он был самым большим. Оно должно было исходить из Германии, и оно пришло: сегодня англичане и итальянцы едут к нам, чтобы увидеть немецкое новое строительство, как около 1200 года наши каменщики отправились во Францию или около 1500 года Альбрехт Дюрер и остальные в Италию. ... Само собой разумеющимся было желание и необходимость упрощать и упрощать, снова и снова. Нам нравилось, когда нас называли пуританами, архитекторами бедных людей, потому что мы знали, что путь правильный. Но хуже всего было то, что новое строительство стало модой! Мода – враг всех глубин. Движение было задумано глубоко внутри. Мода, посредственность и снобизм убивали его. ... То, что этот поворот совпал с новыми непроверенными материалами и конструкциями, пропагандируемые экономикой, было одной из опасностей, которые сопровождали новое строительство. ... Это и мода затмили здоровое ядро в глазах тех, кто не смотрел глубже инстинктов обычных людей, процветание которых было подвержено опасности. Злоумышленники нарисовали искаженную картину, которая очень напоминает пропаганду о зверствах за границей в последнее время. ... Здание школы, на десятилетия загнанной в казарму, превращается в широкий малоэтажный дом со светлыми классами и открытыми залами. Так оно в сущности становится похожим на греческую гимназию и – чудо – даже форма похожа на великую греческую гимназию, без ущерба для того, что требует климат. Но вот главное: новая форма создана, а не заимствована. Если понять, что у этой формы нет ничего общего со стилизацией или украшением, то устраняется главная причина раздоров среди тех, кто должен работать вместе на благо Отечества, а не ненавидеть и оскорблять. ... Альбрехт Дюрер сказал: «Если я сейчас делаю одну или две колонны, чтобы научить моло-

дых людей этому, я думаю о немецкой душе. Потому что все, кто хочет построить что-то новое, тоже хотели бы иметь новый стиль, которого никогда не видели раньше». Так думали немцы! ... Да здравствуют люди, которые делают в искусстве потрясающее, то, что там должно быть!» [29]

После этой лекции, опубликованной вначале в декабре 1933 г. в *Deutsche Bauzeitung*, в январе 1934 г. в *Beilage zum Baumeister*, затем в сокращённом виде с высшей оценкой в Швейцарии [30], Теодор Фишер в том же году издал книгу «Две лекции о пропорциях» (*Zwei Vorträge über Proportionen*) и в дальнейшем отошёл от активной деятельности (рис. 8), воспринимая все более хладнокровно [31] события в стране. Когда он умер 25 декабря 1938 г., на похоронах был только самый близкий круг его друзей.

Очевидно, что сегодня строительные нормы, на основании которых в начале XX в. разрабатывались регламент и план Мюнхена, полностью устарели. Однако, концепции этого регламента и плана в последнее время привлекают всё большее внимание немецких исследователей [18-21, 32-33] как возможное решение проблемы устойчивого развития города. В 1922 г. М.Я. Гинзбург написал: «С момента своего зарождения до наших дней, зодчество в своих формальных элементах; отдельных расчленениях и композиции масс, одухотворено лишь одними законами ритма, определяющими собой подлинную сущность всякого архитектурного произведения» [34]. Согласно Фишеру, ритм рождался в результате движения по его городу. Поэтому его идеи, реализованные в Мюнхене, могут представлять интерес и в российских условиях: как при проектировании новых, так и при развитии старых городов, с сохранением (восстановлением) их исторической среды.

Библиографический список

1. Ахмедова Е.А. Методика комплексных исследований пространственно-планировочной структуры исторического поселения (на примере Самары) // Проблемы градостроительной реконструкции. - Самара, 2019. С. 28-35.
2. Крайняя Н.П. О механизмах культуры в формировании целостной архитектурной среды городов // Современная архитектура мира. 2016. № 7. С. 131-140.
3. Вавилонская Т.В. Определяющая роль деятельностных субъектов в развитии архитектурно-исторической среды Самарского Поволжья // Градостроительство и архитектура. 2017. Т. 7. № 1 (26). С. 82-86.
4. Ахмедова Е.А. Стратегические направления градостроительного развития поволжских городов в генеральных планах нового поколения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 6 (70). С. 160-168.
5. Корякин Ю.М. Генеральный план Самары: проект и реальность // Традиции и инновации в строитель-

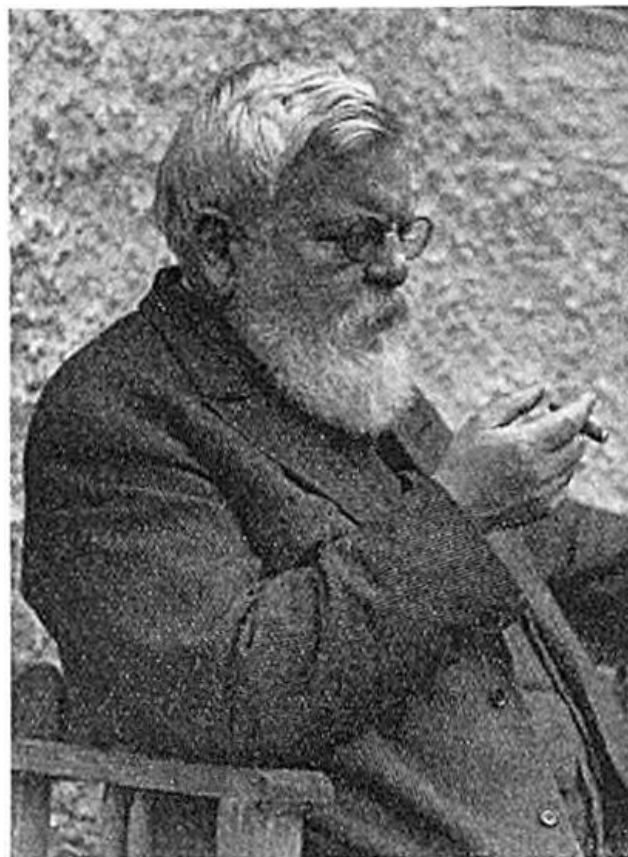

Рис. 8. Теодор Фишер в конце жизни [28]

- стве и архитектуре. Архитектура и градостроительство: сборник статей. – Самара, 2019, с. 656-665
6. Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Историческая среда в современных экономических условиях // Innovative Project. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 30-36.
7. Шувалов М.В., Комаров Д.С. Первоочередные мероприятия реновации зон исторической застройки городов // Градостроительство и архитектура. 2018. Т. 8. № 3 (32). С. 62-67.
8. Семенцов С.В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 2 (7). С. 15-20.
9. Семенцов С.В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Часть 2 // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 3 (8). С. 21-26.
10. Семенцов С.В. Средовое зонирование, градостроительная регламентация и правила застройки исторических районов Санкт-Петербурга // Вестник гражданских инженеров. 2009. № 4 (21). С. 13-18.
11. Стадников В.Э. Метод бесконфликтной реновации типового регулярного квартала исторического российского города // Архитектон: известия вузов. 2010. № 4 (32). С. 5.
12. Самогоров В.А., Рыбачева О.С. Реконструкция исторической части Самары с учетом сложившихся границ участков землепользования (дворовых пространств) // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного универ-

- ситета. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 31-1 (50). С. 300-304.
13. Самогоров В.А. Историческая среда как модель будущего в учебном проектировании // Наука, образование и экспериментальное проектирование труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции. 2015. С. 626-627.
 14. Гашенко А.Е. Архитектурно-градостроительная морфология как предмет системных исследований: элементный аспект // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 6 (53). С. 5-13.
 15. Гашенко А.Е. Архитектурно-градостроительная морфология Новосибирска: монография / А.Е. Гашенко; Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств. — Новосибирск, 2016. — 192 с.
 16. Гнилomedов А.С. Эволюция плотности и функциональной насыщенности городской среды на примере Центральной планировочной зоны города Самары // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. № 2. С. 16-20.
 17. Hartl Johann, Münchner Staffelbauordnung 1904-1979. URL: <https://www.stadtgrenze.de/s/bbo/muestabo/muestabo.htm>
 18. Steffan Felix (2013) Theodor Fischers Stadtplanungen für München im Kontext der Städtebauteorie um 1900. Die Prinzregentenstraße. Ludwig-Maximilians-Universität München. Faculty of History and the Arts, DOI: 10.5282/ubm/epub.19145
 19. Wolfrum Sophie (2012) Können wir von Theodor Fischer lernen? Bauwelt. No.36. 50-53.
 20. Castorph Matthias (2016), Stadtbaukunst heute? TEC21, No.15, 30-35
 21. Gräwe C. (2012) Blicken wir zurück und vorwärts! Zu Theodor Fischers 150. Geburtstag. BaunetzWOCHE, #275, 4-18.
 22. Bodenschatz Harald (1989) Theodor Fischer: Architekt und Städtebauer (1862-1938). ARCH+, Jg. 22, Heft 98, 12-13
 23. Fischer Theodor (1922) Sechs Vorträge über Stadtbaukunst, München-Berlin: Oldenbourg, 93 S.
 24. Baumeister Reinhard (1876) "Stadterweiterungen in technischer, baupolizeilicher und wirtschaftlicher Beziehung", Berlin, Ernst & Korn, 492 S.
 25. Диканский М.Г. Постройка городов, их план и красота: 135 рисунков в тексте. – Петроград: Издание Н. П. Карбасникова, 1915, 308 с.
 26. Münchner Staffelbauordnung vom 20. April 1904: mit einer allgemeinen Übersicht über die wichtigeren baupolizeilichen Vorschriften der Kgl. Haupt- und Residenzstadt München, ferner mit Erläuterungen und einem Anhang. - München: C.H. Beck, 1904, 221 S.
 27. Enss Carmen (2013) "Altstadt im Umbau. Der Wiederaufbau des Münchner Kreuzviertels zwischen 1945 und 1958" Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktor-Ingenieurs. Fakultät für Architektur der Technischen Universität München, 315 S.
 28. Harbers Guido (1939) Theodor Fischer, Beilage zum Baumeister, Heft 2, s. 37-38
 29. Fischer Theodor (1934) "Gedanken zur Neuen Künstlerischen Form", Beilage zum Baumeister, Heft 1, s. 1-3
 30. Entwirrung der Begriffe II, Das Werk, 1934, Heft 2, s. 62-63
 31. Lutz Alfred (2011) Fischer, Theodor // Württembergische Biographien, - Bd. 2 - Stuttgart: Kohlhammer, - 358 S. s. 61-64
 32. Castorph Matthias (2019) Die Sichtachse – eine Papieridee? Standpunkte, No.2/3, S. 5-7
 33. Bäumler Klaus (2019) Weitsichtiger Schutz der Weitsicht. Theodor Fischer, die Staffelbauordnung und die Münchner Sichtachsen, Standpunkte, No.2/3., S. 8-10
 34. Гинзбург М.Я. Ритм в архитектуре. – Москва: Среди коллекционеров, 1923. – 119 с.

References

1. Akhmedova E.A. Methodology for comprehensive research of the spatial planning structure of a historical settlement (on the example of Samara) // Problems of urban planning reconstruction. - Samara, 2019. S. 28-35.
2. Kraynyaya N.P. On the mechanisms of culture in the formation of an integral architectural environment of cities // Modern architecture of the world. 2016. No. 7. S. 131-140.
3. Vavilonskaya T.V. The defining role of activity subjects in the development of the architectural and historical environment of the Samara Volga region // Town planning and architecture. 2017. Vol. 7.No. 1 (26). S. 82-86.
4. Akhmedova E.A. Strategic directions of urban development of the Volga cities in the general plans of the new generation // Bulletin of the Orenburg State University. 2007. No. 6 (70). S. 160-168.
5. Koryakin Yu.M. General plan of Samara: project and reality // Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and urban planning: a collection of articles. - Samara, 2019, p. 656-665
6. Orlov D.N., Orlova N.A. Historical environment in modern economic conditions // Innovative Project. 2017. Vol. 2.No. 3 (7). S. 30-36.
7. Shuvalov M.V., Komarov D.S. Priority measures for the renovation of zones of historical buildings of cities // Urban planning and architecture. 2018. Vol. 8. No. 3 (32). S. 62-67.
8. Sementsov S.V. Stages of the formation of the spatial environment of St. Petersburg // Bulletin of civil engineers. 2006. No. 2 (7). S. 15-20.
9. Sementsov S.V. Stages of the formation of the spatial environment of St. Petersburg. Part 2 // Bulletin of civil engineers. 2006. No. 3 (8). S. 21-26.
10. Sementsov S.V. Environmental zoning, urban planning regulations and building rules for historical areas of St. Petersburg // Bulletin of civil engineers. 2009. No. 4 (21). S. 13-18.
11. Stadnikov V.E. The method of conflict-free renovation of a typical regular quarter of a historical Russian city // Architecton: Izvestiya vuzov. 2010. No. 4 (32). S. 5.

12. Samogorov V.A., Rybacheva O.S. Reconstruction of the historical part of Samara taking into account the existing boundaries of land use areas (courtyard spaces) // Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Building and architecture. 2013. No. 31-1 (50). S. 300-304.
13. Samogorov V.A. Historical environment as a model of the future in educational design // Science, education and experimental design, Proceedings of the Moscow Architectural Institute: materials of the international scientific and practical conference. 2015. S. 626-627.
14. Gashenko A.E. Architectural and urban planning morphology as a subject of system research: the elemental aspect // Bulletin of civil engineers. 2015. No. 6 (53). S. 5-13.
15. Gashenko A.E. Architectural and urban planning morphology of Novosibirsk: monograph / A.E. Gashenko; Novosib. State un-t of architecture, design and arts. - Novosibirsk, 2016. - 192 p.
16. Gnilomedov A.S. Evolution of the density and functional saturation of the urban environment on the example of the Central planning zone of the city of Samara // Vestnik SGASU. Urban planning and architecture. 2014. No. 2. S. 16-20.
17. Hartl Johann, Münchner Staffelbauordnung 1904-1979. URL: <https://www.stadtgrenze.de/s/bbo/muestabo/muestabo.htm>
18. Steffan Felix (2013) Theodor Fischers Stadtplanungen für München im Kontext der Städtebauthorie um 1900. Die Prinzregentenstraße. Ludwig-Maximilians-Universität München. Faculty of History and the Arts, DOI: 10.5282/ubm/epub.19145
19. Wolfrum Sophie (2012) Können wir von Theodor Fischer lernen? Bauwelt. No.36. 50-53.
20. Castorph Matthias (2016), Stadtbaukunst heute? TEC21, No.15, 30-35
21. Gräwe C. (2012) Blicken wir zurück und vorwärts! Zu Theodor Fischers 150. Geburtstag. BaunetzWOCHE, #275, 4-18.
22. Bodenschatz Harald (1989) Theodor Fischer: Architekt und Städtebauer (1862-1938). ARCH+, Jg. 22, Heft 98, 12-13
23. Fischer Theodor (1922) Sechs Vorträge über Stadtbaukunst, München-Berlin: Oldenbourg, 93 S.
24. Baumeister Reinhard (1876) "Stadterweiterungen in technischer, baupolizeilicher und wirtschaftlicher Beziehung", Berlin, Ernst & Korn, 492 S.
25. Dikansky M.G. Construction of cities, their plan and beauty: 135 drawings in the text. - Petrograd: Edition of N.P. Karbasnikov, 1915, 308 p.
26. Münchner Staffelbauordnung vom 20. April 1904: mit einer allgemeinen Übersicht über die wichtigeren baupolizeilichen Vorschriften der Kgl. Haupt- und Residenzstadt München, ferner mit Erläuterungen und einem Anhang. - München: C.H. Beck, 1904, 221 S.
27. Enss Carmen (2013) "Altstadt im Umbau. Der Wiederaufbau des Münchner Kreuzviertels zwischen 1945 und 1958" Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktor-Ingenieurs. Fakultät für Architektur der Technischen Universität München, 315 S.
28. Harbers Guido (1939) Theodor Fischer, Beilage zum Baumeister, Heft 2, s. 37-38
29. Fischer Theodor (1934) "Gedanken zur Neuen Künstlerischen Form", Beilage zum Baumeister, Heft 1, s. 1-3
30. Entwirrung der Begriffe II, Das Werk, 1934, Heft 2, s. 62-63
31. Lutz Alfred (2011) Fischer, Theodor // Württembergische Biographien, - Bd. 2 - Stuttgart: Kohlhammer, - 358 S. s. 61-64
32. Castorph Matthias (2019) Die Sichtachse – eine Papieridee? Standpunkte, No.2/3, S. 5-7
33. Bäumler Klaus (2019) Weitsichtiger Schutz der Weitsicht. Theodor Fischer, die Staffelbauordnung und die Münchner Sichtachsen, Standpunkte, No.2/3., S. 8-10
34. Ginzburg M.Ya. Rhythm in architecture. - Moscow: Among collectors, 1923. - 119 p.

Для ссылок: Филиппов В.Д. Теодор Фишер: план и строительный регламент Мюнхена 1904 г. // Innovative project. 2019. Т.4, №10. С.6-18. DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.1

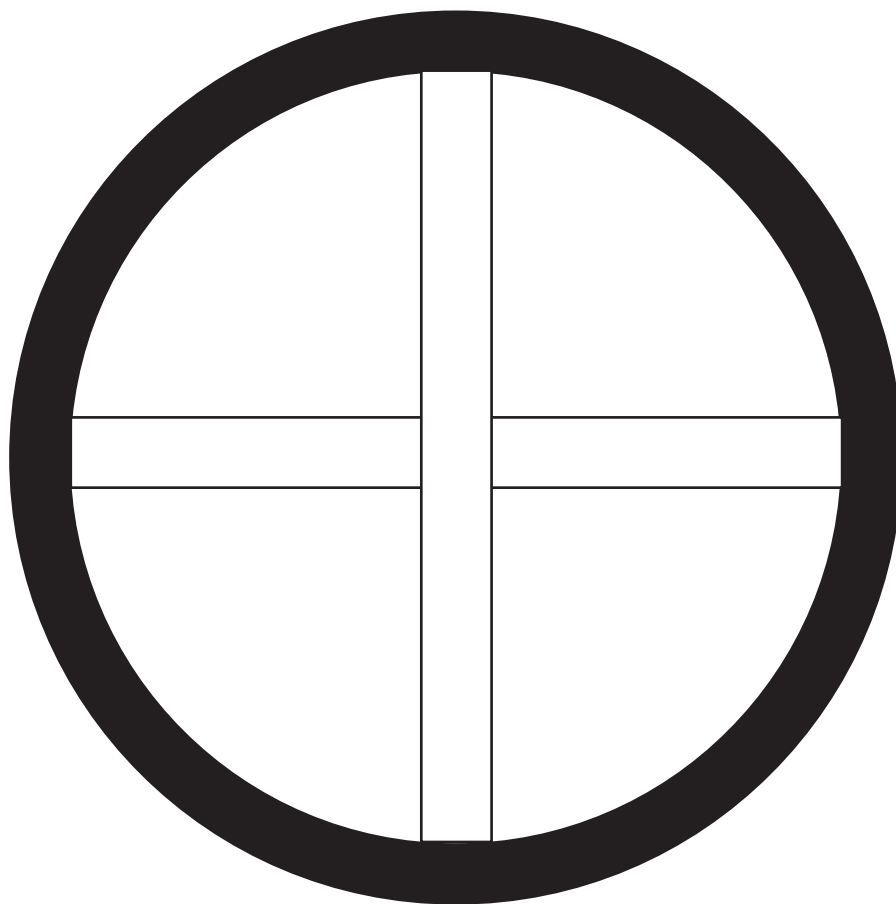
For references: Filippov V.D. Theodor Fischer: Plan and Building Regulations for Munich 1904 // Innovative project, 2019, Vol. 4, no. 10, pp. 6-18. DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.1

2

19–25

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

URBAN SPACE

Курсова Марина Геннадьевна, Репина Евгения Александровна
Самарский государственный технический университет

Kursova Marina, Repina Evgeniya
Samara State Technical University

КАТЕГОРИЯ ПУСТОТЫ В МИРОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ: ЯПОНИЯ, ЗАПАД, РОССИЯ

CATEGORY OF EMPTINESS IN THE WORLD ARCHITECTURE: JAPAN, WEST, RUSSIA

В статье анализируется философское и психологическое значение категории пустоты и ее отражение в искусстве и архитектуре. Рассматривается сакральный смысл «пустоты» в дзэн-буддизме и его влияние на японскую архитектуру. Анализируются различия в интерпретациях понятия «пустоты» в восточной, западной и русской философии и архитектуре, освещается, каким образом отголоски учения дзен и категории пустоты способствовали зарождению пустотного канона в авангарде. Рассматриваются девальвация «пустоты» в эстетике модерна и ее трансформация в условиях постмодерна. В ходе анализа отношения современного поколения к категориям пустоты и пространства выявлены предпосылки возвращения отношения к пустоте и пространству как сакральным категориям архитектурной культуры.

The article analyzes the philosophical and psychological meaning of the category of emptiness and its reflection in art and architecture. The sacred meaning of emptiness in Zen Buddhism and its influence on Japanese architecture are considered. Differences in interpretations of the concept of "emptiness" in Eastern, Western and Russian philosophy and architecture are analyzed, it is highlighted how echoes of Zen teachings and the category of emptiness contributed to the emergence of the empty canon in the avant-garde. The devaluation of "emptiness" in the aesthetics of modernity and its transformation under the conditions of postmodernism are considered. In the course of analyzing the attitude of the modern generation to the categories of emptiness and space, the preconditions for the return of the attitude to emptiness and space as sacred categories of architectural culture are revealed.

Ключевые слова: пустота, дзэн-буддизм, гештальт, архетип, японская архитектура, авангард, минимализм, постмодернизм

Keywords: emptiness, Zen Buddhism, gestalt, archetype, Japanese architecture, avant-garde, minimalism, postmodernism

Категория пустоты занимает особое место в архитектуре, так как имеет эмоциональное и смысловое значение, обладает возможностью влиять на эмоции и чувства человека. Пустота позволяет понимать архитектуру за пределами построенного пространства. Она является более широким и многослойным понятием, предстает своего рода «духом» пространства. «Дом строится из стен с окнами и дверями, но именно пустота в нём составляет суть дома. Общий принцип: материальное – полезно, нематериальное – суть бытия» - писал философ древности Лао-Цзы. [1]

Согласно философии дзен-буддизма пустота (япон. – «шуньята», или «ма») находится на границе реального и нереального, она тождественна «текучести вещей», то есть «переплетению бытия и небытия». «Познавая то, что существует, вы можете познать то, чего не существует. Такова пустота». [2, с. 178]

Учение Будды, записанное в Сутре Сердца, содержит известные строчки: «Форма – это пустота. Пустота – это форма. Пустота – не иное, чем форма, форма также не иное, чем пустота». [3] Эти строки олицетворяют парадокс: объекты кажутся имеющими форму,

но, поскольку они связаны со всем остальным, это иллюзия, а «все остальное», с которым связаны объекты, можно воспринимать только через формы. Буддийская версия понимания пространства дает важные и равные позиции как форме, которую архитектор «собирает», так и взаимосвязанной пустоте, которая, в каком-то смысле, создает форму. Иначе говоря, в пространстве все взаимосвязано и имеет равное значение, частности не имеют своего отдельного «я».

Тот же смысл описывается принципом гештальтпсихологии «фигура-фон». Архитектурное пространство по Кристиану Норбергу-Шульцу, норвежскому теоретику архитектуры, приобретает экзистенциальные качества – вызывает глубокий эмоциональный отклик лишь тогда, когда все его элементы воспринимаются как единое целое. В данном аспекте при взаимодействии элементов пространства – массы и пустоты – по закону гештальтпсихологии «фигура-фон», возникает «третий элемент» системы – новый смысл, ведь «целое есть нечто большее, чем простая совокупность частей». Таким образом, пустота не означает, что в пространстве ничего нет, но означает, что простран-

ство полно смысла и тайн, а не формальных и поверхностных аспектов. [4]

Человек воспринимает «пустоту» на уровне бессознательного, в виде некоего первообраза, то есть, согласно психоаналитической доктрине К. Г. Юнга, за счет воздействия архетипа коллективного бессознательного. Архетипы, по определению К. Г. Юнга, не зависят от места и времени существования человека, «не распределяются благодаря традициям, языку и миграциям, могут проявляться спонтанно, в любое время и в любом месте, без всякого внешнего влияния». Предполагается, что архетип трансформации соответствует достижению пустоты по версии дзен, которая и есть просветление. Описанный К. Юнгом пространственный архетип трансформации отражает процесс восприятия пустоты, движение к просветлению – «это может быть точка перехода или связь пространств разного уровня, качества. Его начало почти всегда характеризуется как тупик или подобная ему безвыходная ситуация, целью процесса является... просветление или высшая сознательность. Через них первоначальная ситуация переводится на более высокий уровень». [5]

О том, что феномен пустоты играет промежуточную роль рассматривается в монографии Н. Р. Саенко «Онтологическая поэтика пустоты», посвященной изложению концепции философии небытия в приложении к эстетической сфере постмодернизма: «Еще в конце XIX в. А. Кемпе, известный специалист по символической логике, определил, что человеку свойственно мыслить в терминах диадных отношений: мы обычно разбиваем триадное отношение на пару диад. Логичным было бы утверждение, что диадные отношения есть триады, содержащие нулевой член. Таким образом признается существование некой нейтральности, середины, обладающей одновременно признаками противоположно маркированных полюсов. Таким третьим нулевым составляющим оппозиции «бытие - небытие» является феномен пустоты, принадлежащий сфере бытия, но обладающий категориальными признаками небытия». Там, где заканчивается осознание бытия пространства, времени, ментальных образований, начинается пустота». [6]

Весь опыт человечества по восприятию пустоты связан равным образом с влечением к пустоте и страхом пустоты. Предполагается, что данное трансцендентное качество пустоты является причиной различия в ее интерпретациях в восточной и западной культуре.

Отношение к пустоте, пустому пространству на Западе и на Востоке существенно отличается, равно как «чай, который символизирует буддизм контрастирует с вином, которое символизирует христианство, так что контраст между ними есть контраст между буддизмом и христианством» [2, с.307].

В восточном искусстве и архитектуре пустота имеет более глубокий смысл, чем просто пустое простран-

ство, как оно определяется в западной культуре. Здесь пустота имеет сакральное, божественное значение: «пустота есть Бог, а Бог – это пустота», «дух обладает пустотой» [2, с.332]. Пустота мыслится как граница между сознательным и бессознательным, точка баланса, миг между прошлым и будущим, состояние жизни «здесь и сейчас». В пустом пространстве человеку не поступает никакой новой информации, но именно в этот момент все накопленное предыдущим опытом преобразуется в душе человека в новое качество. Реальность выступает на поверхности, постигается истина, наступает просветление. Результатом просветления становится подлинная свобода. Иными словами, пустота — это Абсолют, высшая мудрость, выводящая нас за пределы обыденного сознания и обеспечивающая непосредственное постижение истины, что адекватно достижению нирваны.

Концепция пустоты и простоты определяет архитектуру Японии на протяжении большей части истории этой страны и составляет японскую идентичность. Красота пустого пространства, его созерцание воспринимается японцами как момент безмолвной полноты, который содержит глубокий смысл: «Там, где по привычке ты ожидаешь встретить объект, или массу, или элемент симметричности, они отсутствуют, и именно это отсутствие неожиданно пробуждает в тебе чувство удовольствия. Пустота – это бесформенность, но она есть также источник всех возможностей» [2, с.29].

Благодаря стремлению к пустоте и аскетизму, выражавшемуся в упрощении формы и отказе от декора, использовании концепции ваби-саби (что характеризуется как «бедность» или «отсутствие пребывания в светском обществе») в японской архитектуре зародился стиль минимализм, воспринимаемый сегодня в качестве одного из самых популярных современных направлений в архитектуре и дизайне.

Минимализм господствует в экстерьерах и интерьерах японских архитекторов, подтверждая верность японцев «пустоте». Так, Т. Андо считает, что пустые пространства – это места, где противоположности конфликтуют друг с другом, являются местами столкновения и противостояния света и тьмы, старого и нового, архитектуры и природы. Он утверждает, что концепция «Ма» (пустоты) в японской архитектуре и эстетике относится не к спокойному, мирному месту, а к пропасти, полной жестокого конфликта и конфронтации. Традиционная японская архитектура – это «архитектура, доведенная до крайности простоты и эстетики, настолько лишенная атрибутов, что глубоко созвучна теории «Ма», или ничто» – считает он. В своих проектах Т. Андо оставляет пространство пустым, тем самым предоставляя людям возможность заполнить пространство в соответствии с их восприятием. [7]

В западной традиции пустота семантически воспринимается как отсутствие, ничто, и, следовательно,

не представляет какую-либо ценность. Она выступает скорее, как синоним небытия и рассматривается в негативном значении как бедность, одиночество, опустошенность, недостаток чего-либо.

Попытки осмыслить ее значение в положительном аспекте рассматриваются в трудах современных западных философов – М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Ж. Бодрийара, Ж. Дерриды, Р. Барта и других. М. Хайдеггер пишет: «Но, возможно, как раз пустота сродни собственному существу места и потому она вовсе не отсутствие, а произведение. Снова язык способен дать нам намек. В глаголе «пустить» звучит впускание, в первоначальном смысле сосредоточенного собирания, царящего в месте. Пустой стакан значит: собранный в своей высвобожденной и способный впустить в себя содержимое. Опускать снятые плоды в корзину значит: предоставлять им это место. Пустота не ничто. Она также и не отсутствие». [8]

У Ж. Бодрийара соотношение элементов пространства происходит исключительно благодаря пустоте, она становится его формализованным знаком. Каждый предмет пространства, каждая его форма нуждается в окружении пустотой, иначе среда разрушается: «В комнате, где много пространства, возникает эффект Природы – «все дышит». Пространство больше не возникает из взаимосвязи форм, наоборот – Отсюда тяга к пустоте: так голые стены комнаты могут обозначать культурность и достаток. Чтобы выделить какую-нибудь безделушку, вокруг нее создают пустоту. Таким образом, «среда» зачастую представляет собой лишь формальную расстановку, где те или иные вещи «персонализируются» через исчислимость пустоты». [9]

Учение дзен-буддизма оказалось глубоко созвучным ряду направлений европейской мысли и оказало серьезное влияние на всю западную культуру XIX–XX веков. Через стремление общества к оккультизму и ориентализму восточные практики проникают в авангард, где происходит поиск первооснов в художественном языке. Паузы в виде чистых, протяженных объемов становятся неотъемлемым свойством пространства в архитектуре новых стилей – конструктивизма, рационализма, модернизма. Благодаря японской философии дзен «пустотный канон» становится основой проектной культуры в архитектуре Запада. Так, для Р. Колхааса пустое пространство, является местом с «программным потенциалом», неисчерпаемой множественностью потенциальных возможностей. Отношение архитектора к пустоте превратилось в часто повторяемое им изречение: «Где нет ничего – возможно все; где есть архитектура, ничего другого невозможно».

В России категория пустоты имеет резко негативное значение и связана с разрушением и смертью. Отношение к пустоте можно охарактеризовать словами литературного критика М.Н. Липовецкого: «Мир есть нечто, изготовленное из «ничто», и потому все категории внешнего и внутреннего бытия иллюзорны.

Поиски истины в этом пустом и иллюзорном мире, по существу, тождественны смерти, небытию. Точка пустоты, абсолютного ничто – иначе: смерть – оказывается квинтэссенцией всех форм жизни». [10]

Страх русских людей перед большим пространством, боязнь пустоты на уровне бессознательного описывает в своем эссе «Широта и теснота» философ М. Н. Эпштейн. Он называет безграничное, но при этом оказавшееся тесным, пространство чудом, чистой формой вместимости. Безграничное, где люди жмутся друг к другу в страхе перед необъятным простором. Неразрешимость, противоречивость этого факта определяется как «давняя, из глубин веков, предрасположенность обитателя великой равнины». «Кажется, что в России мы все страдаем комплексом любви-ненависти к пространству. Чистое поле, неведомые равнины, пустая тьма, беспредельная вышина... Такой простор есть пустота, полное Ничто, близость которого невыносима» - пишет он. [11]

Характерной особенностью русской культуры является парадоксальная проблема с ее нахождением в современном времени как таковом. Способ существования русской культуры приводит ее к состоянию, когда, по словам М. Эпштейна, «элементов предмодерна и постмодерна в ней гораздо больше, чем собственно современных черт». [12, с.142] «Отсутствие» нахождения культуры России в моменте «здесь и сейчас», который характеризуется согласно философии дзен-буддизма как захватывающее чувство свободы, полноты и целостности, приводит к конфликту интерпретации понятия «пустоты» в России. Здесь пустота занимает маргинальное положение, становится «бедной». М. Эпштейн приводит такое сравнение: «В Европе пустота есть некое вакантное место, еще не вполне обустроенное, подлежащее овладению, культивации, требующее активных человеческих действий, заботы и труда. В России сама пустота есть активное начало, взбесившийся вакуум, засасывающий в никуда все начинания человека, втягивающий в смерчеобразную воронку всю историю, традиции, культуру». [12, с. 194]

Отношение к пустоте как к ценности зарождается в России в начале XX века, когда в стране начинается эпоха пробуждения самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. В результате были открыты новые источники творческой жизни, появилась надежда на ее преобразование. Художники, изменившие мир и направление развития искусства и архитектуры – кубофутуристы, супрематисты, конструктивисты, лучисты, абстракционисты – проложили путь к отношению к пустоте как священной ценности. Она выступает как символ возрождения, надежды на новую лучшую жизнь рабочего класса.

Экстаз «тотальной пустоты» выражается через супрематизм К. Малевича, освободившего искусство от наследия предметного мира в виде изображения

беспредметности, которая художником воспринималась как пустота: «У меня - одна голая, без рамы (как карман) икона моего времени, и трудно бороться. Но счастье быть не похожим на вас дает силы идти все дальше и дальше в пустоту пустынь. Ибо там только преображение». Обладая до определенного момента – начала 1930-х годов – художественной свободой, советские архитекторы авангарда вдохновляются архитекторами Малевича. [13]

В авангарде пустота завораживает, пустое пространство понимается как эквивалент молчания, в котором содержится превышающая любое высказывание полнота. «Пустота в авангарде свернута в формах самой культуры, практически неотделима от них. Невозможно выделить эту пустоту в чистом виде, как нельзя выделить и самостоятельную культурную субстанцию, лишённую этого привкуса пустоты, этой условности, номинальности своего существования». Знамя невероятного мира русского авангарда подхватил «модернизм» – новый стиль архитектуры, свободный от жестких ограничений и канонов, у которого появился священный Бог – Пустота. Модернизм в России с его интернациональным пафосом через директиву и принуждение становится главенствующим архитектурным стилем страны. [14]

Обладая утилитарными качествами, модернизм становится мировым интернациональным стилем, дресс-кодом глобального капитализма. В середине XX в. на пути искусства от образа бытия к образу небытия наступает критический момент, когда модернизм начинает ощущать себя в тупике: модернизму дальше идти некуда, поскольку он, как выразился У. Эко, «разрушает образ, отменяет образ, доходит до абстракции, до безобразности, чистого холста, до дырки в холсте, до сожженного холста». [15]

В абстрактности и «чистоте» «интернационального стиля», в его предельной функциональности, доходящей порой до обезличенной утилитарности, что вполне соответствовало ценностям капиталистического общества, заключающимся в экономической целесообразности и рентабельности любого продукта, пустота теряет свое значение, вырождается, становится частью «пустого» канона. А.Г. Раппапорт пишет: «Постмодернизм, разоблачивший миф модернистской архитектуры, с помощью семиотической и философской рефлексии, но не создавшим свой собственный, утвердил свободу как «аномию», беззаконие, превратив архитектуру из мифа в сказку, а жизнь — в маскарад». [16]

Пустота в архитектурном постмодернизме присутствует в качестве «артефакта», «вещи». В книге «Эра пустоты» французский философ Ж. Липовецки отмечает: «Постмодернистское общество больше не имеет ни идолов, ни запретов; у него нет ни величественных образов, в которых оно видит себя, ни исторических замыслов, которые мобилизуют массы. Отныне нами правит пустота, которая не является ни трагической, ни апокалиптической». [17]

В своей монографии «Пустой знак в постмодернизме» Е. М. Тюленева предполагает, что пессимистически воспринимать те изменения, которые происходят с «пустотой» при ее движении из модернистской парадигмы в постмодернистскую преждевременно, категория пустоты как священной значимой вещи имеет все шансы для реабилитации. «Пустота переживает не кризис, а новую стадию и форму существования. Специфика этого существования состоит в той возможности, которую обретает пустота: возможности становится собственно формой, стадией, интерьером, действующим лицом и т. д. Пустота в постмодернизме перестает поддерживать оппозицию верх / низ (абсолют / бездна, есть / нет), а вновь обретает трансцендентную мудрость». [18] Это является естественным эволюционным движением. Согласно философии дзен, обретение смысла/пустоты тоже становится исключительно результатом внутренней работы индивида, а не продуктом внешнего влияния.

Самый существенный упрек критики в адрес современной архитектуры – отсутствие в ней глубины, осмысленности, ощущения постоянной основы. Другими словами – это упрек в отсутствии онтологического, то есть бытийственного. Ощущение пустоты у человека XXI века – это результат индивидуализации, не только потери авторитета религии, но и оборванных традиционных связей. В настоящее время человек в каком-то смысле существует в пространстве пустом, выхоленном, в пространстве, где связи устанавливает он сам. Это пространство нашего сознания, где мы пытаемся как-то связать фрагменты части пространства и выстроить систему координат, но система эта очень зыбкая, и «целого», подобного тезису гештальтпсихологии, выстроить не удастся. На это влияет незаинтересованность общества в смысле своего существования, в котором сама установка на поиск смысла вызывает скепсис. Современное «мусорное пространство», по выражению Рэма Колхааса, уводит общество от реальных смыслов и подлинного «пути», мешает признать собственную «пустотность». Нынешняя пустота в современной архитектуре – это дань моде, тип проектирования, и менее всего – мировоззрение. [19]

Отношение современного поколения к пространству и к пустоте дает иную перспективу наступлению переходного момента к возвращению сакрального значения пустоты как спасению от вполне конкретной «пустоты».

Проведенный опрос среди представителей современного поколения показал их отношение к пространству и пустоте. Приоритеты поколения третьего тысячелетия в большей степени ориентированы на удовлетворение социальных, познавательных и эстетических потребностей. Примечательной чертой современного поколения является способность постигать жизнь из нее самой, «ощупывать» этот мир вне классических категорий и задавать новые ценностные ориентиры.

Представители нового поколения ведут себя более рационально, чем их непосредственные предшественники. Они стремятся к минимализму и выражают осмысленное, не подверженное наносному веянию моды, стремление к пустоте и простоте. По их словам, пустота дает человеку ощущение свободы от ненужных излишних вещей, спокойствие, умиротворенность. Для них пустое пространство всегда эмоционально и энергетически заряжено, оно не просто проживается, а переживается – все материальное, заполняющее пространство, отвлекает взгляд от него самого, как бы уничтожая его суть.

В эпоху глобализации и кризиса среды обитания современного человека, мнимо заполняемой с помощью масс-медиа и новых коммуникаций, многочисленных задач, которые стоят перед современным поколением, мы возлагаем на него надежды на наполнение этой «пустоты». В назидание можно сказать словами И. Бродского: «Когда ты невольно вздрагиваешь, чувствуя, как ты мал, помни: пространство, которому, кажется, ничего не нужно, на самом деле нуждается сильно во взгляде со стороны, в критерии пустоты. И сослужить эту службу способен только ты». «Становясь таким «критерием пустоты», человек тем самым обретает парадоксальную ответственность за все мироустройство, становится причастным ему — и тем самым максимально возможным образом реализует свою свободу». Свободу, которая и есть Пустота. [20]

Выводы

1. Согласно философии дзен, пустота является категорией ментального мира, она имеет значение Бога, Абсолюта, высшей мудрости, истины. Она понимается не как обычная пустота, а Пустота с большой буквы – как доступ к миру чувств и смыслов, неисчерпаемый источник творчества.
2. Понимание Пустоты восточными философами дзен соотносится по смыслу с законом гештальтпсихологии «фигура-фон».
3. Согласно психологической доктрине К. Г. Юнга, восприятие человеком Пустоты коренится в глубоких психических слоях человека на уровне коллективного бессознательного.
4. В то время как на Востоке Пустота обладает сакральными, эстетическими качествами, на Западе и в России она в разной степени трактуется в негативном значении как выражение разложения и депривации.
5. В недолгий, но значимый для всей мировой культуры период расцвета авангарда Пустота занимает законное священное место в проектной культуре художников и архитекторов. В условиях интернационального стиля, когда модернизм приобретает промышленные масштабы, происходит девальвация ее значения.
6. Умение проектировать Пустоту – одна из высоких ступеней мастерства архитектора, создание пусто-

го, ничем не заполненного пространства – своеобразная духовная провокация.

7. Пустота измеряется иной мерой – интуитивным ощущением ритма, она обретает силу, становится «богатой» только в подготовленном обществе. Через переосмысление значения Пустоты в корне меняется отношение к миру, создается более целостное и объективное его восприятие. Можно сказать, что наличие пустого пространства в доме в наибольшей степени демонстрирует нарратив о современном обществе.
8. В эпоху нового постмодернизма, переоценки ценностей, когда мы еще не знаем, какие элементы в нашей культуре победят, осмысленное и уважительное отношение современного поколения к пространству и Пустоте, стремление к естественности, простоте и минимализму открывает возможность сохранить определенный динамизм в архитектуре, в пространстве городов, несмотря на огромные проблемы с плотностью.
9. Пустота как особое осмысленное состояние пространства имеет силу, достаточную для того, чтобы привнести новые изменения для людей, городов даже на глобальном уровне.

Библиографический список

1. Лао-Цзы: Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). Переводчик: Малявин Владимир Вячеславович. Издательство: АСТ, 2017 г. 205 с.
2. Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. Перевод с английского С.В. Пахомова. Санкт-Петербург «Наука», 2003 г.
3. Маха Праджня Парамита Хридая Сутра. URL: <https://cityfloat.ru/articles/sutra-serdtsa.html> (дата обращения: 25.01.2021).
4. Norberg-Schulz C. Heidegger's thinking on architecture // *Perspecta: The Yale Architectural Journal*, No. 20, 1983. 61-68.
5. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
6. Саенко Н. Р. Онтологическая поэтика пустоты. Издательство: Академия Естествознания. Год издания: 2010. URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=2833>(дата обращения: 20.12.2020)
7. Tadao Ando Complete Works. London, Phaidon Press, pp. 446-448. Originally published in: *The Japan Architect*, vol.301, May 1982, pp.8-12.
8. Хайдеггер М. Искусство и пространство. 1969 г. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000291/index.shtml> (дата обращения: 20.12.2020).
9. Бодрийяр. Ж. Система вещей / Перевод с франц. и сопроводительная статья С. Зенкина. М., 2001. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3496/3504> (дата обращения: 20.12.2020).
10. Липовецкий. М. Н. Русский постмодернизм - очерки исторической поэтики. Монография. Екатеринбург

- бург, 1997 г. URL: <http://glebland.narod.ru/postmod.htm> (дата обращения: 25.12.2020).
11. Эпштейн М.Н. «Бес. Широта и теснота». 1982 г URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_bes.html (дата обращения: 20.12.2020).
 12. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000.
 13. Ичин К. Супрематические размышления Малевича о предметном мире. «Вопросы философии». Опубликовано 10.11.2011 г. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=402&Itemid=52 (дата обращения: 20.12.2020)
 14. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. — М.: Высшая школа, 2006. 328 с.
 15. Эко. У. Заметки на полях «Имени Розы». Издательство: Симпозиум, 2005 г. 39 с.
 16. Раппапорт А. Г. Пять проблем теории архитектуры XXI века / А. Г. Раппапорт // Проект Россия. – 2006. – №1 (39). 161 с.
 17. Липовецки. Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. Перевод с французского В.В. Кузнецова. Санкт-Петербург «Владимир Даль», 2001 г. С 23-24.
 18. Е. М. Тюленева. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика. Монография. Иваново, 2006 г. 284 с.
 19. Колхас. Р. Мусорное пространство. Издательство: Арт Гид. Год издания: 2015. 79 с.
 20. Липовецкий М. Н. «Критерий пустоты». Журнал «Урал», №7, 2001 URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/7/kriterij-pustoty.html> (дата обращения - 25.12.2020).
 6. Sayenko N. Ontological poetics of emptiness. Publisher: Academy of Natural Sciences. Year of publication: 2010. URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/section? Id = 2833> (date accessed: 20.12.2020).
 7. Tadao Ando Complete Works. London, Phaidon Press, pp. 446-448. Originally published in: The Japan Architect, vol. 301, May 1982, pp. 8-12.
 8. Heidegger M. Art and space. 1969 year URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000291/index.shtml> (date accessed: 20.12.2020).
 9. Baudrillard. J. System of things / Translation from French. and an accompanying article by S. Zenkin. M., 2001. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3496/3504> (date of access: 20.12.2020).
 10. Lipovetsky. M. N. Russian Postmodernism - Essays on Historical Poetics. Monograph. Yekaterinburg, 1997 URL: <http://glebland.narod.ru/postmod.htm> (date of access: 25.12.2020).
 11. Epshtein M. N. «Demon. Latitude and crampedness». 1982. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_bes.html (date accessed: 20.12.2020).
 12. Epshtein M.N. Postmodern in Russia. Literature and theory. M.: R. Elinin's edition, 2000.
 13. Ichin K. Malevich's Suprematist Reflections on the Objective World. Journal «Questions of Philosophy». Published on November 10, 2011 URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=402&Itemid=52 (date accessed: 20.12.2020).
 14. Epstein M.N. Word and Silence: Metaphysics of Russian Literature. - M.: Higher school, 2006. 328 p.
 15. Eco. W. Notes on the margins of the Name of the Rose. Publisher: Symposium, 2005. 39 p.
 16. Rappaport A. G. Five problems of the theory of architecture of the XXI century / A. G. Rappaport // Project Russia. - 2006. - No. 1 (39). p.161.
 17. Lipovetsky. J. The era of emptiness. An essay on contemporary individualism. Translated from French by V.V. Kuznetsova. St. Petersburg «Vladimir Dal», 2001 23-24.
 18. Tyuleneva E. M. Empty Sign in Postmodernism: Theory and Russian Literary Practice.. Ivanovo, 2006, 284 p.
 19. Koolhaas. R. Waste space. Publisher: Art Guide. Year of publication: 2015.79 p.
 20. Lipovetsky M.N. The criterion of emptiness. Ural magazine, No. 7, 2001. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/7/kriterij-pustoty.html> (date of access - 25.12.2020).

References

1. Lao Tzu: A Book about the Way of Life (Tao Te Ching). Translator: Malyavin Vladimir Vyacheslavovich. Publisher: AST, 2017 205 p.
2. Suzuki D.T. Zen and Japanese culture. Translated from English by S.V. Pakhomov. St. Petersburg «Science», 2003
3. Maha Prajna Paramita Hridaya Sutra. URL: <https://cityfloat.ru/articles/sutra-serdtsa.html> (date of access: 25.01.2021).
4. Norberg-Schulz C. Heidegger's thinking on architecture // Perspecta: The Yale Architectural Journal, No. 20, 1983. pp. 61-68.
5. Jung K.G. Archetype and Symbol / C.G. Jung. - M.: Renaissance, 1991. 304 p.

Для ссылок: Курсова М.Г., Репина Е.А. Категория пустоты в мировой архитектуре: Япония, Запад, Россия // Innovative project. 2019. Т.4, №10. С. 20-25. DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.2

For references: Kursova M.G., Repina E.A. Category of emptiness in world architecture: Japan, West, Russia // Innovative project. 2019. V.4, No. 10. S. 20-25. DOI: 10.17673 / IP.2019.4.10.2

3

27-46

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД
THE CITY & PEOPLE

Лащенко Снежана Владимировна, Грозовский Борис Владимирович
Самарский государственный технический университет

Lashchenko Snezhana, Grozovsky Boris
Samara State Technical University

ПОМОЖЕТ ЛИ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ» СОХРАНИТЬ СТАРЫЙ ЦЕНТР САМАРЫ

WILL THE MECHANISM OF PRESERVATION HELP TO CONSERVE THE OLD CENTER OF SAMARA

В статье анализируется проект исторического поселения Самары, позиции его разработчиков, властей и местных архитекторов. Рассмотрены утверждённый предмет охраны, разрабатываемые регламенты и концепция объединённой охранной зоны. Статья показывает, что политика проекта исторического поселения направлена не столько на сохранение исторической среды, сколько на её уплотнение новой застройкой за счёт сноса «ветхих» домов. Охранные зоны сокращаются, а регламенты позволяют уплотнять кварталы застройкой, нарушающей параметры исторической застройки (высота, габариты зданий, процент застройки земельного участка, сложившиеся границы межевания). В список «ценных градоформирующих объектов», который до сих пор не принят, не вошли здания, расположенные внутри кварталов, что приведёт к вычищению их внутренней структуры и утрате главной единицы морфологии и социокультурной ткани старого центра – «самарских двориков».

The article analyzes the project of preservation and regulation the historical center of Samara (the historical settlement) and consider the positions of developers, authorities and local architects about it. The subject of protection, regulation tools and the concept of integrated protective zone are discussed. The article argues that the policy of the historical settlement project in Samara is aimed not to preserve the historical environment, but to stimulate a densification with new buildings due to the demolition of “dilapidated” houses. The protection zones are being reduced, regulations make it possible to densify urban blocks with new buildings. They violate the parameters of the historical buildings (height, proportions, percentage of land use, the boundaries of land surveying). The list of valuable town-forming objects, which has not yet been accepted, did not include buildings located inside the blocks. It will lead to the destruction of their internal structure and loss the main unit of morphology and socio-cultural fabric of the old center “samara’s courtyards”.

Ключевые слова: историческое поселение, охранные документы, механизмы регулирования, регламенты, историческая среда, исторический центр

Keywords: historical settlement, preservation and regulation mechanisms, historical environment, historical center

1. Введение

Что даёт статус исторического поселения?

Историческое поселение — главный на сегодня в России механизм, позволяющий городам заботиться о сохранении целостной исторической среды с её ландшафтом и аутентичной «фоновой» застройкой. Остальные механизмы нацелены лишь на точечное сохранение отдельных объектов или их групп. В 1990 г. был принят список из 536 исторических поселений, который предполагалось расширить. Но в 2010 г. Минкультуры и Минрегионразвития сократили его до 41 (затем список вырос до 43). Зато появилось более ста исторических поселений с региональным статусом. Градозащитники видели в резком сокращении списка работу строительного лобби. Чиновники объясняли его тем, что давать статус нужно вместе со средствами на сохранение исторической среды, а денег нет [1].

Когда город становится историческим поселением, региональные или федеральные власти утверждают его границы, предмет охраны, в некоторых городах пересматривают имеющиеся зоны охраны объектов культурного наследия. В предмет охраны, как правило, входят ценные градоформирующие объекты, элементы планировочной и объёмно-пространственной структуры. Могут охраняться панорамы, виды, соотношения между свободными, застроенными и озелёнными пространствами. Считается, что исторический центр, получивший такой статус, лучше защищён от разрушительного строительства. Для него должны быть разработаны новые требования к регламентам, а проекты необходимо согласовывать с федеральным или региональным ведомством, охраняющим наследие.

Однако у этого механизма есть существенные недостатки. Один из главных: власти не обязаны утверждать охранные документы. Чаще всего они этого

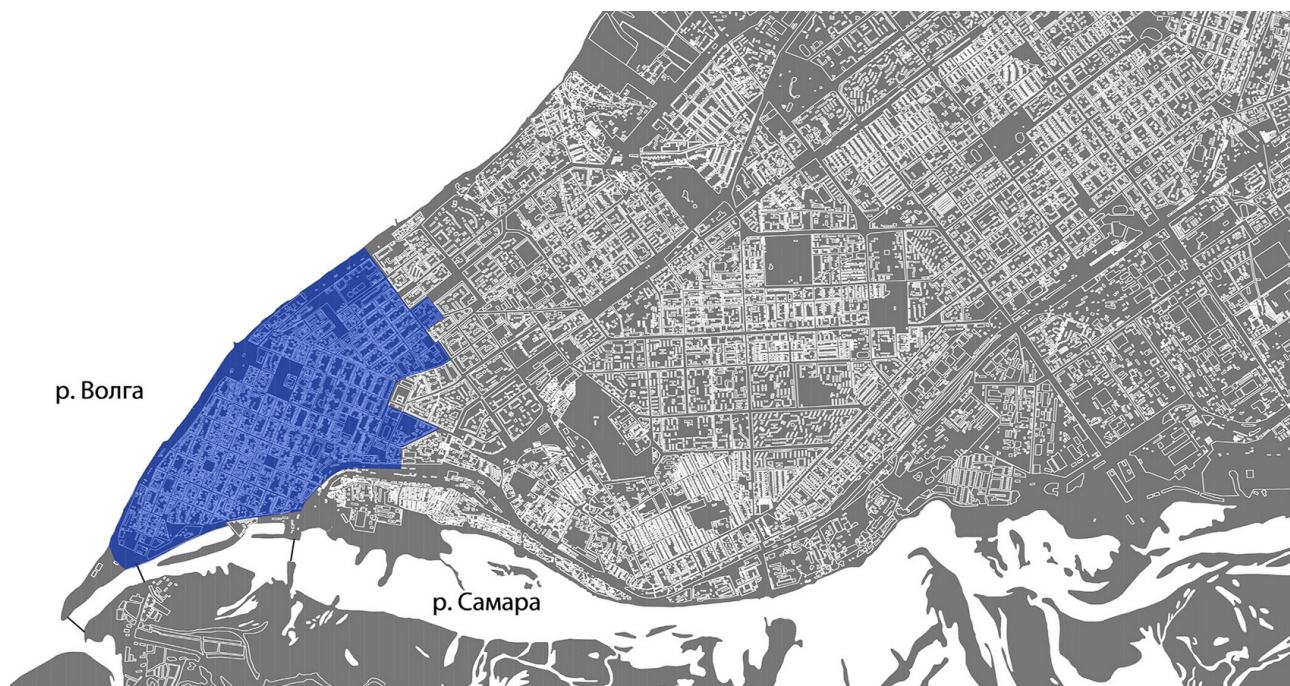

Рис.1. Карта Самары. Выделен исторический центр

и не делают, а разрушительное строительство в центрах продолжается. Так, из 22 подмосковных городов (20 из них получили региональный статус), зоны охраны не утверждены ни в одном [2]. Не обязаны власти и корректировать регламенты (правила землепользования и застройки – ПЗЗ), чтобы ограничить новое строительство в границах поселения.

На этом проблемы не заканчиваются. Во-первых, в предмет охраны могут быть включены только выборочные «ценные здания», а прочая «фоновая» застройка (больше половины исторических зданий) остаётся незащищённой. Во-вторых, сами новые регламенты, регулирующие строительство в пределах поселения, могут допускать интенсивное уплотнение исторической среды. Тогда новая застройка разрушает старую планировку и застройку. В-третьих, при разработке исторических поселений не всегда продумываются системные методы охраны и реконструкции исторической среды [3]. Одновременная реализация этих трёх опасностей может привести к комплексным проектам интенсивной застройки центра с сохранением лишь памятников и отдельных зданий.

Реновация?

Подобные проекты (почему-то называемые «реновацией») стали появляться в исторических центрах крупных российских городов в последние 10-15 лет. Власти и архитекторы разрабатывают стратегию развития территории, а затем привлекают застройщиков. Историческая среда в этом случае воспринимается лишь как привлекательный для инвестиций земельный ресурс, а не как место культурной памяти и истории. Так

получилось с реновацией исторического центра Казани, которая привела почти к полной его утрате. В Самаре попытки реновации старого центра начались в 2015 г. проектом «5 кварталов» [4]. Он предлагал из более чем 260 исторических домов оставить всего 39 памятников; остальные дома признать аварийными, снести и застроить территорию зданиями до 11 этажей.

Кварталы планировалось разделить на лоты, раздав их застройщикам под застройку (140 тыс. кв. м. жилья и 74 тыс. кв. м. коммерческой недвижимости) и обязав их отреставрировать расположенные на участках памятники. Пока «реновация» реализуется в одном квартале, там расселена большая часть квартир, опустевшие дома разрушаются. Сейчас проект приостановлен из-за отсутствия финансирования, смены власти и проблем с расселением резидентов. Этот подход главный архитектор и первый замминистра строительства Самарской области Анатолий Баранников планировал распространить на весь старый город [5].

2. Историческое поселение Самары

Несмотря на то, что российские города получают статус «исторических поселений», чтобы сохранять целостную историческую среду, а не отдельные дома, далеко не всегда в них активизируются процессы сохранения городского ландшафта. Самара стала «историческим поселением» в конце 2019 года. В процессе подготовки проекта сторонники частичного сохранения исторической среды боролись с теми, кто хотел бы застроить старый центр высотками, и победили. Но стратегия проекта исторического поселения, который

Рис. 2. Застройка самарского двора, ул. Чапаевская

ещё находится в разработке, предполагает лишь частичное сохранение центра города. Новые регламенты сохраняют далеко не все параметры старого города – внутренняя застройка дворов может постепенно замениться современной среднеэтажной. Больше всего рискует пострадать главная достопримечательность местной морфологии – «самарские дворики».

Исследование центра

Движение за включение Самары в список федеральных исторических поселений началось после урбанистического форума 2015 г., где активно обсуждались проблемы старого центра. Об этом городская общественность и архитекторы попросили Минкультуры [6]. В 2017 г. Управление государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области (УГООКН) организовало конкурс на проведение историко-культурных и градостроительных исследований [7]. Разработке проекта предшествовало исследование, которое проводили Академия строительства и архитектуры СамГТУ (Татьяна Вавилонская), позже к ней подключились Виталий Стадников («Root Development») и сотрудники «Октогона».

Получить статус помогли губернатор Самарской области Дмитрий Азаров и депутат Госдумы Александр Хинштейн [8]. Было открыто региональное отделение ВООПИиК [9]. Для подготовки проекта исторического

поселения власти организовали проектный офис, в который вошли десять чиновников, четыре архитектора и председатель местного ВООПИиК [10]. Разрабатывали проект сотрудники компании «Октогон», участвовавшие в проекте «5 кварталов», УГООКН и Стадников. Составлять список «ценных градоформирующих объектов» помогали местные градозащитники.

Однако полноценное исследование провести не удалось. Не исследовалась внутренняя структура кварталов: дворы и всё, что находится за красной линией. Не анализировалось состояние исторических домов. А ведь без этого невозможно составить сколько-нибудь полный список ценных градоформирующих объектов. В него попали только дома, расположенные по красной линии. Но своеобразная внутренняя планировка самарских кварталов формируется как раз внутренней застройкой дворов. Их ценность и пространственные характеристики в проекте поселения не описаны.

Не изучалась и социальная структура, присущая историческому центру: сообщества, особенности образа жизни в старых домах, ресурсы и потребности живущих там людей. Это помогло бы определить предмет охраны поселения и подходы к его развитию. Вместе с тем авторы проекта отмечают, что 90% домов в центре не имеют канализации и водоснабжения, обосновывая этим необходимость масштабного проведения в центре коммуникаций. Но эта оценка сомнительна. Так, архитектор Евгения Репина и её коллеги исследовали

типичный для старого центра 13-й квартал, состоящий в основном из деревянных зданий: из 90 домов оказались не подключены к канализации только два [11].

Три позиции

Есть три основные позиции в отношении того, как может развиваться исторический центр Самары. Первая – градозащитная – ориентирована на максимальное сохранение среды, с тем, чтобы интервенции не нарушали внутреннюю ткань кварталов, а только оживляли ее с помощью мягких мер (культурное программирование, помощь малому и среднему бизнесу, работа с сообществами, государственно-частные программы реставрации и ремонта старых домов). Строительство может осуществляться лишь на пустующих территориях в глубине кварталов или на месте утраченной архитектуры, в пропорциях, соответствующих историческим домам, и только самими жителями, либо по их договоренности с инвесторами, а не путём сноса «ветхих» домов. Важно сохранение не отдельных зданий, а целостной аутентичной среды. Градозащитная логика замедляет разрушение центра и дает время продумать мягкие меры по его реконструкции и оживлению.

Вторая позиция – «коммерческая». Её сторонники считают, что старый город должен сменяться новым [12]. Такой позиции придерживаются застройщики, представители власти и архитекторы, заинтересованные в точечном и высотном строительстве [13]. Их цель – максимизировать прибыль от освоения ценной территории исторического центра. Для этого используют «лазейку» в законодательстве, позволяющую отклониться от предельных параметров в правилах землепользования и застройки (ПЗЗ), чтобы повысить высотность новой застройки, и выводят памятники из списка ОКН. Все это ведет к частичному или полному сносу старых кварталов. В Самаре из примерно 3200 сохранившихся исторических домов памятниками считаются около 20%, и такой подход может привести к утрате всех остальных зданий. Статус исторического поселения невыгоден сторонникам этой позиции: он будет препятствовать строительству высоток в центре.

Третья, компромиссная позиция: необходимо и сохранение, и развитие (но последнее в приоритете) исторического центра. Предлагается сохранять дома по красной линии, но не все, и регулировать предельно допустимый размер парцелл (дворов), чтобы сохранить соразмерность среды. Развитие в этом случае происходит не за счет реконструкции, а путем уплотнения (нового строительства), в том числе многоквартирными домами. Внутреннюю застройку парцелл предлагается постепенно заменять новой уплотнительной, которая бы повторяла некоторые параметры исторической [14]. Если следовать компромиссной позиции, можно сохранить больше старых домов, чем следуя коммерческой (памятники плюс ценные градоформирующие объекты). Но сохранение последних не гарантировано. Такой подход

поможет избежать точечного высотного строительства, сопровождаемого полной зачисткой кварталов. Этой логике и придерживаются авторы проекта исторического поселения Самары.

Подход и цели

Проект исторического поселения в Самаре рождался в спорах между сторонниками второй и третьей позиций. За ускоренное развитие города выступали, например, главный архитектор области Анатолий Баранников и города Игорь Галахов. Позиция градозащитников представлена в Самаре слабо. Сторонники ускоренной застройки проиграли и остаются проектом исторического поселения недовольны. Точечного высотного строительства в Самаре было немало в 2000-2010-е годы. Сейчас, чтобы построить в старом центре высотку, нужно внести изменения в ПЗЗ, что значительно проще, чем поменять регламенты исторического поселения. Для этого надо будет изменить весь проект поселения и утвердить изменения в правительстве. Это будет более болезненно отражаться в публичном пространстве, чем отклонение от предельных параметров ПЗЗ в отдельной зоне.

В то же время авторы проекта считают неправильным основывать развитие центра города на логике экспертов по охране наследия: дескать, это приведет к консервации и самоуничтожению наследия, для реконструкции которого надо слишком много времени и денег [14]. Сейчас историческому центру не хватает инвестиций: старые дома никто не восстанавливает, они ветшают, постепенно разрушаются, а жители десятилетиями ждут обещанного расселения, аргументируют авторы и сторонники проекта.

Привлечь инвестиции в центр можно за счёт нового строительства и перераспределения бюджетных средств. Сейчас города-миллионники тратят деньги в основном на благоустройство и проведение коммуникаций к новым микрорайонам на окраинах. Часть средств можно перенаправить на исторический центр – программы расселения и реставрации аварийных домов, подготовку домов к передаче новым владельцам для реставрации, проведение коммуникаций, благоустройство. Это позволит привлечь в город и федеральные средства, надеются разработчики проекта.

Региональный или федеральный статус?

Бесспорный плюс исторического поселения – в том, что оно должно остановить точечное высотное строительство: предельные параметры застройки заданы, и чтобы их нарушить, придется обойти множество ведомств. Федеральный статус поселения защищает лучше, чем региональный: регламенты надо менять через Минкультуры. Сначала разработчики и власти хотели получить федеральный статус, думая, что это позволит привлечь федеральные средства и деньги Банка

реконструкции и развития БРИКС [15]. Потратить их планировалось на инженерные сети [16].

Но перспектива согласовывать изменения генплана, регламентов и зон охраны с Москвой архитекторам, застройщикам и чиновникам крайне не понравилась [17, 18]. Были и «диссиденты»: архитектор Виталий Самогоров говорил, что городу необходим федеральный статус, ведь если архитектурное сообщество за 30 лет не сберегло центр, то и теперь не получится [19]. Такой же позиции придерживались самарское ВООПИиК, Стадников и Хинштейн.

Тем не менее в 2019 году власти и часть архитекторов стали склоняться к получению регионального статуса, а самарское ВООПИиК создало петицию в поддержку своей позиции, что вызвало недовольство властей [20, 21]. Региональный статус предполагает независимость от столицы и более свободное регулирование строительства, а федеральный – более высокое качество документа (так, регламенты застройки должны утверждаться одновременно с принятием статуса).

Объединённая охранная зона

Из опыта самарских «5 кварталов», предполагавших уплотнительную застройку на месте сносимых домов, архитекторы сделали вывод, что такие проекты нежизнеспособны: слишком много нужно инвестиций в переселение жителей и коммуникации, инвесторам это неинтересно [8]. Новому строительству мешают и охранные зоны (региональные и федеральные), которые сейчас полностью накрывают все исторические кварталы. В охранных зонах строить нельзя (в 40 кварталах в границах зон федеральных памятников строительство запрещено). Всего в историческом центре 140 кварталов. А в зонах регулирования застройки ограничивается высотность. Охранные зоны накладываются друг на друга, имеют разные регламенты и не совпадают с ПЗЗ, что дезориентирует застройщиков.

В такой ситуации перед проектом исторического поселения изначально ставилась задача не только защитить старый город, но и сделать его привлекательным для инвестиций [22]. Главная инновация проекта состоит в том, что множество отдельных охранных зон памятников архитектуры с их строгими регламентами заменятся объединённой зоной, которая будет занимать гораздо меньшую площадь, накроет лишь часть исторического центра и будет иметь менее жёсткие ограничения [23, 24].

Объединённую зону разрабатывает Институт генплана Москвы [25]. Он известен проектами высотной застройки по программе реновации в Москве [26], разработкой генплана Казани, за отмену которого борются местные активисты [27], и сокращением ПЗО музея-усадьбы Архангельское с целью ее застройки [28].

Обычно объединённую охранную зону не распропаганяют на весь центр, а применяют для защиты нескольких расположенных рядом архитектурных

памятников. В Петербурге объединённые охранные зоны используют и для защиты средовой исторической застройки от сноса [29]. Регламенты для старого центра Самары будут одинаковыми во всех документах: ПЗЗ, проектах зон охраны (ПЗО) и регламентах исторического поселения. Четкие правила единой зоны вместо множества разных зон охраны дадут инвесторам определенность, считают авторы проекта [15].

Сейчас охранные зоны запрещают жителям старого города достраивать дома, пристраивать к ним объекты, подводить к ним коммуникации. Впрочем, строгость правил и сложная бюрократическая процедура согласования достроек компенсируется отсутствием контроля, так что на практике местные жители достраивают дома и подключаются к коммуникациям, не обращая внимания на зоны охраны. Теперь процедуры согласования упростятся. Но эту задачу можно было решить иначе – прописав в проектах охранных зон, что можно и что нельзя строить на конкретных территориях (например, разрешив одноэтажные пристройки). Нынешние охранные зоны – это препятствие не столько для жителей, сколько для застройщиков. Поэтому и создание единой зоны принесет больше пользы не жителям с их небольшой достройкой домов, а застройщикам, у которых появится возможность массово уплотнять исторический центр среднеэтажной застройкой.

В среднем в кварталах не размежевано 43% земли [30]. В рамках исторического поселения можно было бы размежевать кварталы и помочь резидентам получить юридические права на территорию, но этого делать не планируется. Старый центр действительно не развивается. Жесткие охранные требования ПЗО помогают сохранить и уберечь от сноса целостные фрагменты среды, но не способствуют реконструкции центра, его приспособлению под современную жизнь. Их функция – охрана. Жители зачастую избегают официальных проектов, согласований и ремонтируют дома своими силами. Сохраняемые фрагменты городского ландшафта ветшают. Если бы строгие меры зонирования были дополнены мягкими программами ревитализации, у города появился бы шанс оживить центр, не снося историческую застройку. Но город пошел другим путем.

Инвентаризация и уплотнение

В ближайшие годы Управление по охране объектов наследия (УГООКН) собирается провести масштабную инвентаризацию старой застройки: собрать сведения о земельных участках, собственниках, о состоянии домов и инфраструктуры, сделать градостроительные паспорта кварталов. Эта трудоемкая работа была бы очень полезной, если бы предшествовала кропотливому восстановлению исторической среды через помощь жителям с оформлением прав (порядка 240 из 700 га земли в центре не находится в частной собствен-

Рис. 3. Дом в историческом центре, достроенный жителями

ности) и с реконструкцией домов. Но в ситуации, когда сохраняются лишь памятники и «ценные объекты», а средовая застройка идет под снос, «паспортизация» может пригодиться для другой цели – выкупа или аренды участков, объединения и расселения жителей и последующей раздачи участков под застройку.

Затраты на переселение жителей и подведение сетей, по всей видимости, предполагается возложить на муниципалитет и региональные власти. В ближайшие 5 лет, говорит Стадников, на инженерные сети и благоустройство центра нужно будет потратить порядка 16 млрд руб. Но резидентам центра не нужна масштабная замена сетей во всём старом городе. Она пригодится только для массового уплотнения центра: существующие коммуникации не рассчитаны на резкое увеличение площади жилья. Таким образом деньги, которые можно было бы потратить на реставрацию и ремонт старых домов (их бы хватило минимум на 800 домов – 1/4 всей застройки), пойдут на содействие их разрушению. Также в ближайших планах – передать инвесторам 250 памятников по программе «Рубль за метр» для реставрации и использования под новые функции. Инвесторы должны получить субсидии из областного бюджета и вычет по налогу на имущество.

Новые регламенты и границы

Принятые границы исторического поселения Самары не совсем совпадают с реальными границами старого города, сложившимися до 1917 г. В них не вошел ряд кварталов с остатками наследия, частично разрушенных высотной застройкой, где расположены десятки исторических домов. Но оппоненты настаивали на

еще более сильном сокращении границ, говорят авторы проекта. Исторический центр предлагается уплотнять функционально-смешанной застройкой с жильём, офисами и общественными функциями. Регламенты еще в разработке, их собираются утверждать после принятия объединённой охранной зоны. Пока можно посмотреть на промежуточные результаты [30]. Новая застройка в основном будет среднеэтажной (до 6 этажей), а рядом с памятниками – малоэтажной.

Всю территорию исторического поселения Самары (около 140 кварталов) авторы проекта разделили на зоны стабилизации, интенсификации и трансформации [30]. В первую вошло примерно 40% территории поселения. В ней для новой застройки по красной линии устанавливается усреднённая высота уличного фронта. Внутри квартала, с отступом в 15 м от красной линии, предлагается повышение застройки на этаж, а еще через 15 м – еще на этаж. В зоне интенсификации (30% старого центра) предельная высота застройки по красной линии составляет 15 м, через 15 м она увеличивается до 18 м, а через 30 м – до 21 м. В зоне трансформации, где среда сохранилась хуже (30% территории), предлагается высотность по красной линии 18 и 21 м. Она заметно превышает исторически сложившуюся (4-12 м).

Максимальная площадь застройки отдельного здания не регулируется, поэтому новые здания будут заметно больше исторических, и они станут доминировать над старой застройкой, нарушая её пропорции и композицию. Стадников приводит в качестве позитивного примера уплотнение исторического центра Москвы. Небольшое повышение высотности сделает территорию более коммерчески выгодной и оживит её, считает он. Впрочем, многие самарские архитекторы относятся

Рис. 4. Малоэтажная застройка старой Самары, Песочный переулок

к этой идее с скепсисом: новые регламенты вынуждают их проектировать здания, не основанные на советских СНИПах. Застройщики и чиновники, заинтересованные в строительстве, тоже недовольны: застройка будет ограничена установленным размером участка и высотой, придётся уменьшать масштаб проектов.

Новые здания в исторической среде должны сохранять преемственность старым, сосуществовать с ними, соответствовать их пластике, ритму и композиции, а не стилизоваться под старину. Такими были нормативы в европейских городах начиная со средневековья. Благодаря этому исторические центры достраивались, но города оставались целостными и гармоничными [31]. Регламенты исторического поселения Самары, предполагающие уплотнение малоэтажного центра 4-6 этажными зданиями, едва ли обеспечивают такую преемственность.

Предлагаемый подход к уплотнению (площадь недвижимости в старом центре может увеличиться на 1,4 млн кв. м.) не столько защищает Самару от масштабного строительства, сколько его стимулирует: появляется возможность с помощью среднеэтажной застройки возвести много нового жилья. А запрет многоэтажного строительства подтолкнет застройщиков строить «элитные» и сносить «ветхие» незащищённые дома, особенно за красной линией, ведь

они будут мешать уплотнению. Но ведь именно эти дома формируют внутреннюю планировку кварталов. Будущие хозяева элитного жилья вытеснят нынешних обитателей старого центра.

Известный архитектор Марк Меерович, разрабатывавший проекты для исторического центра Иркутска, считал, что в исторических центрах, где сохранились деревянные дома, новое строительство должно быть только малоэтажным [32]. Крупные административные, офисные и торговые учреждения там неуместны. Но высота новой застройки в Самаре будет превышать существующую. Кроме малоэтажного строительства с общественными функциями, в историческом центре можно допускать индивидуальное строительство резидентов, а массовое уплотнение среднеэтажной застройкой навредит облику центра, полагает самарский архитектурный обозреватель Армен Арутюнов.

Пока регламенты всё ещё разрабатываются, чиновники внесли в ПЗЗ границы исторического поселения, внутри которых выделили единую зону Ц-1 для 80% территории. В ней высота застройки не должна превышать 17 м., но допускаются отклонения (условно разрешенный вид использования), позволяющие возводить здания до 34 м. В этой зоне есть ряд подзон, где разрешено строительство высоток, они совпадают с территориями, на которых уже ведётся или планиру-

Рис. 5. Внутренняя жизнь двора, Песочный переулок

ется многоэтажная застройка. Власти пытаются установить хоть какие-то правила, защищающие исторический центр, но одновременно создают «лазейки» для их нарушения [33].

Сохранятся ли самарские дворы?

Итак, проект исторического поселения Самары предполагает развитие центра через модернизацию инфраструктуры и уплотнительную застройку. Возможность сохранения среды с помощью точечного ремонта и реставрации домов через работу с резидентами старого центра игнорируется как слишком долгая, дорогая и неэффективная. Правовой основой уплотнения центра станут регламенты исторического поселения. Они позволят строить в старом городе, сохраняя некоторые параметры исторической среды и застройки: квартальную сетку, профиль улиц, пропорции между их шириной и параметрами фасадов, усреднённые размеры участков. Плотная застройка поможет реализовать экономически успешные проекты и не навредить облику города, считают разработчики проекта [16].

С улиц, по красным линиям, будет превалировать старая застройка. Но внутри кварталов может развернуться обширное строительство. Многие кварталы, считают авторы проекта, находятся в скверном состоянии, бесхозны, там нет сообществ, и сохранять в них

по большому счету нечего. Главным ограничителем для высотного точечного строительства станет предельная ширина земельных участков. Этот параметр рассчитывается исходя из существующего межевания и составит для обычных участков 22-32 м, а для угловых – 32-43 м. Историческая размерность сохранится и станет ключевым инструментом защиты центра, говорят авторы проекта. Но существующие границы дворов не будут защищены: они в предмет охраны не занесены.

Уплотнительное строительство внутри кварталов в сочетании с незащищенностью существующих границ подворий чревато исчезновением самарского двора. Сейчас дворы отличаются друг от друга размерами и планировкой, это разнообразие может исчезнуть. Новое строительство не будет учитывать границы дворов и вписываться в морфологию кварталов. Возникнут новые «дворы» с одинаковой шириной и новой застройкой. Это приведёт к вытеснению резидентов и сносу старых домов. Авторы проекта считают, что фиксация существующих границ невозможна из-за наличия внутриквартальных участков без выхода на территорию общего пользования. Но таких дворов крайне мало. К тому же проблему можно решить с помощью земельного сервитута, который позволяет получить доступ к территории общего пользования через право ограниченного пользования чужим соседним участком.

Рис. 6. «Фоновая» застройка внутри дворов, которую предлагается снести

В России есть практика защиты сложившихся границ дворов в регламентах исторических поселений. Так, регламент Пскова и Великих Лук запрещает изменение исторической парцелляции земельных участков [34, 35]. На такую защиту и должен быть направлен механизм исторического поселения, говорит председатель Московского областного ВООПИиК Евгений Соседов. В Самаре сохранять существующие границы подворий не предполагается, чтобы получить возможность застраивать территорию современными домами. Процент застройки участка будет регулироваться только там, где предлагается оставить среду малоэтажной, остальные дворы можно будет застраивать хоть на 100%. Хотя в регламентах к другим историческим поселениям этот параметр регулируется.

Вместе с тем Виталий Стадников, один из авторов проекта исторического поселения, допускает возможность сохранения некоторых «особо ценных» подворий без повышения высотности. Но их жители должны быть готовы участвовать в сохранении среды. Такие дворы можно сделать объектами культурного наследия (ОКН). Правда, чтобы их выявить, нужно исследование, а его никто не делал.

Полученный Самарой региональный статус защищает старый город гораздо слабее, чем федеральный. Ухудшает ситуацию сокращение охранных зон, отсутствие инструментов для защиты прав жителей (непонятный статус неразмежёванных участков, незащищённые гра-

ницы парцелл) и для сохранения исторической среды. Но зато появляется возможность уплотнения центра с сохранением отдельных параметров исторической застройки. Это поможет привлечь в центр инвестиции и способствовать его развитию ценой сноса и расселения «ветхих» домов.

Сохранится ли историческая застройка?

Буквально накануне принятия проекта исторического поселения региональное правительство, рассказал Хинштейн, выбросило из предмета охраны все «ценные градоформирующие объекты» – 796 домов [36]. В нём оказались только памятники, которые и так защищены и не нуждаются в перенесении в список «ценных» – это 493 памятника, занесённые в реестр (47 федерального значения и 446 регионального), и 233 «выявленных» памятника. Также в предмет охраны исторического поселения вошли красные линии, архитектурные доминанты, композиционно-видовые связи (панорамы), композиция и силуэт застройки, морфотипы [37]. В изъятии старых домов из списка Хинштейн обвинил главного архитектора области Анатолия Баранникова, отметив, что он лоббирует интересы застройщиков, и попросил губернатора Дмитрия Азарова уволить его, а прокуратуру – проверить его действия на коррупционность. Вычеркнутые «ценные объекты» власти хотели вернуть в предмет охраны позже, но пока этого не произошло [38].

Рис. 7. Обустройство старого двора жителями

После утверждения проекта поселения была создана комиссия для пересмотра «выброшенного» списка «ценных объектов». Но чиновники и архитекторы, сетуя на правовую неопределённость таких зданий, не расширили список, а наоборот, сократили его с 796 до 670 домов [39]. При этом комиссия сразу же девальвировала утвержденный ею список, заявив, что внесенные в него дома «не располагают достаточной ценностью для их обязательного сохранения». Вот как мотивировал это архитектор Леонид Кудеров: «Утверждение списка из более чем 500 объектов приведёт к неоправданному увеличению и без того избыточного числа памятников, при том что ни один из рассмотренных на комиссии объектов не обладает самостоятельной архитектурной ценностью» [39]. В основном из списка исключены дома, находящиеся на периферии центра. Эту территорию хотят освободить для застройки. Но если граница центра перемещается, то сдвигается и периферия, и под угрозой оказываются следующие ряды кварталов.

Если удастся внести в список 670 «ценных объектов», под защитой окажутся примерно 1400 старых домов из 3200 сохранившихся. То есть больше половины исторической застройки обречено, и это правильно, считает Стадников: такие здания не представляют ценности. О комплексном сохранении исторической среды речи не идет.

В список «ценных» объектов вошли лишь дома по красной линии. Если во дворе нет памятника, то двор должен развиваться, говорят авторы проекта, а если

там обнаружен ценный объект, его надо признать памятником. Но это сложная процедура, и более вероятно, что эти дома отнесут к «ветхой» застройке, которую нужно сносить. Тогда внутриквартальная застройка, формирующая самарские дворы, постепенно исчезнет, а дома по красной линии станут лишь декорацией. Список ценных объектов, считают разработчики, нужен для поддержания параметров фонового окружения памятников (объем, высота), а не для сохранения самих зданий: достаточно сохранить лишь фасады. Авторы самарского проекта говорят, что сохранится половина застройки по красной линии, а дома внутри кварталов, если это не памятники и не ценные объекты, могут быть снесены.

Включение части фоновой застройки в список ценных объектов не гарантирует её сохранения. Её правовой статус не прояснен, в законодательстве не прописаны признаки, по которым её можно определить, отсутствуют механизмы её сохранения. Во многих городах такие дома поджигают, а потом сносят. Но за уничтожение или повреждение объекта, занесённого в предмет охраны исторического поселения, положен штраф [40]. Смысл инструмента исторического поселения как раз в том, чтобы защитить эти дома от сноса, говорит Евгений Соседов. В регламентах исторических поселений некоторых городов, к примеру, Великих Лук, прописывают запрет на снос ценных градоформирующих объектов.

Что происходит, когда средовая застройка не защищена, видно на примере Казани, где массовый снос

Рис. 8. Палисадник во дворе

старых домов и расселение центральных улиц привело их к опустению, особенно вечерами. Общественной функции и элитного жилья оказалось недостаточно для поддержания сбалансированной жизни исторического центра, среда уничтожается [41]. В Казани снесли тысячи домов, переселили жителей и сохранили лишь параметры застройки, воспроизводя их в новых зданиях [42]. При плохом администрировании проект исторического поселения в Самаре тоже может стать программой сноса, признают авторы проекта. Вдобавок и дома-памятники, и ценные здания собираются расселять, если это ветхое и аварийное жилье [43]. Одно лишь параметрическое регулирование и регламенты не способны защитить старый центр.

Выживет ли старый город?

Повседневная жизнь в старом городе определяется системой планировки и архитектурой. Тихие деревянные дома, свои дворы, атмосфера – и городская, и деревенская одновременно. Многие дворы сохранили периметральную застройку со времён купеческих усадеб, когда во дворе были дома для хозяев и прислуги, конюшни, флигели, погреба, подвалы. После революции большинство помещений стали жилыми, но следы этой структуры во дворах сохранились. Дворы имеют сложно-структурированное пространство, жители не просто проходят через них (как в петербургских дворах-колодцах), а живут в них. Этим

Самара отличается от других городов, и это же делает задачу сохранения аутентичности её кварталов более сложной.

Житель исторического центра Самары и предприниматель Вячеслав Вершинин, известный реконструкцией своего дома-памятника, считает, что приход застройщика разрушит старую Самару. Она рассчитана на небольшое количество жителей, а среднеэтажные здания нарушат привычный образ жизни и характер использования дворов. Но там можно реализовывать культурные проекты.

Архитекторы Евгения Репина и Сергей Малахов совместно с голландскими архитекторами в 2019 году провели полевое исследование нескольких сотен дворов в старом центре Самары и взяли множество интервью у жителей [11]. Результаты показывают, что главной проблемой для жителей являются вовсе не охранные зоны, как считают разработчики, а общий страх перед поджогами и случайными пожарами, произвол застройщиков и отсутствие помощи от властей («если бы нам хотя бы не мешали, мы давно навели здесь порядок») [44]. Во дворах существуют сообщества: людей объединяет совместное пользование дворовой инфраструктурой и общие ритуалы. Большинство хочет остаться в своих домах, ценят безопасность этой среды для детей и свое соседство, большое количество озеленения, близость Волги и культурной инфраструктуры. Они готовы вкладываться в территорию, особенно если будут известны правила игры.

Один из устойчивых мифов про историческую Самару – то, что ее жители настолько бедны и апатичны, что среда загнивает и вот-вот разрушится, говорит Репина. Но самарский двор – очень гибкая среда: жители центра массово создают некапитальные сооружения (беседки, навесы, сараи, гаражи), делают пристройки (отдельные входы, лестницы, тамбуры, консоли, дополнительные помещения), занимаются капитальным строительством в глубине дворов и на красных линиях. Устраиваются площадки для барбекю и детские площадки, делается самостоятельное озеленение. Косметический и капитальный ремонт всех объектов среды идет непрерывно, и этот феномен активного преобразования среды имеет массовый характер.

Здесь можно обнаружить и много милых деталей: арт-объекты, кормушки, уличная мебель, хозяйственные инструменты и приспособления с загадочными функциями, – все это делает старый город живым и бесконечно разнообразным, уютным. Большинство респондентов имеют все удобства. У многих здесь жили предки. Жители старого города воспринимают его как свой, как родину, чувствуют за него ответственность, отмечает Репина. Они знают годы постройки домов и истории дворов, большое количество историй (возникает эффект города-текста), привязанных к конкретным объектам среды. И переезжать в многоэтажки люди не хотят («да мы там знать никого не будем»).

Проблема развития старого центра Самары в том, что он редко совмещает жилую функцию с общественной и коммерческой. В нем почти нет кластеров с бизнесом, мало общественных пространств и мест для отдыха. Это преимущественно жилые кварталы – «спальный район» в самом центре. Авторы проекта исторического поселения уверены, что в такой ситуации аутентичную среду нельзя сохранить путём консервации и пытаются разделить кварталы и дворы на «хорошие» и «плохие»: те, что нужно сохранить, и те, что могут быть преобразованы. Это сократит территорию старого центра (кварталы, расположенные на его периферии, разрушаются быстрее), а если кварталы будут застраиваться «вкраплениями», «через один», то разрушение пойдет еще быстрее.

Альтернативная, градозащитная логика предполагает уважение к контексту и бережное развитие [44]: встраивание в существующую застройку магазинчиков, кафе, мини-отелей, культурных пространств, создаваемых при участии самих жителей [13]. Такой подход может быть реализован и в Самаре. Эти проекты надо обсуждать с жителями, принимая решения совместно и в диалоге, не дискриминируя резидентов центра, не «вторгаясь» на их территорию. Город обрел бы второе дыхание, причем не ценой его массовой застройки новым жильём. Среда, не разрушаясь, становилась бы более разнообразной и востребованной для жителей города. Вместо этого план «реновации» предлагает заменить историческую морфологию совсем новой структурой планировки и застройки. Снос до-

мов, не входящих в предмет охраны – это разрушение ландшафта исторического центра ради «капитализации» и продажи новой недвижимости.

В проекте исторического поселения предлагаются механизмы развития (именно на него, а не на защиту нацелены регламенты новой застройки), но в нём нет механизмов сохранения и реконструкции среды: передавать памятники для реставрации можно и без статуса поселения. Разработчики проекта считают, что аутентичность можно сохранить, оставляя не сами дома и строения, а лишь их параметры. Но даже воссоздание исторических зданий, как в 130-м квартале Иркутска, создаёт совсем другой тип среды, другую атмосферу. У истории места нет «параметров».

3. Историческое поселение Самары на фоне других городов

Петербург

Механизм исторического поселения позволяет сохранять максимальное число параметров среды и защищать «фоновую» застройку. Степень защиты старых центров зависит от того, какие нормы прописаны в документах исторических поселений, и есть ли механизмы контроля за исполнением этих норм. В качестве примера охранных документов исторического поселения, максимально нацеленных на целостное сохранение городского ландшафта, рассмотрим пример Петербурга.

Город является самым большим по площади объектом ЮНЕСКО. Его удаётся сохранять благодаря закону № 820-7 об объединённых охранных зонах, принятому в 2008 г., и обязательствам по Всемирному объекту ЮНЕСКО [29]. Город также обладает статусом исторического поселения федерального значения с 1990 г. Но охранные документы исторического поселения ещё не приняты. Проект границ, предмета охраны и регламентов недавно прошёл общественное обсуждение и находится в процессе принятия [46].

В законе № 820-7 прописаны жёсткие регламенты для новой застройки, подчиняющие её окружающему контексту. Вся «фоновая» застройка исторического центра, построенная до 1917 г., а за его пределами – до 1957 г., защищена от сноса жёсткими охранными зонами. Её нельзя сносить, за исключением аварийных зданий, но в случае сноса аварийного дома придётся восстанавливать фасад и объём. Это даже более сильная защита, чем у памятников – объектов культурного наследия. Ведь режим использования объектов культурного наследия (зафиксированный в документах охранных зон ОКН) можно существенно скорректировать, проведя историко-культурную экспертизу таким образом, что охрана здания будет лишь частичной [47].

В последние годы власти и градозащитники думают о том, что охранять нужно не только здания, но и их

отдельные элементы. Обсуждаются поправки в закон №820-7 о том, чтобы наделить охранным статусом ценные элементы исторической «фоновой» застройки (витражи, декор на фасадах, ворота и т.д.) [47].

Проект охранных документов исторического поселения Петербурга основан на регламентах и режимах закона № 820-7, и он ещё больше усиливает охрану. В проекте предмета охраны исторического поселения ценными градоформирующими объектами сделаны все здания (включая дворовые флигели), построенные до 1917 г. включительно. Сносить их запрещено. Появилась дополнительная защита для ОКН. Обычно, если объект культурного наследия исключают из реестра ОКН, он теряет защиту. То же самое происходит с выявленным ОКН, ожидавшим внесения в реестр, но получившим отказ после проведения историко-культурной экспертизы. Согласно проекту исторического поселения Петербурга, эти здания будут оставаться в его предмете охраны и иметь защиту.

Важным пунктом проекта предмета охраны исторического поселения являются «ценные внутриквартальные пространства». Для их защиты охраняются габариты зданий, фасады, объемно-пространственная композиция, озеленение и благоустройство. Проект охранных документов исторического поселения направлен также на сохранение небесной линии через усиление охраны панорам (увеличение расстояния охраны с 6 до 10 км.), в том числе за пределами границ поселения. В проекте поселения весь исторический центр, за исключением территорий ОКН, разделён на 17 средних зон, для которых прописаны регламенты. Если один и тот же параметр регулируется разными регламентами, то выполняются более жёсткие регламенты.

Высота исторической, воссозданной или новой внутриквартальной застройки в «ценных внутриквартальных пространствах» или примыкающих к ним территориях не должна превышать высоту конька крыши переднего дома по уличному фронту. Новая застройка, в том числе внутриквартальная не должна быть видна с открытых городских пространств (исключение – если по красной линии расположены одноэтажные здания). Высота нового здания по уличному фронту рассчитывается по формуле с учётом самого высокого и низкого ближайших исторических или воссозданных домов. Она должна минимально отличаться от высоты самого низкого соседнего здания.

В средних зонах запрещается менять тип застройки (брандмауэрная периметральная, брандмауэрная периметральная с разрывами и т.д.), организацию уличного фронта и его непрерывность, высотные акценты, облик исторических и воссозданных зданий. Изменения лицевых, дворовых фасадов и восстановление утраченных элементов нужно согласовывать с городскими властями. При реконструкции современных зданий их габариты нельзя увеличивать. Мансарды домов по уличному фронту и внутри кварталов можно повышать не более, чем на 1 м.

Архитектурные решения новых зданий должны быть фоновыми: регулируются способ отделки фасадов и материалы кровли, композиционные приёмы, отсутствие на лицевом фасаде выступающих элементов (портиков, лестниц и т.д.). Нельзя изменять формы оконных проемов, соотношение остеклённых и глухих поверхностей лицевых фасадов, типы крыш и угол их наклона, тип стекла, цветовые сочетания фасадов.

Проблема реализации закона № 820-7 состоит в наличии лазейки «разборка аварийных конструкций» [47]. Если экспертиза доказала, что дом аварийный, возникает возможность снести здание, построенное до 1917 г. в центральной части города (или до 1957 г. - в остальной части). Если признать дом аварийным не удалось, можно изменить дату постройки здания (подделать её), ведь если дом в центре города построен до 1917 г., его нельзя снести, а если позже, – то можно. Тогда даже не придётся восстанавливать лицевой фасад здания, как в случае со сносом аварийных домов. Поэтому собственники «омолаживают» старые дома в документах [48], которые предоставляются в комитеты, и их никто не перепроверяет, ведь полный список с адресами дореволюционных домов отсутствует. Градозащитники и власти подготовили законопроект, разрешающий вносить изменения в Росреестр о годе постройки дома только по решению суда [49].

Самарский проект исторического поселения отличается от петербургского тем, что ему не предшествуют местные программы сохранения «фоновой» застройки. Внимание властей и градозащитников направлено только на памятники. Отсутствие понимания ценности средовой застройки у планировщиков и у властей привело к тому, что она остается незащищенной и в проекте исторического поселения. Новые регламенты не спасут центр города, если исторические дома будут со временем снесены.

Отсутствие опыта и практик обсуждения городских проектов и политик привели к тому, что проект исторического поселения Самары, в отличие от Петербурга, не стал предметом общественной дискуссии в процессе разработки, не был опубликован для обсуждения, а его промежуточные результаты видели только разработчики, власти и местный союз архитекторов. Его разработка и сейчас ведётся в полусекретном режиме. Для Самары был бы очень полезен опыт Петербурга, где вся «фоновая» историческая застройка защищена от сноса. Если дом снесён по причине аварийности, необходимо воссоздать его лицевые фасады. Из петербургского опыта было бы очень полезно перенять подход к разработке высотных регламентов, нацеленный на сохранение исторически сложившейся высотности, принцип сохранения «ценных внутриквартальных пространств» (внутренних дворов с их планировкой и габаритами застройки), типа застройки, её облика и габаритов, высотных акцентов и панорам.

Псков и Великие Луки

Существенные отличия от самарского проекта есть и в историческом поселении Пскова [35]. Город получил статус регионального значения в 2014 г., охранные документы власти утвердили в 2016 г. Большое внимание в них уделено природному ландшафту и его связи с застройкой. Охраняется планировка исторических улиц и дорог, расположенных вдоль побережий рек, вертикальные уровни ландшафта и планировочные особенности (повороты, изломы, направления, параметры), характер береговых склонов, урочища и овраги, русла ручьев, ключи, рельеф. Предмет охраны включает традиционное местоположение мостов, переправ, параметры и направления улиц, путей, подъездов, ведущих к мостам. Охраняются малоэтажная и среднеэтажная периметральная застройка, подчиненная пластике рельефа, сложившаяся парцелляция участков, масштаб и фронт застройки улиц.

Регламенты одной из трёх зон, которая относится к малоэтажной, усадебной застройке, запрещают менять историческую парцелляцию земельных участков. В них прописана максимальная площадь застройки отдельно стоящего объекта (не более 200 кв. м), максимальная этажность (2 этажа), высота (9 м до конька кровли), отдельные материалы. Обозначен максимальный процент застройки земельного участка пристройками, навесами, хозяйственными и временными сооружениями (не более 7%), их максимальная высота (не более 6 м), протяженность уличного фасада (до 10 м), необходимость учитывать пропорции исторических зданий и сочетание их объемов.

Город Великие Луки обладает статусом исторического поселения регионального значения с 2014 г., документы утверждены в 2019 г. [34]. Его регламенты для кварталов с малоэтажной застройкой тоже запрещают изменять историческую парцелляцию – дробить и объединять земельные участки, нарушать исторические линии застройки кварталов и характер уличного фронта. Запрещается снос и частичный демонтаж ценных градоформирующих объектов, изменение их архитектурных характеристик, объема и высоты, размера, пропорций и параметров фасадов, их облицовки современными материалами.

Площадь «ценного» здания можно увеличивать за счет пристроек к дворовому фасаду, соподчинённых основному объему, но их высота не должна превышать высоту конька здания. Необходимо сохранять разрывы между строениями и ритм застройки в пределах одного домовладения. Нельзя менять композиционно-пространственное расположение застройки. Регулируется максимальная площадь земельного участка (770 м²), максимальная (35 м) и минимальная (10 м) протяженность участка вдоль улицы. Установлен процент застройки участка (не более 40%), максимальная площадь застройки отдельно стоящего объ-

екта (400 м²), максимальная этажность – 2 этажа для первой линии застройки и внутри кварталов.

В Великих Луках регулируется максимальная отметка высоты от существующего уровня земли (до 10 м), максимальная высота пристроек, навесов, хозяйственных и временных сооружений (не более 6 м до конька кровли), отступ от красной линии (0 м), предельная глубина объекта капитального строительства (16 м), глубина пристройки к основному зданию по красной линии (6 м), максимальная протяженность уличного фасада (до 20 м). Нельзя изменять архитектурные решения главных фасадов, применять нетрадиционные композиционно-силуэтные формы (криволинейные, остроугольные, ломанные). Прокладывать инженерные коммуникации можно только подземным способом.

В регламентах исторического поселения Великих Лук регулируется больше параметров, связанных с внутренней планировкой кварталов, дворов, размером зданий, чем в регламентах Пскова. В них прописана защита ценных градоформирующих объектов, но такая зона со строгими регламентами распространяется лишь на малую часть территории исторического центра – 10 кварталов. Остальная часть старого города разрушена и практически не обладает исторической застройкой. В предмете охраны Пскова большое внимание уделено охране природного ландшафта, а регламенты для малоэтажной усадебной застройки регулируют строительство в кварталах на окраине центра (наиболее сохранившееся ядро старого города регулируется регламентами зон охраны ОКН, а не регламентами исторического поселения). Но степень проработки регламентов малоэтажной застройки значительно уступает очень подробному проекту регламентов исторического поселения Петербурга, который предполагает защиту всего исторического центра.

Опыт Пскова и Великих Лук показывает, что при желании разработчиков и властей документы исторических поселений могут защищать любые дома, параметры и детали объемно-пространственной среды, планировки, архитектуры. Они могут сохранять ценные градоформирующие объекты от сноса, регулировать изменение их облика, охранять историческую парцелляцию земельных участков в кварталах, природный ландшафт, устанавливать максимальный процент застройки участка, площадь отдельно стоящего объекта, его размеры, элементы и облик. В Пскове и в Великих Луках исторические поселения и охранные документы к ним были приняты слишком поздно, когда уже нечего было защищать.

Строгие и подробные регламенты исторического поселения нужны городу тогда, когда в нём еще сохраняются целостные фрагменты исторической застройки, а не когда остается несколько кварталов. Поэтому для Самары так важно именно сейчас иметь регламенты, защищающие максимальное число зданий, дворики и оберегающие их внутреннюю жизнь. Для Самары

было бы интересно посмотреть на детальную охрану природного ландшафта в историческом поселении Пскова, взаимосвязь ландшафта с исторической застройкой и планировкой улиц. Заслуживает внимания также защита исторической парцелляции земельных участков, этажности и высотности, регулирование максимальной площади застройки отдельного объекта, необходимость учёта пропорций исторических зданий.

Из опыта Великих Лук Самара могла бы обратить внимание на запрет сноса и частичного демонтажа ценных градоформирующих объектов, запрет облицовки их фасадов современными материалами, изменения высоты. В Самаре, как и в регламентах Великих Лук для «ценных» объектов, можно соподчинять пристройки основному объёму здания и ввести запрет на изменение исторической парцелляции (объединение земельных участков), но оставить возможность их дробления. Можно регулировать разрывы между строениями и ритм застройки в пределах одного домовладения, максимальную площадь земельного участка, процент застройки участка и максимальную площадь застройки отдельного объекта, малую этажность.

Регламенты Великих Лук и Пскова показывают, что каждый город (пусть и с значительным опозданием) может создавать подходящие для его исторического ландшафта регламенты с учётом контекста города и отдельных кварталов, и в этих регламентах может быть продумано множество деталей и особенностей. Проект регламентов и предмета охраны Петербурга демонстрирует, что даже город с огромной и, казалось бы, неохватной площадью исторического ландшафта может на законодательном уровне прописывать сохранение всей исторической застройки, которую обычно называют ветхой, и контролировать выполнение этого предписания. Он может охранять и регулировать множество параметров исторических домов и планировки кварталов.

4. Заключение

Политика «реновации»

В разных российских городах по-разному относятся к исторической среде. Недавно в Ярославле разразился скандал, когда в буферной части центра (объект ЮНЕСКО) началось строительство четырехэтажного жилого дома с мансардой, выбивающегося из малоэтажной застройки [49]. Эта постройка нарушает регламенты: новые строения должны быть не выше старых домов. Построив это здание, Ярославль рисковал лишиться статуса ЮНЕСКО. К городу уже были претензии из-за нарушений при строительстве Успенского собора [51]. Градозащитники Петербурга тоже борются за уменьшение здания на один этаж [52]. В Самаре ситуация обратная: там массовое строительство среднеэтажных зданий воспринимается как благо, ведь альтернатива – поджоги, сносы и строительство вы-

соток. Теперь это «благо» прописывают в регламентах исторического поселения.

Опыт Пскова, Великих Лук и особенно Петербурга показывает, что в документах исторического поселения может полноценно прописываться защита старых центров от сноса «фоновой застройки», от утраты элементов планировки, пространственной композиции, архитектурных деталей зданий. С появлением практики обхода закона № 820-7 в Петербурге (изменение года постройки средовых зданий с целью их сноса) власти и градозащитники занялись разработкой новых механизмов, ограничивающих обход закона. Таким образом, механизмы защиты могут регулироваться, дорабатываться и дополняться новыми нормативными актами по мере необходимости. Историческое поселение должно служить механизмом не «развития», а охраны целостного исторического ландшафта. Для этого реконструкция и строительство в нем регулируются так, чтобы они не нарушали сложившийся ландшафт, а поддерживали его. Проект исторические поселения должен выноситься на общественное обсуждение в процессе разработки, как это было в Петербурге.

Применяемая в последнее время в разных городах политика «реновации» (в исторических центрах и в кварталах с советской застройкой) предполагает переселение жителей, если это нужно застройщикам и власти. Диалог с жителями ограничивается вопросом, куда они хотели бы переехать. Возможности восстановления домов и участия в этом резидентов не выясняются. Эта политика основана на представлении, что дома, не являющиеся памятниками, не представляют из себя ценности. Но историческую застройку надо охранять потому, что она историческая, а не потому, что ее назначили «памятником» (именно так это делается во всем мире и в Петербурге).

Важно учитывать и сообщества, соседства, историю, культурную память – нематериальную часть городской жизни. В подготовке очень значимого для Самары проекта не участвовали историки, социологи, культурологи, художники, а они нужны для комплексного плана восстановления города. Не было и открытых обсуждений проекта. В нём не применялись инструменты соучастия, которые нужны, чтобы все городские акторы могли участвовать в управлении городом. Инструменты регулирования должны закреплять те нормы и правила, о которых договорились городские акторы, они же потом будут контролировать их соблюдение. Нормативно-регулятивная база совершенно по-разному «работает» в зависимости от того, насколько к ее подготовке участвуют городские акторы с различными интересами и целями.

Конечно, работа в этой логике не принесет застройщикам и городским властям немедленной прибыли. Это игра вдолгую, направленная на сохранение города как культурной ценности. Сейчас же в случае Самары мы имеем «на выходе» не проект защиты историческо-

го центра, а скорее проект для застройщиков. Политика уплотнительной застройки и сохранения отдельных, вырванных из контекста объектов подменила в нем политику восстановления целостной исторической ткани. Центр станет экономически привлекательным ценой потери культурного ландшафта.

В итоге статус исторического поселения в Самаре не будет способствовать сохранению исторического города. Невозможно сохранить атмосферу старого города путём вторжения в обжитые подворья и превращения их в стройплощадки. Старый город хранит в себе культурную память, которая транслируется через архитектуру. Убивая «ветхие» и «неценные» здания, мы бесследно стираем ее с физического и ментального пространства, лишая себя возможности путешествовать во времени внутри города.

Библиографический список

1. Соседов Е. Сохранить историю // Архнадзор. 2018. URL: <http://www.archnadzor.ru/2018/02/01/sohranit-istoriyu/>
2. Владимир Путин: «Решить задачу сохранения исторической идентичности» // Хранители наследия. 2018. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/vladimir-putin-reshit-zadachu-sokhraneniya-istoricheskoy-identichnosti/>
3. 8 исторических городов, исчезающих у нас на глазах // Arzamas. 2020. URL: <https://arzamas.academy/mag/782-citta>.
4. Арсенин Р. «Пять кварталов» гниют с головы. Власти выводят из комы проект реновации старой Самары // ФедералПресс. 2018. URL: <https://fedpress.ru/article/1971734>
5. Новикова О. Самарские "Пять кварталов" вошли в федеральный проект реновации // Волга Ньюс. 2018. URL: <https://volga.news/article/476858.html>
6. Нектаркин Е. Минкульт РФ одобрил возвращение Самаре статуса исторического поселения // Другой город. 2015. URL: http://drugoigorod.ru/mincult_22_09/
7. Центр Самары сделают историческим поселением // Хранители Наследия. 2017. URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/initsiativy/tsentr-samary-sdelayut-istoricheskim-poseleniem/?sphrase_id=65773
8. Щерба Р. Наследие модернизируют бережно // Самарское обозрение. 2019. URL: <http://www.63media.ru/press/24.06.2019/229943/>
9. Кнор А. Спасайте кто может. В Самаре открыли отделение общества охраны памятников // Другой город. 2018. URL: <http://drugoigorod.ru/voopiik-samara/>
10. Правительство Самарской области. Распоряжение от 10 апреля 2019 года N 305-р «О создании проектного офиса по включению городского округа Самара в перечень исторических поселений федерального (регионального) значения, содействию развитию территории и сохранению объектов культурного наследия в исторической части городского округа Самара» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/553242078>
11. Schiemann J., Weyers O., Araripe Rand L., Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A. The Samarsky Yard. Yekaterinburg: TATLIN, 2020. 448 p.
12. Самаре нужны небоскребы // samara2050. 2019. URL: <https://samara2050.ru/samare-nuzhny-neboskreby/>
13. Лащенко С., Грозовский Б. Можно ли остановить разрушение исторических центров городов // Strelka mag. 2019. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/mozhno-li-ostanovit-razrushenie-istoricheskikh-centrov-gorodov>
14. Новикова Е. План капитального зонирования // Другой город. 2019. URL: <http://drugoigorod.ru/nikitenko-plan-ugookn/>
15. Арсенин Р. Дважды в одну реку? Старой Самаре могут вернуть статус исторического поселения // РИА «ФедералПресс». 2019. URL: <https://news.rambler.ru/other/42120425-dvazhdy-v-odnu-reku-staroy-samare-mogut-vernut-status-istoricheskogo-poseleniya/>
16. Щерба. Р. Историческое поселение обрело границы // Самарское обозрение. 2019. URL: <http://www.63media.ru/press/15.07.2019/230083/>
17. Историческое поселение в Самаре хотят подсократить // Засекин.ru. 2019. URL: <https://zasekin.ru/days/27222>
18. Не ругайте архитектора! // Samara2050. 2019. URL: <https://samara2050.ru/ne-rugayte-arhitektora/>
19. Новая жизнь «исторического поселения» // Samara2050. 2019. URL: <https://samara2050.ru/novaya-zhizn-istoricheskogo-poseleniya/>
20. Центру Самары хотят присвоить статус исторического поселения до конца года, но без запрета на застройку, и только региональный // 63.ru. 2019. URL: <https://63.ru/text/realty/66279646/>
21. Самаре - статус исторического поселения! // URL: <http://istsamara.tilda.ws/>
22. Как прошлое Самары должно стать ее будущим // Другой город. 2019. URL: <http://drugoigorod.ru/plan-ugookn-oldsamara/>
23. Ах, Самара-городок, стратегическая // Хранители наследия. 2019. URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/initsiativy/akh-samara-gorodok-strategicheskaya/>
24. Новикова О. В Самаре меняют правила застройки города // Комсомольская правда. 2021. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/27227/4353960/>
25. Единая информационная система в сфере закупок // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/oku504/view/supplier-results.html?regNumber=0142200001319021904>
26. «Выразительный силуэт застройки»: Как выглядит третья волна проектов реновации В новых кварталах появится еще один 100-метровый дом // The village. 2019. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/gallery-city/350151-rendery-renovatsii-3>

27. Защитники Гавриловской роши передали депутатам Казгордумы требование отклонить генплан города // Казанский репортёр. 2020. URL: https://kazanreporter.ru/news/36650_zasitniki-gavrilovskorosi-peredali-deputatam-kazgordumy-trebovanie-otklonit-genplan-goroda
28. Михайлов К. Оборона Архангельского. Историческая усадьба едва не лишилась части уникального ландшафта // Коммерсантъ. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4196958>
29. Закон Санкт-Петербурга от 19.01.2009 №820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон (с изменениями на 29 июля 2020 года)».// URL: <http://docs.cntd.ru/document/891801807>
30. Артёмов А. Самара как историческое поселение. Границы, предмет охраны, максимальная высотность и улица, с которой все начнется // Другой город. 2019. http://drugoigorod.ru/historical_settlement-2/
31. Закономерности формирования облика исторического города // TATLIN. 2019. URL: https://tatlin.ru/articles/zakonomernosti_formirovaniya_oblika_istoricheskogo_goroda
32. Меерович М.Г. Комплексная регенерация квартала средовой исторической застройки в Иркутске // Градостроительство. 2016. №1. С. 72-78. <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-regeneratsiya-kvartala-sredovoy-istoricheskoy-zastroyki-v-irkutske>
33. Новикова О. В Самаре меняют правила застройки города // Комсомольская правда. 2021. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/27227/4353960/>
34. Приказ от 11.02.2019 № 51 "Об утверждении предмета охраны, границы территории и требований к градостроительным регламентам в границе территории исторического поселения регионального значения город Великие Луки".
35. Приказ от 2.12.2016 № 564 "Об утверждении границы территории исторического поселения регионального значения город Псков, его предмета охраны и требований к градостроительным регламентам, разработанных применительно к территориальным зонам, расположенным в границах исторического поселения".
36. SAMRU. 2019. URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/116986.html
37. Постановление Правительства Самарской области от 27 декабря 2019 года N 1019. О внесении изменения в постановление Правительства Самарской области от 12.04.2018 N 189 "Об утверждении Перечня исторических поселений регионального значения, имеющих особое значение для истории и культуры Самарской области" и об утверждении предмета охраны исторического поселения регионального значения города Самары Самарской области и границ территории исторического поселения регионального значения города Самары Самарской области.
38. Назарова А. Центр Самары получил статус исторического поселения // СамарГИС. 2019. URL: <http://samaragis.ru/centr-samary-poluchil-status-istoricheskogo-poselenija/>
39. Бесценные. Какие дома и почему исключили из списка ценных градоформирующих объектов исторического поселения Самара // Другой город. 2020. URL: <https://drugoigorod.ru/cgfo-samara/>
40. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) - Раздел II. Особенная часть (ст.ст. 5.1 - 21.7) - Глава 7. Административные правонарушения в области охраны собственности (ст.ст. 7.1 - 7.35) - Статья 7.14.1. Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения.
41. Илья Варламов: «По фантазмагорическому Дворцу земледельцев уже проехали все приличные архитекторы» // Реальное время. 2017. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/65624-ilya-varlamov-ob-unichtozhenii-istoricheskogo-centra-kazani>
42. Доклады с ДП. О реализации программы расселения аварийного жилья в Казани // Казань. 2018. URL: <https://www.kzn.ru/meriya/press-tsentr/doklady-s-dp/o-realizatsii-programmy-rasseleniya-avariynogo-zhilya-v-kazani/>
43. Чечурина И. Самарский ренессанс. До конца 2019 года в областной столице восстановят 12 домов-памятников // Российская газета. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/18/do-konca-2019-goda-v-samare-vosstanoviat-12-domov-pamiatnikov.html>
44. Пожарный расчет. Документальный фильм Марата Кримчеева // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FZSZzffg9ro>
45. Квебекская декларация по сохранению духа места // 2008. URL: <https://obzor.city/data/files/kvebek.pdf>
46. Проект: Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения федерального значения город Санкт-Петербург // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=106788>
47. Кузьмицкий В. Карта сокровищ. КГИОП готовит масштабную инвентаризацию исторического центра Петербурга // Dp.ru. 2019. URL: https://www.dp.ru/a/2019/02/18/Karta_sokrovishh
48. Омоложение по-застройщикски: как старинные дома Петербурга «становятся» советскими // Канонер. 2016. URL: <http://kanoner.com/2016/09/13/152011/>
49. Черенева В. Укротит ли закон застройщика. Сносить старые здания в городе будет сложнее // Российская газета 2018. URL: <https://rg.ru/2018/01/24/reg-szfo/dorevolucionnye-zdaniia-peterburga-zashchitiat-ot-snosna.html>

50. Сохранит ли исторический центр Ярославля статус ЮНЕСКО, разбирались «Вести» // Вести. Ярославль. 2019. URL: <https://youtu.be/K6XSzuIeYew>
51. Хромых Д. ЮНЕСКО просит спасти Ярославль от колокольной // 76.ru. 2014. URL: <https://76.ru/text/gorod/61608991/>.
52. «Меня всегда поражал тезис, что город должен развиваться: он никому ничего не должен» // Коммерсант. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4010737>

References

1. E. Sosedov Save history // Arkhnadzor. 2018. URL: <http://www.archnadzor.ru/2018/02/01/sohranit-istoriyu/>.
2. Vladimir Putin: "Solving the problem of preserving historical identity" // Keepers of Heritage. 2018. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/vladimir-putin-reshit-zadachu-sokhraneniya-istoricheskoy-identichnosti/>.
3. 8 historic cities disappearing before our eyes // Arzamas. 2020. URL: <https://arzamas.academy/mag/782-citta>.
4. Arsenin R. "Five quarters" are rotting from the head. The authorities are removing the project for the renovation of old Samara from the coma // Federal Press. 2018. URL: <https://fedpress.ru/article/1971734>.
5. Novikova O. Samara "Five quarters" entered the federal renovation project // Volga News. 2018. URL: <https://volga.news/article/476858.html>.
6. Nektarkin E. The Ministry of Culture of the Russian Federation approved the return of the status of a historical settlement to Samara // Another city. 2015. URL: http://drugoigorod.ru/mincult_22_09/.
7. The center of Samara will be made a historical settlement // Heritage Keepers. 2017. url: http://hraniteli-nasledia.com/articles/initiativ/tsentr-samary-sdelayut-istoricheskim-poseleniem/?sphrase_id=65773.
8. Shcherba R. Heritage is carefully modernized // Samara Review. 2019. URL: <http://www.63media.ru/press/24.06.2019/229943/>.
9. Knor A. Save who can. A branch of the society for the protection of monuments was opened in Samara // Another city. 2018. URL: <http://drugoigorod.ru/voopiiik-samara/>.
10. Government of the Samara region. Order of April 10, 2019 N 305-r "On the creation of a project office for the inclusion of the Samara city district in the list of historical settlements of federal (regional) significance, promoting the development of the territory and preserving cultural heritage objects in the historical part of the Samara city district" // URL: <http://docs.cntd.ru/document/553242078>.
11. Schiemann J., Weyers O., Araripe Rand L., Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A. The Samarsky Yard. Yekaterinburg: TATLIN, 2020.448 p.
12. Samara needs skyscrapers // samara2050. 2019. URL: <https://samara2050.ru/samare-nuzhny-neboskreby/>.
13. Lashchenko S., Grozovsky B. Is it possible to stop the destruction of historical city centers // Strelka mag. 2019. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/mozhno-li-ostanovit-razrushenie-istoricheskikh-centrov-gorodov>.
14. Novikova E. Plan of capital zoning // Another city. 2019. URL: <http://drugoigorod.ru/nikitenko-plan-ugookn/>.
15. Arsenin R. Twice in the same river? Old Samara can be returned to the status of a historical settlement // RIA "FederalPress". 2019. URL: <https://news.rambler.ru/other/42120425-dvazhdy-v-odnu-reku-staroy-samare-mogut-vernut-status-istoricheskogo-poseleniya/>.
16. Shcherba. R. Historical settlement acquired its borders // Samara Review. 2019. URL: <http://www.63media.ru/press/15.07.2019/230083/>.
17. They want to reduce the historical settlement in Samara // Zasekin.ru. 2019. URL: <https://zasekin.ru/days/27222>
18. Don't scold the architect! // Samara2050. 2019. URL: <https://samara2050.ru/ne-rugayte-arhitektora/>.
19. New life of a "historical settlement" // Samara2050. 2019. URL: <https://samara2050.ru/novaya-zhizn-istoricheskogo-poseleniya/>.
20. They want to assign the Samara center the status of a historical settlement by the end of the year, but without a ban on development, and only regional // 63.ru. 2019. URL: <https://63.ru/text/realty/66279646/>
21. Samara - the status of a historical settlement! // URL: <http://istsamara.tilda.ws/>.
22. How Samara's past should become its future // Another city. 2019. URL: <http://drugoigorod.ru/plan-ugookn-old-samara/>.
23. Ah, Samara is a strategic town // Keepers of heritage. 2019. URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/initiativ/akh-samara-gorodok-strategicheskaya/>
24. Novikova O. In Samara, the rules of city development are changing // Komsomolskaya Pravda. 2021. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/27227/4353960/>.
25. Unified information system in procurement // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/oku504/view/supplier-results.html?regNumber=0142200001319021904>.
26. "Expressive silhouette of development": What the third wave of renovation projects looks like Another 100-meter building will appear in new quarters // The village. 2019. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/gallery-city/350151-rendery-renovatsii-3>
27. The defenders of the Gavrilovskaya grove passed a demand to the deputies of the Kazgorod Duma to reject the general plan of the city // Kazan reporter. 2020. URL: https://kazanreporter.ru/news/36650_zasitniki-gavrilovskoj-rosi-peredali-deputatam-kazgordumy-trebovanie-otklonit-genplan-goroda
28. Mikhailov K. Defense of Arkhangelsk. Historical estate almost lost part of the unique landscape // Kommersant. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4196958>
29. Law of St. Petersburg dated January 19, 2009 No. 820-7 "On the boundaries of the united zones of protection of cultural heritage sites located on the territory of St. Petersburg, land use regimes and requirements for urban planning regulations within the boundaries of these

- zones (as amended on July 29, 2020) “// URL: <http://docs.cntd.ru/document/891801807>
30. Artyomov A. Samara as a Historical Settlement. Borders, subject of protection, maximum altitude and the street from which everything will begin // Another city. 2019. http://drugoigorod.ru/historical_settlement-2/.
 31. Regularities of the formation of the appearance of a historical city // TATLIN. 2019. URL: https://tatlin.ru/articles/zakonomernosti_formirovaniya_oblika_istoricheskogo_goroda.
 32. Meerovich M.G. Complex regeneration of a quarter of environmental historical buildings in Irkutsk // Town planning. 2016. No. 1. S. 72-78. https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-regeneratsiya_kvartala_sredovoy-istoricheskoy-zastroyki-v-irkutske
 31. Novikova O. In Samara, the rules of city development are changing // Komsomolskaya Pravda. 2021. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/27227/4353960/>.
 32. Order of 11.02.2019 No. 51 “On the approval of the subject of protection, the boundaries of the territory and requirements for urban planning regulations at the border of the territory of the historical settlement of regional significance, the city of Velikiye Luki”.
 33. Order of December 2, 2016 No. 564 “On Approval of the Border of the Territory of a Historical Settlement of Regional Significance, the city of Pskov, its subject of protection and requirements for town planning regulations developed in relation to territorial zones located within the boundaries of the historical settlement.”
 34. SAMRU. 2019. URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/116986.html.
 35. Decree of the Government of the Samara region of December 27, 2019 N 1019. On amendments to the decree of the Government of the Samara region of 12.04.2018 N 189 “On approval of the List of historical settlements of regional importance, which are of particular importance for the history and culture of the Samara region” and on the approval of the subject of protection historical settlement of regional significance of the city of Samara, Samara region and the boundaries of the territory of the historical settlement of regional significance of the city of Samara, Samara region.
 36. Nazarova A. The center of Samara received the status of a historical settlement // SamarGIS. 2019. URL: <http://samaragis.ru/centr-samary-poluchil-status-istoricheskogo-poselenija/>
 37. Priceless. What houses and why were they excluded from the list of valuable town-forming objects of the historical settlement of Samara // Another city. 2020. URL: <https://drugoigorod.ru/cgfo-samara/>.
 38. Code of Administrative Offenses (CAO RF) - Section II. The special part (Articles 5.1 - 21.7) - Chapter 7. Administrative offenses in the field of property protection (Articles 7.1 - 7.35) - Article 7.14.1. Destruction or damage to cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation, objects that constitute the subject of protection of a historical settlement.
 39. Ilya Varlamov: “All decent architects have already rode around the phantasmagoric Palace of Farmers” // Realnoe Vremya. 2017. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/65624-ilya-varlamov-ob-unichtozhenii-istoricheskogo-centra-kazani>.
 40. Reports with DP. On the implementation of the resettlement program for emergency housing in Kazan // Kazan. 2018. URL: <https://www.kzn.ru/meriya/press-tsentr/doklady-s-dp/o-realizatsii-programmy-rasseleniya-avariynogo-zhilya-v-kazani/>.
 41. Chechurina I. Samara Renaissance. By the end of 2019, 12 memorial houses will be restored in the regional capital // Rossiyskaya Gazeta. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/18/do-konca-2019-goda-v-samare-vostanoviat-12-domov-pamiatnikov.html>.
 42. Fire brigade. Marat Krimcheev’s documentary // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FZSzZffg9ro>.
 43. Quebec Declaration on the Preservation of the Spirit of the Place // 2008. URL: <https://obzor.city/data/files/kvebek.pdf>
 44. Project: On the approval of the subject of protection, the boundaries of the territory and the requirements for urban planning regulations within the territory of the historical settlement of federal significance, the city of St. Petersburg // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=106788>
 45. Kuzmitsky V. Treasure map. KGIOP prepares a large-scale inventory of the historical center of St. Petersburg // Dp.ru. 2019. URL: https://www.dp.ru/a/2019/02/18/Karta_sokrovishh.
 46. Rejuvenation in a developer way: how the old houses of St. Petersburg “become” Soviet // Kanoner. 2016. URL: <http://kanoner.com/2016/09/13/152011/>.
 47. Chereneva V. Will the law tame the developer? It will be more difficult to demolish old buildings in the city // Rossiyskaya Gazeta 2018. URL: <https://rg.ru/2018/01/24/reg-szfo/dorevoliucionnye-zdaniia-peterburga-zashchitat-ot-snosa.html>.
 48. Will the historical center of Yaroslavl keep the UNESCO status, “Vesti” figured out // Vesti. Yaroslavl. 2019. URL: <https://youtu.be/K6XSzuIeYew>.
 49. Khromykh D. UNESCO asks to save Yaroslavl from the bell tower // 76.ru. 2014. URL: <https://76.ru/text/gorod/61608991/>.
 50. “I was always amazed by the thesis that the city should develop: it owes nothing to anyone” // Kommersant. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4010737>.

Для ссылок: *Лащенко С.В., Грозовский Б.В.* Поможет ли «историческое поселение» сохранить старый центр Самары // Innovative project. 2019. Т.4, №10. С.28-46. DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.3

For references: *Lashchenko S.V., Grozovsky B.V.* Will the “historical settlement” help preserve the old center of Samara // Innovative project. 2019. Vol.4, No. 10. S.28-46. DOI: 10.17673 / IP.2019.4.10.3

4

47-53

ГОРОД В ДВИЖЕНИИ
CITY IN MOTION

Базина Анна Николаевна, Репина Евгения Александровна
Самарский государственный технический университет

Bazina Anna, Repina Evgenia
Samara State Technical University

ФЕНОМЕН ВРЕМЕНИ В САМАРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

THE PHENOMENON OF TIME IN THE SAMARA HISTORICAL ENVIRONMENT

Статья посвящена феномену времени, его проявлениям в Самарской исторической среде. Отражение различных модусов времени в пространственной среде является важным качеством «настоящего» города, оно придаёт месту эмоциональную глубину, определяет идентичность, формирует духовную и культурную жизнь обитателей. В материале анализируются следующие модусы времени: необратимое изменение, бесконечность, вечность. Выявлено, что историческая среда Самары обладает качеством мультитемпоральности (присутствия нескольких форм восприятия времени), сформировавшемся с течением длительного времени.

The article is devoted to the phenomenon of time, its manifestations in the Samara historical environment. The reflection of different modes of time in the spatial environment is an important quality of the “real” city, it gives the place emotional depth, defines identity, forms the spiritual and cultural life of the inhabitants. The material analyzes the following time modes: irreversible change, infinity, eternity. It is revealed that the historical environment of Samara has the quality of multitemporality (the presence of several forms of time perception), formed over a long period of time.

Ключевые слова: исторический город, историческая среда, самарский двор, феномен времени

Keywords: historic city, historic environment, samara yard, the phenomenon of time

Проблемы деструктивного влияния урбанизированной среды на человека, возникающие начиная со второй половины прошлого столетия, послужили причиной появления исследований городов, целью которых был поиск качественных признаков «правильной» городской среды [1], [2]. Такими признаками как правило обладают «старые города», выросшие из жизни многих поколений людей и представляющие собой сложный продукт культуры, анонимное коллективное произведение [3]. Историческая Самара или «старая Самара» представляет собой образец такого «настоящего» города с присущими данной категории качествами: человечностью, многообразием, неоднородностью, самобытностью и т.п.

Город как целостная система существует в непрерывности своего развития, в единстве старого и нового [1]. Среди всех чувственно воспринимаемых характеристик городской среды особой важностью обладает феномен времени. К. Линч утверждает, что в основе удовлетворения от среды лежит обострённое чувство течения времени. Окружение, наполненное следами прошлого, обладает эмоциональной глубиной и рождает места, в которых приятно жить [1, с. 143-153]. В.Л. Глазычев определяет временной ряд восприятия (качество темперированности) как важную составляющую «настоящего» города [3]. М.В. Дуцев отмечает, что насыщенный пространственно-временной контекст питает духовную жизнь человека, делает

его сопричастным всему историческому процессу сразу. Такое ощущение «мировой целостности», согласно М.В. Дуцеву, «приобретает ценное качество духовного ориентира, оберегает и во многом определяет культуру социума» [4]. Кроме того, различные типы проживания времени имеют влияние на некоторые аспекты идентичности горожанина (герменевтический и феноменологический) [5].

В современной философии, начиная с феноменологии М. Хайдеггера, время рассматривается как феномен, укоренённый в человеческом существовании. Конечность человеческой жизни придаёт смысл человеческому присутствию в мире, в связи с этими время представляет собой важнейшую характеристику бытия. По М. Хайдеггеру время является основанием человеческого бытия, оно выступает условием возможности бытия человека в мире [6, 7].

В связи с вышеизложенным считается актуальным исследовать феномен времени, его различные модусы в самарской исторической среде. Выделяют следующие инварианты отношения ко времени и их корреляты – особые значения социальных событий: необратимое изменение времени (конечное, временное, человеческое) – исторические; бесконечность (неизменное, непрерывное, а также ритмическое время) – природные и стихийные; вечность – сакральные или религиозные [5]. Рассмотрим каким образом данные модусы времени представлены в исторической среде Самары.

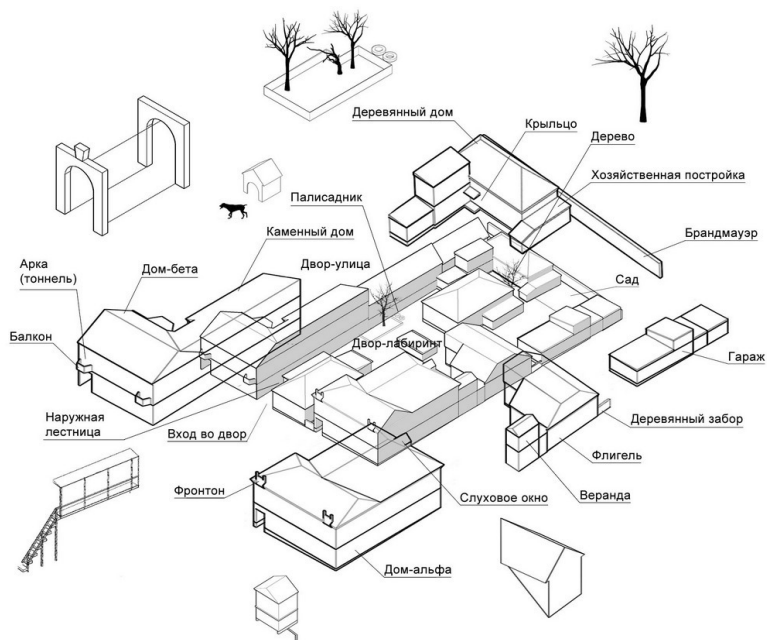
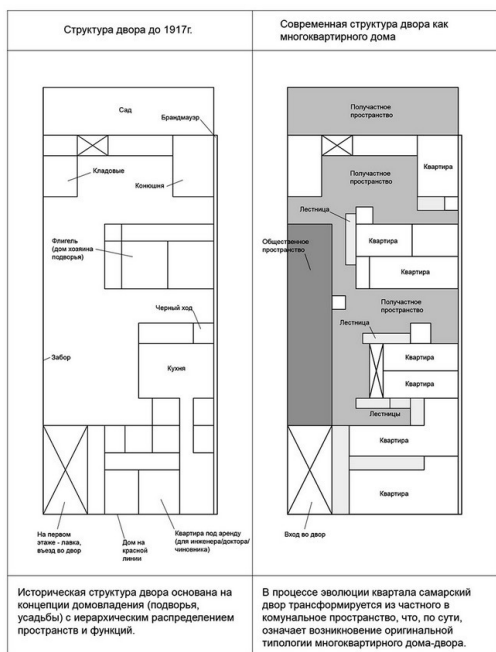

Рис. 1. Структура самарского двора до 1917 г. и в настоящее время. Справа типология многоквартирного дома-двора как система элементов кода

Необратимое изменение времени

Историческое время

Старая Самара воспринимается как «живое» образование, возникающее и развивающееся с течением длительного времени. Её архитектурная среда представляет собой «временной коллаж» - ансамбль с культурными слоями различных исторических эпох. Здесь представлено многообразие стилей: классическое наследие, модерн, конструктивизм, модернизм, постмодернизм и т.д. Каждое направление является знаком своей эпохи, за каждым из них стоит ряд образных ассоциаций, рисующих портрет времени [4].

Уникальной чертой, определяющей идентичность Самары, является феномен самарского двора [8]. Его архитектура представляет собой новую типологию многоквартирного дома-двора, который сформировался в процессе длительной эволюции подворья, воз-

никшего в XIX в. В нём запечатлены пласты истории развития государства и жизни поколений людей.

Формирование самарского двора началось в начале XIX в. с организации подворья (усады), принадлежащего как правило одной семье. После революции 1917 г. в связи с отменой частной собственности домовладение трансформировалось в коммунальный дом. Данное историческое событие нашло отражение в особенностях пространственно-планировочной структуры самарского двора – объектах спонтанного развития: новых индивидуальных входах, тамбурах, открытых лестницах, пристройках, галереях, гаражах и т.д. (рис. 1) [9].

Объекты спонтанного развития как отражение жизненного пути

Объекты спонтанного развития двора (рис. 2) помимо исторического отражают время как персональные истории жизни его обитателей. Через спонтанную архи-

Рис. 2. Объекты спонтанного развития в исторической среде Самары

Рис. 3. Фактуры в исторической среде Самары

тектуру обитатели двора воплощают своё присутствие в этом мире. Эти объекты формируют личную причастность к окружению, представляя собой отпечатки личности его обитателей. К. Линч подчеркивает гуманность этой особенности человеческого окружения фиксировать недавние события, позволяющей людям отмечать собственный жизненный путь. «Эта черта кажется человеческой не только для обитателя, но и для постороннего наблюдателя, который ощущает теплоту окружения и через него устанавливает символические связи с обитателями», - пишет К. Линч [1, с. 162].

Кроме того, объекты спонтанной архитектуры, не имеющие строгой законченной формы, находящиеся как бы в процессе своего развития и становления отображают течение жизни вообще, бытие человека в мире. М. Хайдеггер так описывает это качество человеческого присутствия: «В сути основоустройства присутствия (перевод с нем. Dasein – А.Б.) лежит ... постоянная незавершенность ... Пока присутствие как сущее есть, оно своей «целости» никогда не достигло. Добудь оно её, однако, и добыча станет прямой утратой бытия-в-мире.» [6 с. 268-269].

Материалы, покрывающиеся следами времени

Необратимость изменяющегося бытия отражается в материалах, покрытых следами времени (рис. 3): старенном дереве, ржавом металле, эрозии кирпича, стертых ступенях, запылённых и шершавых фасадах. А.Г. Раппапорт, рассуждая о феноменологическом восприятии архитектуры, обращается к категории пыли как символу смертного времени. Запылённость, как отмечает теоретик, символизирует необратимый процесс старения и в конечном итоге смерти [10].

Двор как музей старых вещей

Изменение времени отражено и в старых вещах, экспонируемых во дворе как в музее; предметах благоустройства, выполненных жителями, которые дают «второе рождение» ненужным вещам; сараях и гара-

жах, представляющих своего рода архивы. Эти вещи больше не используются тем способом, каким применялись раньше. Тем самым они свидетельствуют о том, что «мир, внутри которого они, принадлежат к взаимосвязи средств, встречались как подручное и применялись», ушёл, что мира этого больше нет [6, с. 424]. Вещи эти принадлежат прошлому, истории. Таким образом, ощутить историчность времени в самарском дворе может каждый присутствующий и для этого не обязательно идти в музей.

Бесконечность

Природный ландшафт как символ бесконечности

Самарская историческая среда расположена на полуострове, образованном слиянием рек Волги и Самары. Связь с ними выражена в градостроительной планировке: вытянутости кварталов вдоль берега Волги; мостовых переходах через реку Самару; границе в виде пляжа и набережной; повторяющемся планировочном коде площади, обращенной к Волге и соединенной с ней спуском; морфотипе кварталов, срезанных береговой полосой [8], [11]. Принято разделять парадный «гостевой» волжский фасад и интимный домашний самарский. Две реки, природный заволжский ландшафт, сохранный в первозданном виде, а также засамарские дали символизируют бесконечность. Таким образом, пространственная среда Самары внимает и этому модусу времени.

Обращенность города к бесконечности является важным аспектом идентичности самарцев. На контрасте с безмерностью заречных далей (рис. 4) «интерьерность» городского пространства ощущается наиболее остро.

Ритмическое время

Материальная риторика ритмического времени отражается в циклах природы, сезонах, повторениях природных явлений дождя, снега, цветения и увяда-

Рис. 4. Историческая часть Самары с высоты птичьего полёта

ния, в пульсации движения людей, обусловленной трудовым ритмом [5].

Пространственная организация самарского двора способствует интенсивному переживанию его обитателями циклического времени. Здесь особенно ощущается смена сезонов благодаря включённым в дворовое пространство природным объектам; и время дня – за счёт плотной периметральной застройки с множеством вынесенных относительно фасада элементов движение теней в течении дня особенно заметно.

Планировочная структура старых кварталов усиливает восприятие потоков движения людей. Частное/полу-приватное пространство двора и общественное пространство улицы имеют четкое разделение. Возможность транзитного перемещения сквозь квартал отсутствует, поэтому движение сосредоточено на улицах, представляющих собой «артерии». Данная планировочная структура в совокупности с тем, что общественные места выходят на красную линию застройки, формирует оживленную уличную жизнь.

В. Л. Глазычев отмечает, что пульсирующее движение людей в неподвижном массиве города-тела является неотъемлемой частью поэтики пространства «настоящего города». Эстетические и чувственные качества этого движения запечатлены в обыденном и литературном языке богатыми ассоциациями: люд-

ское море, людские реки и ручейки [3]. Д. Джекобс также указывает на положительные качества оживленной уличной жизни [2].

Вечность

Культовые сооружения

Чувство вечности в экзистенциальном сознании людей способны пробудить культовые сооружения, имеющие религиозное или сакральное значение. Представляющие собой земную манифестацию вечности, они призваны возрождать в человеке духовное начало [12]. Исследователь в области философии архитектуры Ж.Н. Николаева отмечает: «Религиозные объекты, противопоставляя себя бренности человеческого бытия, становятся своеобразными уступами, обращенными в вечность, утверждая небесную вертикаль, подчеркивающую горизонтальность линий архитектурных перспектив» [5]. Символом вечного в историческом центре являются православные храмы, соборы и церкви, выступающие в качестве фокусов, выявляющих основные планировочные узлы. Важно сохранить их положение доминант в городском ландшафте старой Самары, не заслонив высотками и небоскребами, как это происходит сейчас во многих городах.

Ген города и городская культура

Память и культура представляют собой хранилище вечных духовных ценностей человека, которые затем воспроизводятся во всё новых земных воплощениях. Культурное наследие, в свою очередь, представляет собой генофонд таких ценностей, актуальных вне времени и пространства.

Самарский двор – уникальная среда в совокупности с её резидентами – хранит особый дух двора, не только объединяющий судьбы обитателей, но и создающий определённую мифологию «настоящей самарской жизни». Сообщество и пространство двора порождают своеобразную городскую культуру, под воздействием которой формируется картина мира обитателей – двор таким образом становится пространством судьбы [13]. В историческом прошлом самарский двор играл роль «ковчега», в котором после индустриализации 30-х годов, а также во время Великой Отечественной войны «спасались» коренные жители, переселенцы из деревень и эвакуированные с оккупированных территорий [14, с. 208]. Сегодня самарский двор – тоже «ковчег», только теперь хранящий генофонд ценностей «настоящего» города, утраченных современной урбанизированной территорией.

Заключение

Историческая Самара представляет собой «естественную» рукотворную среду, которая находится в гармоничных отношениях с природой и человеком. Исследование только одного феноменологического аспекта – времени – показало её необычайное разнообразие. Мультивременность, сформировавшаяся с течением длительного времени, придаёт городу эмоциональную глубину, определяет идентичность, формирует духовную и культурную жизнь обитателей. Историческая среда Самары является хранилищем качеств и ценностей «настоящего» города, сберечь её целостность – значит не потерять безвозвратно ген города и городской культуры.

Библиографический список

1. Линч К. Образ города / Пер. с англ. Глазычев В.Л. / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
2. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Мотылев Л.М. / Д. Джекобс – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
3. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды / Глазычев В.Л. // Эстетическая выразительность города. – М.: Наука, 1986.
4. Дуцев М.В. Архитектурная концепция времени / М.В. Дуцев // Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком / ред. И.А. Добрицына. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 409 – 422.

5. Николаева Ж.Н. Рефлексия феномена времени в онтических контурах Санкт-Петербурга / Ж.Н. Николаева, А.А. Носков // Неприкосновенный запас. – 2019. – №1. – С. 107-114.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Библихина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503, [9] с.
7. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – С. 391-406.
8. The Samarsky Yard. Самарский двор. / Й. Шиманн, О. Вейерс, Л. Арарипе Рэнд, Е. Репина, С. Малахов, А. Гниломедов. - TATLIN, 2020. - 448 с.
9. Пастушенко В.Л. Опыт реконструкции самарских дворов в исторических кварталах / В.Л. Пастушенко, О.С. Рыбачева // Устойчивое развитие городской среды. - 2016 - С. 71-76.
10. Раппапорт А.Г. Сталинский ампиризм: гипнотизм и наркотизм стиля / А.Г. Раппапорт // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления / ред. Ю.Л. Косенкова. - М.: КомКнига, 2010. – 496 с.
11. Вавилонская Т.В. Градостроительное регулирование архитектурно-исторической среды (на примере Самарской области): дис. ... док. арх: 05.23.22 / Вавилонская Татьяна Владимировна; Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. - Санкт-Петербург, 2010. – 436 с.
12. Гарин И. Вечность / И. Гарин – Киев: Мастер-класс, 2007. – 256 с.
13. Тотальный музей самарского двора / К. Горина, С. Лащенко, Е. Репина, Е. Черникова; АСИ СамГТУ. - Самара.
14. Малахов С.А. Поэтика городского пространства Самары / С.А. Малахов, А.Б. Мишечкина, Д.Н. Романова; Самара, 2013. - 239 с.

References

1. Lynch K. The Image of the City. Cambridge (Massachusetts), M.I.T. Press, 1960, 208 p.
2. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York, Random House Publ., 1961. 458 p.
3. Glazychev V.L. Poetics of the urban environment. Esteticheskaya vyrazitel'nost' goroda [Aesthetic expressiveness of the city]. Moscow, Nauka Publ., 1986 (in Russian).
4. Dutsev M.V. Architectural concept of time. Voprosy teorii arkhitektury: Arkhitektura v dialoge s chelovekom [Questions of Architecture Theory: Architecture in dialogue with Man], Moscow, LENAND Publ., 2013. pp. 409 – 422. (in Russian).
5. Nikolaeva Zh.N., Noskov A.A. Reflection of the phenomenon of time in the ontic contours of St. Petersburg. Neprikosnovennyi zapas [Emergency reserve], 2019. No. 1. pp. 107-114. (in Russian).

6. Heidegger M. Being and Time. New York, Harper & Row Publ., 1962.
7. Heidegger M. Time and Being. On Time and Being. Chicago, University of Chicago Press, 2002. 84 p.
8. Shimann Y., Veyers O., Araripe Rend L., Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A. Samarskiy dvor [The Samarsky Yard]. TATLIN Publ., 2020. 448 p.
9. Pastushenko V.L., Rybacheva O.S. Experience of reconstruction of Samara courtyards in historical quarters. Ustoychivoe razvitie gorodskoy sredy [Sustainable development of the urban environment], 2016. pp. 71-76. (in Russian).
10. Rappaport A.G. Stalin's Empire: Hypnotism and narcotism of style. Arkhitektura stalinskoy epokhi: opyt istoricheskogo osmysleniya [Architecture of the Stalinist era: the experience of historical understanding]. Moscow, KomKniga Publ., 2010, 496 p. (in Russian).
11. Vavilonskaya T.V. Gradostroitel'noe regulirovanie arkhitekturno-istoricheskoy sredy (na primere Samarskoy oblasti) Dokt, Diss. [Urban planning regulation of the architectural and historical environment (on the example of the Samara region) Dokt, Diss.] Saint-Petersburg, 2010. 436 p.
12. Garin I. Vechnost' [Eternity]. Kiev, Master-klass Publ., 2007. 256 p.
13. Gorina K., Lashchenko S., Repina E., Chernikova E. Total'nyy muzey samarskogo dvora [Total Museum of the Samara yard] Samara (In Russian, unpublished).
14. Malakhov S.A., Mishechkina A.B., Romanova D.N. Poetika gorodskogo prostranstva Samary [Poetics of Samara's urban Space]. Samara, 2013. 239 p.

Для ссылок: *Базина А. Н., Репина Е.А.* Феномен времени в самарской исторической среде // Innovative project. 2019. Т.4, №10. С. 48-53
DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.4

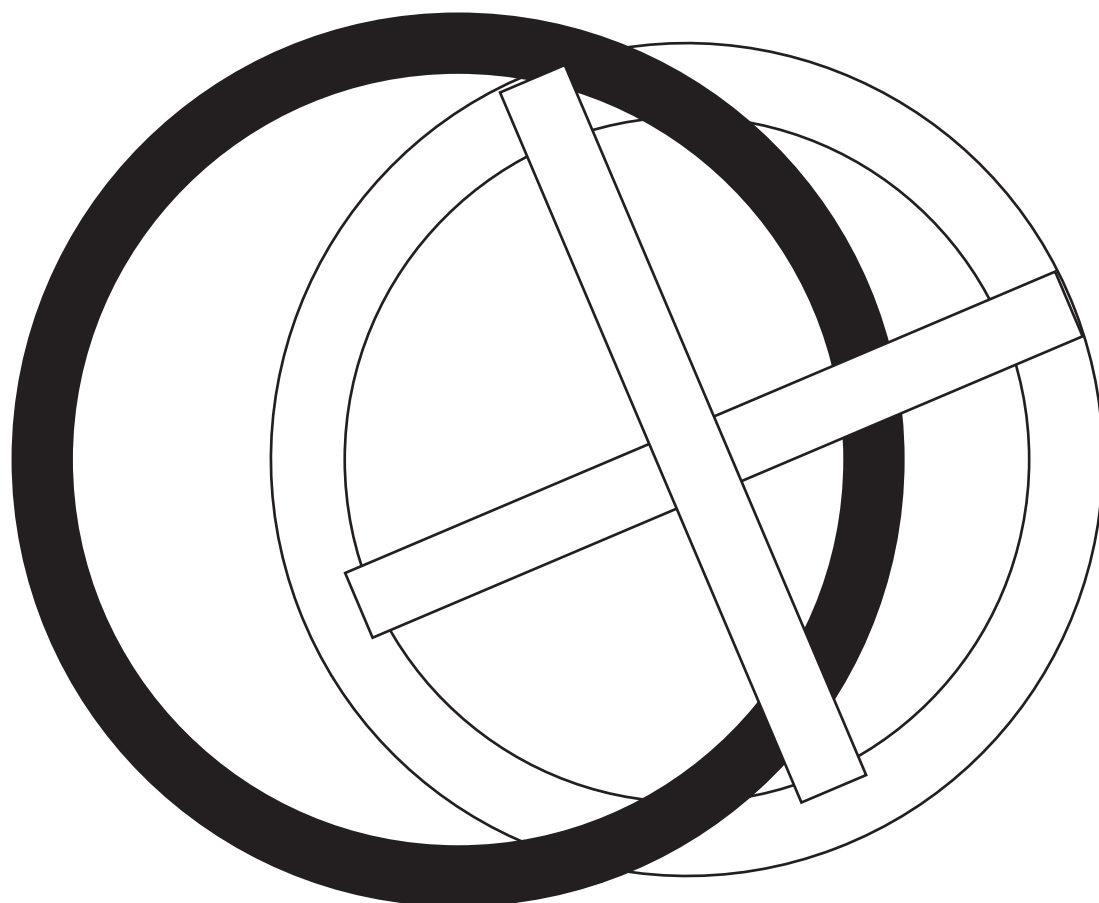
For references: *Bazina A.N., Repina E.A.* The phenomenon of time in the Samara historical environment // Innovative project. 2019. Vol.4, No. 10. pp. 48-53. DOI: 10.17673 / IP.2019.4.10.4

5

55–67

ГОРОД ВНЕ ГОРОДА

CITY WITHOUT THE CITY

Филанова Татьяна Вячеславовна, Филиппов Василий Дмитриевич, Екатеринбургская Анна
Самарский государственный технический университет

Filanova Tatiana, Filippov Vasily, Ekaterinskaya Anna
Samara State Technical University

ПОСЕЛОК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ: ИСТОРИЯ И РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

SETTLEMENT UPRAVLENCHESKY: HISTORY AND RECREATIONAL POTENTIAL

Анализируется потенциал территорий северных поселков города Самары, расположенных вдоль реки Волга в Красноглинском районе, с позиции развития общественных и рекреационных пространств в этой части города. Конкретно рассматривается история территорий посёлка Управленческий, выявляется их роль в системе общественных рекреационных пространств (ОПИ) города, изучается их функционирование на общегородском уровне. Проводится анализ ценности этих территорий не только для местных жителей, но и для города в целом, изучается характер и специфика использования их горожанами исторически и в настоящее время. Выявляются факторы, препятствующие гармоничному развитию рекреационных пространств района Северной удаленной периферии Самары. На основе данных проведенных исследований даются рекомендации для дальнейшего развития рекреационных пространств с целью повышения востребованности территорий горожанами и усиления их туристической привлекательности.

The potential of the territories of the northern settlements of the city of Samara, located along the Volga River in the Krasnoglinsky district, is analyzed from the standpoint of the development of public and recreational spaces in this part of the city. Specifically, the territory of the Upravlenchesky settlement is examined, their role in the system of public recreational spaces (PIU) of the city is revealed, and their functioning at the city level is studied. The analysis of the value of these territories not only for local residents, but also for the city as a whole is carried out, the nature and specificity of their use by the townspeople historically and at the present time is studied. The factors that hinder the harmonious development of recreational spaces in the region of the northern remote periphery of Samara are revealed. On the basis of the data of the conducted research, recommendations are given for the further development of recreational spaces in order to increase the demand for territories by citizens and enhance their tourist attractiveness.

Ключевые слова: рекреационный потенциал, природные ресурсы, система общественных рекреационных пространств, локальные центры, рекреационные потребности, удаленная периферия города

Keywords: recreational potential, natural resources, system of public recreational spaces, local centers, recreational needs, remote city periphery

Самара – исторически сложившийся город, региональный центр, расположен в среднем течении Волга, на ее излучине, образующей «петлю» Самарской Луки. Посредине речного изгиба открывается уникальная видовая точка, в радиус обзора которой входят ландшафты Жигулевских гор, протяженная панорама города, поворот реки с островами и заливами (рис. 1). Здесь расположен посёлок Управленческий Красноглинского района, территориально удаленного от центра города и других его районов.

В августе 2016 г. Управленческий отметил 100-летие своего основания. Небольшое поселение в этих местах возникло лишь в XX веке – в Коптевом овраге. Первыми жителями, по данным Ильинского [1], стали семья бакенщика, рыбаки, рабочие гипсовых промыслов и каменоломен. На сезон приезжали бригады углежогов, от копоти при получении ими из древесины угля, овраг, по одной из распространённых версий, и получил такое название.

Поражение в русско-японской войне выявило полное отставание русской военной промышленности в производстве бездымного пороха, поэтому Главное Артиллерийское Управление (ГАУ) уже во время войны действительно ставило вопрос о строительстве новых казенных пороховых заводов. В 1905 г. командированный из ГАУ специалист-генерал подобрал вблизи Самары подходящее место, но из проекта сметы на 1906 г. ассигнование на начало работ (миллион рублей) было вычеркнуто. Вместо строительства нового завода пришлось пойти по пути расширения уже имевшихся казенных пороховых заводов. Обсуждение вопроса в различных инстанциях заняло несколько лет, и постройка 4-го Тамбовского порохового завода окончательно была решена только перед самой Первой мировой войной, в июне 1914 года. Постановление Совета министров о строительстве 5-го Самарского порохового завода состоялось 24 мая 1916 г., и было

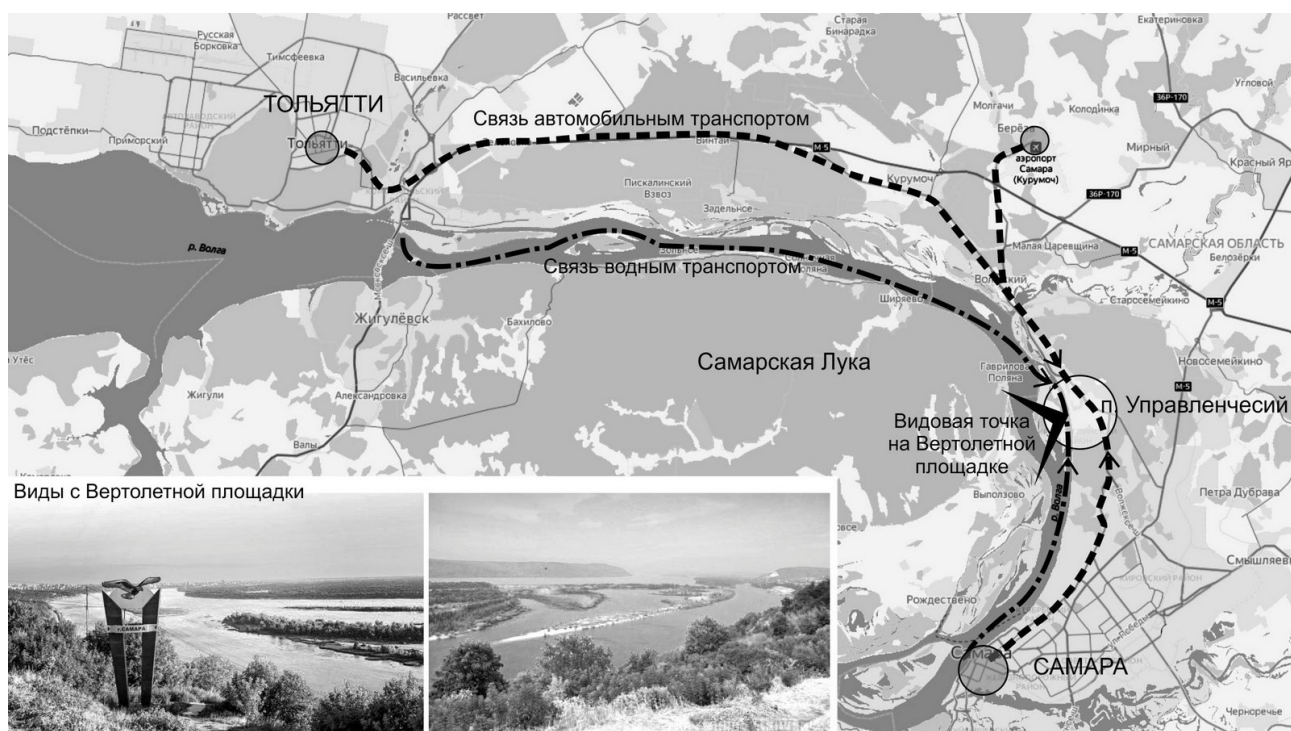

Рис. 1. Поселок Управленческий в системе центров Самарско-Тольяттинской агломерации

утверждено Николаем II (т.е. получило силу закона) 15 июня 1916 г. [2]. В 1916 г. началось строительство пристани в Коптевом овраге, складских помещений и дорог. К весне 1917 г. заработал кирпичный завод. На строительстве порохового завода в 1917 г. работало уже несколько сотен рабочих, служащих и инженеров. Предприятие имело свою каменоломню, лесные угодья, лесопилку, обжиговую известковую печь и кирпичный завод. Для инженеров и техников в 1917 г. построили около 20 кирпичных и деревянных флигелей, рассчитанных на проживание примерно 100 человек. От пристани до места строительства порохового завода и к поселку при нём в 1917 г. была построена выложенная камнем Винтовая (Шоссейная) дорога и далее грунтовая дорога длиной всего 5 км [1]. Уже в 1916 г. заложили фундаменты ряда заводских корпусов, закупили значительное количество оборудования, включая оборудование для пироксилинового производства фирмы Nonnabo Chemical из города Ист-Провиденс (Род-Айленд, США). В связи с революцией 1917 г. строительство завода было приостановлено, а в 1918 г. окончательно ликвидировано. Оставшееся оборудование было распределено по существующим артиллерийским заводам [2]. Так на Волге на правом берегу Коптева оврага появилось поселение, не имевшее своего названия и потому приписанное к появившемуся в начале века дачному посёлку Красная Глинка, получившее от строительства порохового завода зачатки промышленности и некоторое число домов. В годы НЭП здесь пытались снова наладить производство кирпича и черепицы, но с окончанием НЭП источником строительного материала для посёлка

опять стали так и не достроенные корпуса порохового завода, располагавшиеся у сегодняшней улицы Коптевской, приблизительно в 150–200 м от перекрёстка с нынешней улицей Крайней в сторону основного русла Коптева оврага [3].

Ещё в советские времена появилась легенда о том, что произошло дальше: «В 1927 году красивейшие волжские берега у Коптева оврага, проплывая мимо на пароходе, увидел Михаил Иванович Калинин – председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК). Здешные места ему очень понравились. Было принято решение построить на этом месте санаторий для членов правительства» [4]. В легенде неточно указана и должность М.И. Калинина – председателем ВЦИК он был с 1919 г., а с декабря 1922 г. стал одним из председателей (от РСФСР) ЦИК СССР, который до 1938 г. (когда его заменил Верховный Совет СССР) являлся высшим законодательным, распорядительным и контрольным органом Советского Союза. И в 1927 г. у М.И. Калинина не было времени любоваться с парохода самарскими берегами Волги, даже не появляясь при этом в Самаре: «16 сентября 1919 г. На митинге красноармейцев в Самаре выступил председатель ВЦИК М.И. Калинин (прибыл в город из Москвы с агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция»). Посещал город в 1923, 1936 и 1937 годах. 7 ноября 1941 года принимал военный парад на площади им. В. В. Куйбышева» [5].

На основании краткой биографии, дополненной событиями в ЦК ВКП(б), неполный перечень того, чем был занят Калинин в 1927 г.: «В декабре он на заводах Тулы, в январе 1927 года в Нижнем Новгороде, вместе

Рис. 2. Борис Иофан (начало 1930-х гг.) и Дом отдыха ЦИК «Сосны» (1931-1934, современные фотографии)

с А. А. Ждановым посещает коллективы многих заводов. Затем – у земляков в Твери (15 января 1927 г. три дня пребывания в городе), где его сердечно встречают рабочие ряда предприятий. В феврале 1927 года Калинин выступил с докладом о ходе выборов в Советы на Пленуме ЦК ВКП(б). XIII Всероссийский съезд Советов (10-15 апреля 1927 г.). 13-16 апреля Пленум ЦК ВКП(б). 15 мая 1927 г. выступил в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В июне он в Грузии участвует в закладке Рионской и в пуске Земо-Авчальской гидроэлектростанций, в июле — на нефтепромыслах Баку. 29 июля - 9 августа 1927 г. – Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 3 сентября 1927 г. – объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) по вопросу о «Проекте платформы» Троцкого, Зиновьева и др. В октябре Калинин присутствовал при закладке Свирской электростанции» [6]. То есть, легенда, повторяемая множеством краеведов, с исторической точки зрения является полностью несостоятельной.

Дом отдыха ЦИК «Красная глина» и Государственный союзный опытный завод

Причины и обоснования строительства Домов отдыха ЦИК СССР следует искать не в холопских легендах о барских прихотях вождей, а в сложившейся в СССР к началу 1930 гг. системе отдыха и охраны здоровья высших партийных и советских руководителей. За их направление на отдых и лечение отвечали Лечебно-санитарное управление Кремля и Лечебная комиссия при Управлении делами ЦК ВКП(б), а выбор мест для строительства и само строительство мест для отдыха и лечения в 1920-х – начале 1930-х (по март 1935 г.) курировал секретарь Президиума ЦИК Амель Софронович Енукидзе. Вопросы размещения домов отдыха и санаториев до 1927 г. решались при консультации с Павлом Николаевичем Обросовым, возглавлявшим Лечебную комиссию при Управлении делами ЦК ВКП(б), а с июня 1927 г. консультантом был назначен начальник сектора планирования санаторно-курортного дела отдела лечебных местностей Нар-

комздрава РСФСР Николай Ефремович Хрисанфов. Самим строительством и эксплуатацией этих объектов занималось созданное 6 июля 1926 г. Хозяйственное управление (ХОЗУ) ЦИК СССР под руководством (вплоть до ликвидации ЦИК в 1938 г.) Николая Ивановича Пахомова [7].

17 января 1931 года Президиум ЦИК СССР принял закрытое постановление № 42/С о строительстве целого ряда объектов в курортных местностях СССР. Так, например, было запланировано строительство (названия объектов даны после принятия их в эксплуатацию) [7]:

1. Дом отдыха ЦИК «Увильды» (Башкирская АССР, сегодня это Челябинская область, Аргаяшский район, пос. Увильды).
2. Дом отдыха ЦИК «Красные камни» (Северо-Кавказский край, Терский округ, г. Кисловодск).
3. Дом отдыха ЦИК «Чемал» (Алтайский край, Ойратская АО, Шебалинский аймак, село Чемал).
4. Дом отдыха ЦИК «Сосны» (Московская область, Звенигородский район, пос. Сосны).
5. Дом отдыха ЦИК «Сочи» (Азово-Черноморский край, г. Сочи).
6. Дом отдыха ЦИК «Красная глина» (Куйбышевская область, пос. Красная Глина, Коптевоград).
7. Санаторий Госбанка СССР (Северо-Кавказский край, Терский округ, г. Кисловодск).
8. Санаторий № 1 имени И. В. Сталина (Северо-Кавказский край, Терский округ, г. Железноводск)

Таким образом, место для строительства Дома отдыха ЦИК «Красная глина», как и других подобных объектов, выбиралось не с парохода, а с учётом комплекса всех факторов совместно упомянутыми руководителями (А.С. Енукидзе, Н.Е. Хрисанфов, Н.И. Пахомов), а затем утверждалось Президиумом ЦИК. Немаловажную роль, помимо живописных видов, наверняка сыграла обустроенность этого места – в частности, наличие Винтовой дороги с твёрдым покрытием от пристани на Волге до места будущего Дома отдыха и уже существовавшее здесь поселение, где можно было набрать местный и разместить прикомандиро-

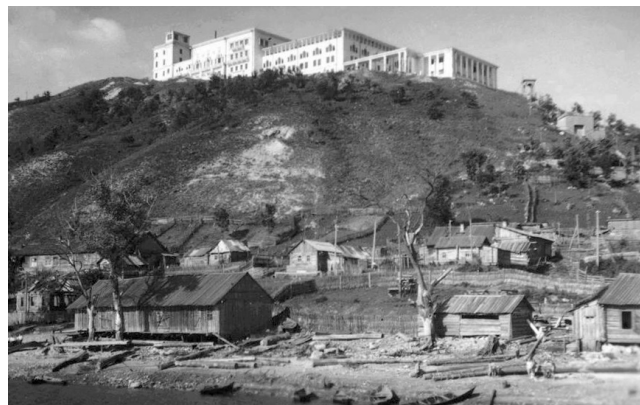

Рис. 3. Дом отдыха ЦИК СССР «Красная глина» (1932-1935), фото 1947-1953 г. (семья Гюнтера Шнора)

ванный сюда обслуживающий персонал.

Тут следует сказать, что для проектирования объектов ХОЗУ ЦИК и надзора над их строительством в 1930 г. при нём была организована Архитектурно-проектная мастерская (АПМ), которую в июне 1931 г. возглавил Мирон Иванович Мержанов (Меран Оганесович Мержанянц) [8]. Объектов курортного строительства было запланировано так много, что АПМ, проектируя некоторые из них, все оставшиеся, на которые ей физически не хватало ресурсов, распределяла среди других мастерских путём организации закрытых конкурсов, победителей которых определял Президиум ЦИК с участием, при заинтересованности, других высших руководителей партии и правительства. Эти конкурсы проводились под грифом «совершенно секретно» и все их участники давали подписку о неразглашении. Например, давно задокументировано, что санаторий «Барвиха» (1930-1935) проектировал Борис Михайлович Иофан [9], но до совсем недавних пор никому не было известно, что упомянутый в списке выше Дом отдыха ЦИК «Сосны» (1931-1934) (рис. 2), сегодня это Оздоровительный комплекс «Сосны» Управления делами Президента РФ, также был спроектирован в его мастерской: «После долгих поисков я получил однозначный ответ от ныне здравствующего военного строителя В.И. Целуйко (род. в 1930 году). Десять лет, с 1964 по 1974 год, он работал главным инженером, а затем и директором в «Соснах», он-то и назвал мне имя архитектора главного корпуса курорта «Сосны» – это Борис Михайлович Иофан» [10]. Причина, по которой Иофан не включил в список своих работ один из несомненно удачных реализованных проектов, могла быть только одна – подписка о неразглашении государственной тайны. По этой причине и сегодня известны далеко не все авторы построенных курортных объектов, указанных в постановлении ЦИК от 17 января 1931 г. В любом случае, власть для отдыха потребовала лучшее из возможного на то время, поэтому проектировали их лучшие советские архитекторы и строили лучшие советские строители: Стройконтора №1 ХОЗУ ЦИК и Военно-строительное управление РККА (которое привлекали для особо трудоёмких работ) обладали «высоким научно-техническим потенци-

алом, владея большими людскими ресурсами и новейшей строительной и дорожно-строительной техникой, закупленной в США, Германии и Великобритании» [8].

До середины 1930-х гг. и организации в июле 1934 г. Административно-хозяйственного управления НКВД¹, хозяйственные органы ОГПУ этими возможностями не обладали [8]. В то же время, по понятным причинам, при строительстве объектов для отдыха высшего руководства об использовании труда заключённых речи быть не могло. Некоторые из этих курортов впоследствии были радикально реконструированы, а Дом отдыха ЦИК «Красная глина», затем дом отдыха «Жигули» НКВД, затем «Здравница НКАП²», и окончательно санаторий «Красная Глина» (рис. 3) был в 2014 г. попросту уничтожен ради освобождения площадки с инженерными коммуникациями под элитное коттеджное строительство.

Автор [7] приводит данные о том, что авторами этого комплекса зданий являлись И.Ф. Милинис в соавторстве с М. Я. Гинзбургом (именно в таком порядке), но обнаружить дополнительно независимое подтверждение этой информации в архивах пока не удалось. Информации о Доме отдыха ЦИК «Красная глина» до сих пор чрезвычайно мало. Это связано как с режимом секретности всех подобных курортов, так и с событиями, что последовали через непродолжительное время после завершения его строительства. Известно только, что дом отдыха был оборудован бомбоубежищем глубокого залегания, а также то, что после закрытия Дома отдыха ЦИК «Суук-Су» в Гурзуфе, по распоряжению сменившего в марте 1935 г. А.С. Енукидзе секретаря ЦИК Ивана Алексеевича Акулова, все его отдыхающие перенаправлялись в Дом отдыха ЦИК «Красная глина». Также известно, что уже после передачи дома отдыха (в связи с упразднением ЦИК) в Управление делами (УД) СНК СССР и переименования в санаторий «Красная глина», летом 1938 г. здесь (по инициативе руководителя Лечебно-санитарного управления Кремля Алексея Андреевича Бусалова, так же, как

¹ Народный комиссариат внутренних дел СССР

² Народный комиссариат авиационной промышленности СССР

Рис. 4. Фотографии семьи Гюнтера Шнора и их друзей в Управленческом (krasnoginskiy.ru, gubernya63.ru)

и в санаториях УД СНК: «Форос», «Сочи» и «Барвиха») стал работать круглогодичный детский сад для детей сотрудников центрального аппарата СНК СССР и других высших партийных и советских органов власти [11].

Таким образом, можно констатировать, что до лета 1938 г. Дом отдыха ЦИК, а затем санаторий УД СНК «Красная глинка» выполнял свою исходно заданную функцию – отдыха и оздоровления партийного, советского и хозяйственного руководства страны. В связи с этим, можно предположить, что посещение М.И. Калининым г. Куйбышева в 1936 и 1937 гг. могло быть связано с отдыхом в этом месте – и отсюда же вполне могла появиться упомянутая выше легенда. Однако, уже осенью 1937 г. в этом районе началась подготовка к строительству Куйбышевского гидроузла, которое привело к передаче санатория в НКВД СССР и переименованию в дом отдыха «Жигули», а затем, при сворачивании строительства с началом Второй мировой войны, привело к полной утере этой функции.

После прекращения строительства Куйбышевского гидроузла недалеко от санатория оставались Лаборатория гидроузла, авторемонтные мастерские и деревообрабатывающий комбинат Управления особого строительства НКВД. В ноябре 1941 г. на эти площади был эвакуирован вместе с конструкторским бюро московский завод № 145 НКАП, который до войны был единственным в стране производителем агрегатов авиационного химического вооружения. Сюда же был эвакуирован киевский завод № 455 им. Артёма, объединённый с заводом № 145 в одно предприятие. Во время войны завод № 145 производил выливные авиаприборы, ампульные бомбовые кассеты, авиационные механические прицелы, замки-держатели для бомб, торпедодержатели и минодержатели [12]. Примерно в конце 1941 – начале 1942 г. в распоряжение НКАП был передан санаторий, получивший новое название «Здравница НКАП». О его состоянии как лечебного учреждения можно судить по тому, что первое санаторное отделение на 50 коек здесь появилось только в феврале 1943 г., а зубной кабинет открылся также в 1943 г. [4] Однако, восстановление происходило неуклонно, и к концу войны санаторий стал полноценной здравницей авиационной промышленности. Тем не менее, в сентябре 1946 г.

приказом по уже Министерству авиационной промышленности (МАП) санаторий вновь был закрыт [4].

При подписании Потсдамских соглашений между союзниками в августе 1945 г. было принято решение о демилитаризации Германии, включавшее полный демонтаж немецкой военной промышленности. В связи с этим, отчасти восстановленные в советской зоне (и не только в советской) немецкие авиационные и моторостроительные конструкторские бюро с опытными производствами, работавшие в пользу репараций Германии СССР, всё больше этим соглашениям противоречили. Поэтому в апреле 1946 г. завод № 145 было решено передать из 2-го Главного управления МАП в ведение непосредственно Министру с переименованием в Опытный завод № 2 МАП, а затем в конце октября 1946 г. на завод прибыли интернированные немецкие специалисты бывших фирм Юнкерс, БМВ и Аскания, из которых здесь были воссозданы три уже работавших в Германии конструкторских бюро: два моторостроительных – ОКБ-1 «по газовым турбинам типа Юнкерс», ОКБ-2 «по газовым турбинам типа БМВ», а также ОКБ-3 для работ по автоматам самолетовождения и посадки (типа «Аскания») и вновь организованное на заводе № 2 ОКБ-4 для работ по шлейфовым осциллографам [12]. К прибытию немецких специалистов полностью всё жильё для них не успели построить, поэтому около 300 человек (часть немцев приехала с семьями) пришлось временно поселить в Здравнице МАП. В 1946-1947 гг. провели коренную реконструкцию производства, заводу было выделено 1064 вагона трофейного оборудования и имущества, а в 1948 г. было начато строительство наземной испытательной станции [12]. В 1949 г. завод и, к тому времени объединённое, конструкторское бюро (сменив доктора технических наук Альфреда Шайбе) возглавил Николай Дмитриевич Кузнецов. Работы, начатые немецкими специалистами, привели к созданию в конце 1954 г. самого мощного в мире турбовинтового двигателя НК-12, до сих пор находящегося в эксплуатации. В Здравнице немцы жили до лета 1947 г. – в июне 1947 г. она вновь открылась для отдыхающих [4].

Немецкие инженеры и техники помогли заложить в Управленческом основу для создания отечественных

Рис. 5. Фотографии семьи Гюнтера Шпора и их друзей в Управленческом 1947-1953 гг. (gubernya63.ru)

реактивных двигателей и (в частности семья Гюнтера Шпора) оставили уникальные фотографии посёлка этого времени, часть которых была даже в цвете. Особенно их привлекала Здравница и волжские просторы (рис. 4, 5). Последние немецкие специалисты покинули Управленческий и вернулись в Германию в конце 1953 г.

В 1950 гг. и особенно в 1960-е гг. Государственный союзный опытный завод № 2 (в июне 1953 г. переименованный в Государственный союзный опытный завод № 276 МАП) под руководством Н.Д. Кузнецова переживал период бурного развития. Успех и серийное производство двигателя НК-12, затем разработка ракетных двигателей в советской Лунной программе, привели к повышению его значимости и дальнейшему расширению. Вместе с градообразующим предприятием рос и развивался посёлок Управленческий. К концу 1950 гг. и в 1960 гг. здесь за счет завода были построены жилые дома, больницы, профилакторий, объекты образования, включая филиал Куйбышевского авиационного института (сегодня это отделение авиационного техникума Самарского университета). Из объектов для отдыха были построены второй в Куйбышевской области широкоэкранный кинотеатр (1962), Дом культуры «Чайка» (1962), парк с летней эстрадой и танцплощадкой, скверы с фонтанами, стадион, горнолыжная база (рис. 6). Намного позже приобрела популярность упомянутая выше Вертолётная площадка, сменив собой видовую площадку у Здравницы, пришедшую в упадок вместе и одновременно с санаторием.

С 1980 гг. благоустройство практически не обновлялось и до нас дошло в плачевном состоянии. Большинство скверов заброшены, а о том, что когда-то в Управленческом было восемь фонтанов, можно догадываться лишь по их очертаниям. Так или иначе, природная и рекреационная подоснова Управленческого преобладала на протяжении вековой истории, но на состояние мест отдыха, общественных пространств наложили свой отпечаток годы упадка главного предприятия, отсутствие финансирования после того, как завод перестал курировать посёлок, и появившиеся в связи с этим проблемы содержания и благоустройства инфраструктуры, мест культуры и досуга. Сейчас система ОРИП поселка Управленческий представлена немногочисленными объектами для отдыха жителей. Потенциал выгодных ресурсных территорий – открытого озеленённого пространства склона и прибрежной зоны – не раскрыт, прибрежная зона перегружена частными коттеджами и дачными участками, «замусорена» ветхими строениями и гаражами; береговая полоса занята частными пристанями, используется только для причала небольших судов; отсутствуют пляжная зона и комфортный доступ к воде для пешеходов и транспорта.

Тем не менее, сегодня именно природная составляющая поселка является его визитной карточкой и магнитом, притягивающим туристов и жителей других районов города. Можно определить направления дальнейшего развития системы общественных рекреационных пространств (ОРИП) поселка с учетом

Рис. 6. Посёлок Управленческий. Дом культуры «Чайка» (современное фото), широкоэкранный кинотеатр «Космос» и выходной день в одном из скверов (фото 1970 гг., culture.ru)

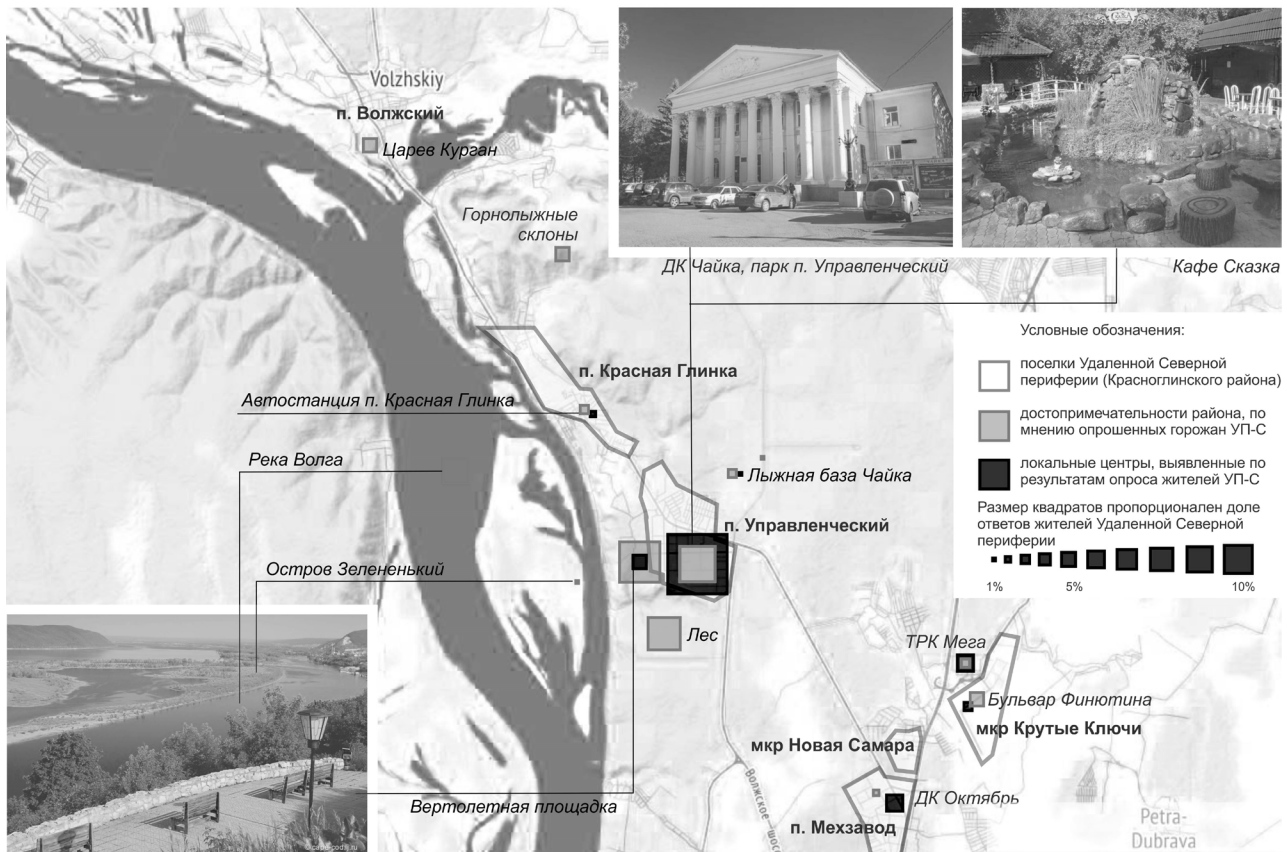

Рис. 7. Локальные центры и достопримечательные места на территории поселка Управленческий, по мнению жителей Северной удаленной периферии

местных особенностей и потребностей населения. Для этого рассмотрим подробнее существующую структуру рекреационной системы посёлка и ее место в городской системе общественно-рекреационных пространств, значение для города в целом, изучим характер использования общественных пространств местным населением, оценку и уровень восприятия территорий, выявленные по результатам градостроительно-социологического исследования.

Характер использования жителями территории посёлка Управленческий

Значение для населения рекреации как базового элемента в воспроизводственном процессе человеческого потенциала вытекает из самого понятия. Рекреация – это отдых, восстановление сил человека, проведение свободного от работы времени, восстановление физических и духовных ресурсов организма. Потребности населения в отдыхе и приятном времяпрепровождении реализуются в природной среде и общественных пространствах, а виды деятельности формируются исходя из рекреационных возможностей территории, с учетом общественных пространств каждого района, объектов инфраструктуры, локальных центров и знаковых мест.

Исследования, проведенные отделом НИР ГУП «ТеррНИИГражданпроект» в 2017 г., дают представ-

ление о качестве рекреационной составляющей поселка Управленческий с позиции местных жителей и горожан Самары [13]. В удаленных и изолированных районах, каким является Управленческий, культурные, спортивные, досуговые центры изначально были сформированы в проектом решении. Это ДК «Чайка», центральная улица Сергея Лазо и расположившиеся вдоль нее скверы, кафе и спортивные учреждения (кафе «Сказка», ставшее достопримечательностью и местом отдыха жителей поселка, стадион «Чайка»). Улица Сергея Лазо заканчивается Вертолетной площадкой – на сегодняшний день главной достопримечательностью района. Также на территории посёлка располагается известная в области лыжная база «Чайка», куда горожане приезжают покататься на лыжах, проводятся соревнования российского уровня.

В ходе опроса жителям было предложено среди существующих объектов назвать наиболее часто используемые объекты, сложившиеся локальные центры в районе проживания и местные достопримечательности [14]. Ответы жителей Управленческого и других поселков Удаленной Северной периферии (все поселки Красноглинского района – помимо Управленческого – Берёза, Мехзавод, микрорайон Крутые Ключи, Красная Глинка, Прибрежный и Козелки) сформировали картину наличия местных центров (табл. 1) и достопримечательных объектов в районе (табл. 2).

Таблица 1

Распределение ответов жителей поселка Управленческий и Северной Удаленной периферии на вопрос «Как Вы считаете, есть ли в Вашей части города свой местный центр?»

Да, есть, это:	% от опрошенных жителей поселка Управленческий	% от опрошенных жителей Северной Удаленной периферии
ДК «Чайка» в п. Управленческий	35,7	10,6
Вертолетная площадка	17,9	4,8
Кафе «Сказка» в п. Управленческий	14,3	4,8
Ул. Сергея Лазо в п. Управленческий	10,7	2,9
Парк поселка Управленческий у ДК «Чайка», сквер с детской площадкой у кафе «Сказка»	10,7	2,9
Лыжная база Чайка в п. Управленческий	3,6	1,0
ТРК «Мега»	3,6	5,8
Площадь и парк у ДК «Октябрь» в п. Мехзавод	-	5,8
Бульвар Финютина в микрорайоне Крутые Ключи	-	2,9
Автостанция в п. Красная Глинка	-	1,9
Такого места в нашем районе нет	-	12,5

Таблица 2

Распределение ответов жителей поселка Управленческий и Северной Удаленной периферии на вопрос «Что, по Вашему мнению, является главной достопримечательностью района, в котором Вы живёте?»

Достопримечательность есть, это:	% от опрошенных жителей поселка Управленческий	% от опрошенных жителей Северной Удаленной периферии
Вертолетная площадка	50,0	14,4
Кафе «Сказка»	21,4	5,8
Парк п. Управленческий, сквер при кафе «Сказка»	14,3	3,8
Лесная зона	14,3	11,5
Река Волга	14,3	8,7
Лыжная база «Чайка»	10,7	2,9
Горы, лыжные базы, зимние виды спорта	3,6	4,8
ДК «Чайка»	3,6	1,0
Экология	3,6	1,0
Остров Зелененький	3,6	1,0
Памятник Н.Д. Кузнецову	3,6	1,0
Стадион «Чайка»	3,6	1,0
«Танк» в микрорайоне Крутые Ключи	-	4,8
Поселок Красная Глинка	-	2,9
Царев курган, церковь в п. Волжский, родник с купелью у подножия кургана	-	2,9
ТРК «Мега»	-	2,9
Церковь в п. Мехзавод	-	1,9
Такой достопримечательности у нас нет	7,1	18,3

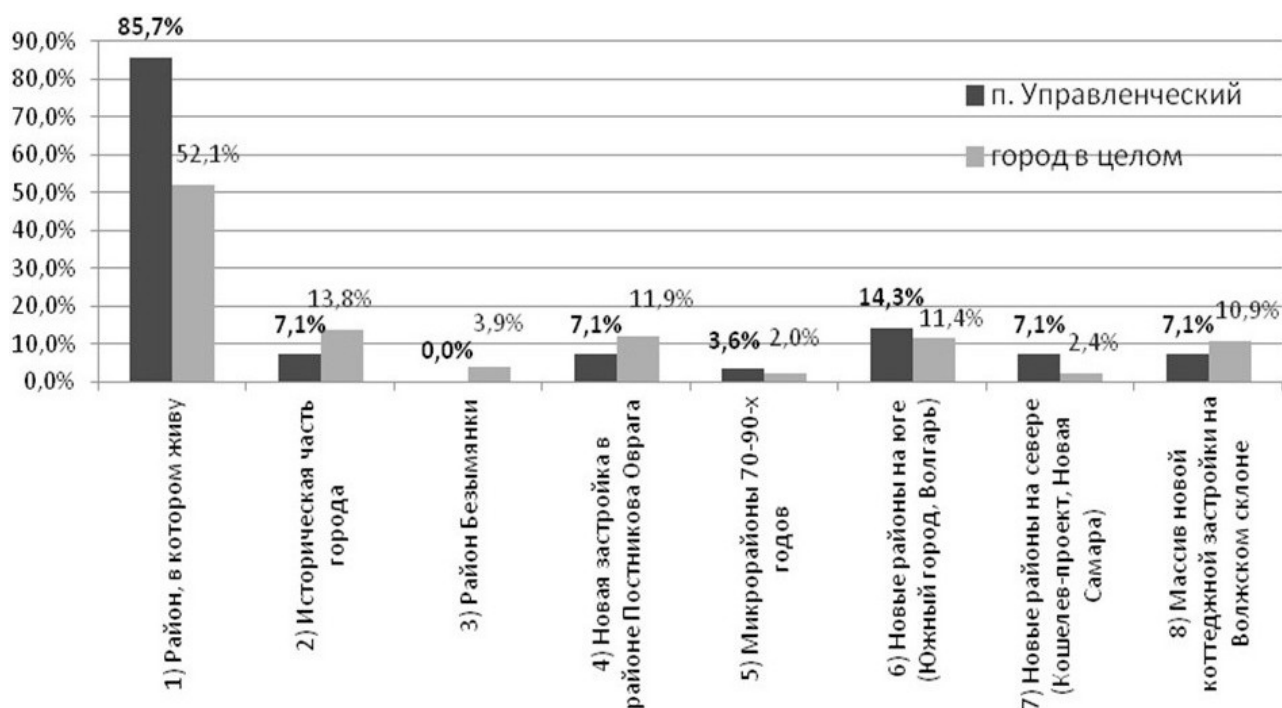

Рис. 8. Распределение ответов жителей поселка Управленческий и города в целом на вопрос: «Какой район Самары Вам больше всего нравится, в каком Вы хотели бы жить?» (в % от опрошенных)

Как и предполагалось, среди объектов, мест и общественных пространств (ОП) поселка выделяются Вертолетная площадка, район ДК «Чайка» с парком и кафе «Сказка». Эти ОП присутствуют в ответах всех жителей Удаленной Северной периферии города, а значит, по праву выделяются в качестве местного центра всего Красноглинского района (рис. 7). Достопримечательностями и гордостью района для жителей является природная основа района – река Волга и лесная зона. [13].

Оценка района проживания

Оценка жителями Самары качества среды своего района проживания, как показало исследование, соответствует уровню развитости городских территорий – чем более урбанизированная среда, тем выше она оценивается населением. Структура оценок в соответствии с уровнем притязаний горожан представлена в распределении ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свой район по сравнению с другими районами города?». Наиболее высокие оценки предсказуемо получила от своих жителей историческая часть города – признанный общегородской центр, являющийся ориентиром развития, «стандартом качества» для других зон города. Около 90% опрошенных жителей Центральной зоны дали положительную оценку своему району, соответственно, слабо урбанизированные, плохо подключенные к городскому функционированию районы города получили самые низкие оценки. При этом горожане, живущие в Удаленной северной

периферии, несмотря на удаленность поселков от городской структуры, несовершенство благоустройства и уровня жизни в них, достаточно высоко оценивают среду своей локальной зоны – 72% опрошенных считают свой район хорошим, одним из лучших (для сравнения, в среднем по городу положительная оценка составила лишь 60%). [14].

Северные поселки, по мнению их населения, имеют ценность для города именно из-за хорошего природного потенциала территории и привлекают своей доступной природной средой, красивыми видами, зелеными зонами и водными объектами – этот фактор привлекательности в своих ответах указали 45,2% опрошенных жителей Удаленной северной периферии [13].

Жители поселка Управленческий довольны своим местом жительства даже в большей степени, чем жители всей Удаленной северной периферии, и променять уникальность природной составляющей рекреационной системы поселка на более разнообразный и полноценный уровень отдыха в центре не готовы. Степень привлекательности своего района в качестве места жительства оценена ими почти так же высоко, как своими жителями Центральная зона – около 86% опрошенных жителей п. Управленческий и 95% жителей центра считают свой район наиболее привлекательным для проживания. Среди респондентов всей Удаленной северной периферии 69,2% выбрали для проживания именно свой район, тогда как показатель по городу в целом составил всего 52,1% (рис. 8).

Проблемы района проживания

Обследование выявило множество проблем местного уровня, связанные с повседневной жизнью горожан: жильем, поиском работы, благоустройством территории, транспортом, медицинским обслуживанием. Транспортная сеть района недостаточно развита, отдельные поселки труднодоступны, связи между ними и доступность из города затруднены. Большие проблемы с обслуживанием населения района, особенно поселков Управленческий и Красная Глинка, общественным транспортом – существующих маршрутов не хватает, большие временные интервалы между рейсами приводят к долгому ожиданию транспорта. Общественный речной транспорт при этом отсутствует, в летнее время переправу и перевозки по реке осуществляют частные катера.

Жители поселка Управленческий указали на необходимость первоочередных мероприятий в районе проживания. К наиболее актуальным они отнесли, как и жители Удаленной северной периферии в целом, улучшение работы транспорта и состояния дорог, улучшение медицинского обслуживания, благоустройство дворов и детских площадок, ремонт жилого фонда и переселение людей из ветхого жилья, создание новых мест приложения труда. На втором месте по актуальности – обеспечение безопасности в поселке, улучшение архитектурного облика района, создание мест для отдыха и развлечений, сохранение природы. Стоит подчеркнуть, что такие мероприятия, как озеленение территории, создание общественных зеленых зон, создание мест для развлечения и отдыха, для жителей Управленческого актуальны в гораздо меньшей степени, чем для жителей других районов города. Жителям поселка необходим должный уровень содержания и благоустройства уже существующих общественных пространств и зеленых зон (рис. 9).

С недавних пор Вертолетной площадкой и территорией вокруг нее заинтересовались власти города и региона, которые тоже понимают, что анализируемая территория обладает большими ресурсами для реализации рекреационного, спортивного и туристического потенциала. Помимо её реконструкции, власти планируют возродить горнолыжный спорт на склоне, построить гостиницу, рассматривают предложения по размещению уникальных объектов, таких как Парк полетов или капсульный отель с целью привлечения туристов.

В последнее время в рамках программ развития городской среды стали очень популярны проекты по созданию и преобразованию ее основных элементов – общественных пространств – задача поставлена как на местном, так и на государственном уровне. Уже разработано и реализовано много интересных проектных решений, для организации общественных пространств используются лучшие мировые практики. Однако зачастую подход к их преобразованию механистичен, унифицирован, не учитывает местные особенности, специ-

фику городской среды. Власти и проектировщики часто забывают, что главными потребителями городской среды являются горожане, члены городского сообщества, которые ценят специфику и узнаваемость своего района, идентифицируют их со своей повседневной жизнью, своей историей. Горожане поддержат только те проектные решения, которые сохраняют особенности места жительства и усилят их выразительность [15]. Поэтому проектные преобразования системы ОРП поселка, как и других общественных пространств города, необходимо осуществлять грамотно, с учетом реальной жизнедеятельности местных жителей, их потребностей и предпочтений, а также с бережным обращением к истории места.

Выводы

Специфика расположения и природа поселка Управленческий изначально создают благоприятные условия для развития рекреации и туризма. При условии организации удобного транспортного сообщения территории, развитие туристско-рекреационного узла поспособствует укреплению ядра Самарско-Тольятинской агломерации.

Преобразование системы общественных пространств п. Управленческий, согласно исследованиям, нужно вести исходя из потребностей населения – благоустройство и реконструкция существующих общественных пространств должны осуществляться с минимальным вмешательством и сохранением исторических особенностей мест. Мероприятия по благоустройству территории, расширение транспортно-пешеходной системы, реконструкция и частичная замена жилого фонда, приведение среды в соответствие с требованиями местных жителей создадут качественный фон для главенствующей природной составляющей и системы ОП поселка [16-18].

Для усиления туристической привлекательности района необходимо подчеркнуть уникальность природной среды созданием современных уникальных объектов культуры, досуга и обслуживания, что разнообразит функциональный диапазон и повысит уровень посещаемости места соответствующим качеством среды. При этом немаловажным условием является обеспечение удобной транспортной доступности поселка, в том числе внедрением инновационного транспорта и увеличением роли водных маршрутов.

Библиографический список

1. Ильинский А.С. Управленческий: очерки по истории поселка Управленческий. - Самара: Офорт, 2011.
2. Ильин Ю.В. Саев Л.Я., Ильина Н.В. Генерал В. С. Михайлов, 1875-1929: Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / Федеральное архивное агентство, Российский гос. военно-исторический архив. - Москва: РОССПЭН, 2007.

3. Кондратьев Вадим, Самара: история пос. Управленческий в воспоминаниях С. А. Абрамова // Фотоблог Вадима Кондратьева. - 17 декабря 2013 г. - <https://chronograph.livejournal.com/173954.html>
4. История санатория «Красная Глинка», или Здравница на Управленческом // Санаторий Красная Глинка. - 2012 г. - http://sanatoriyykrasnayaglinka.ru/historical_information_about_the_sanatorium
5. История Самары: 16 сентября. // Samaratoday (Самара сегодня). - <https://samaratoday.ru/history/16-september>.
6. Голуб П.А. Кабанов М.В., Мухина Г.З., Шарпов Ю.П. Михаил Иванович Калинин: краткая биография. - Москва: Политиздат, 1975.
7. Артамонов А.Е. Госдачи Кавказских Минеральных Вод. Тайны создания и пребывания в них на отдыхе партийной верхушки и исполкома Коминтерна. От Ленина до Хрущева. - Москва: Центрполиграф, 2017.
8. Артамонов А.Е. Спецобъекты Сталина. Экскурсия под грифом «секретно». - Москва: Алгоритм, 2013.
9. Эйгель И.Ю. Борис Иофан (Народные архитекторы СССР). - Москва: Стройиздат, 1978.
10. Блюмин Г.З. Рублевка и ее обитатели: романтическое повествование: Жуковка, Барвиха, Серебряный Бор, Петрово-Дальнее, Сосны, Архангельское. - Москва: Центрполиграф, 2012.
11. Артамонов А. Е. Госдачи Крыма. История создания правительственных резиденций и домов отдыха в Крыму. Правда и вымысел. - Москва: Центрполиграф, 2015.
12. Тихонов С.Г. Оборонные предприятия СССР и России. В 2 томах. - М.: ТОМ, 2010 г., 1214 с.
13. Филанова Т.В. Локальные центры Самары. Оценка и образ места жительства / Innovative Project. 2017. Том 2, № 2. С. 42-48.
14. Каракова Т.В., Мельникова В.М. Средовые проблемы мегаполиса в контексте эволюции средового сознания горожан // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, т. 20, №3, 2018. С. 48-53
15. Мельникова В.М. Теория и практика развития общественных пространств (на примере города Севастополя) / Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство: сборник статей. – Самара: СамГТУ, 2019. С. 276-284.
16. Масталерж Н.А. Формирование концепции общественного пространства как структурного элемента городской среды // Архитектон: известия вузов, 2013. № 43, С. 48-53
17. Филанова Т.В., Шуруев Ф.В. Анализ процесса формирования системы общественных и рекреационных пространств в крупнейшем исторически сложившемся городе // Архитектон: известия вузов, 2015. № 49
18. Широкова Л.А. Социокультурный потенциал места // Наука, образование и экспериментальное проектирование: материалы конференции МАР-ХИ, 8-12 апреля 2013 г.

References

1. Ilyinsky A.S. Administrative: essays on the history of the Administrative settlement. - Samara: Ofort, 2011.
2. Ilyin Yu.V. Saet L.Ya., Ilyina N.V. General V.S.Mikhailov, 1875-1929: Documents for a biography. Essays on the history of the military industry / Federal Archival Agency, Russian state Military historical archive. - Moscow: ROSSPEN, 2007.
3. Kondratyev Vadim, Samara: the history of the village. Managerial in the memoirs of S. A. Abramov // Photoblog by Vadim Kondratyev. - December 17, 2013 - <https://chronograph.livejournal.com/173954.html>
4. History of the sanatorium “Krasnaya Glinka”, or the Health resort on the Administrative // Sanatorium Krasnaya Glinka. - 2012 - http://sanatoriyykrasnayaglinka.ru/historical_information_about_the_sanatorium
5. History of Samara: September 16. // Samaratoday (Samara today). - <https://samaratoday.ru/history/16-september>
4. Golub P.A. Kabanov M.V., Mukhina G.Z., Sharapov Yu.P. Mikhail Ivanovich Kalinin: a short biography. - Moscow: Politizdat, 1975.
5. Artamonov A.E. State dachas of the Caucasian Mineral Waters. Secrets of the creation and stay in them on vacation of the party elite and the executive committee of the Comintern. From Lenin to Khrushchev. - Moscow: Tsentrpoligraf, 2017.
6. Artamonov A.E. Stalin’s special facilities. The tour is classified as “secret”. - Moscow: Algorithm, 2013.
7. Eigel I.Yu. Boris Iofan (People’s Architects of the USSR). - Moscow: Stroyizdat, 1978.
8. Blumin G.Z. Rublyovka and its inhabitants: romantic narration: Zhukovka, Barvikha, Serebryany Bor, Petrovo-Dalnee, Sosny, Arkhangelskoe. - Moscow: Tsentrpoligraf, 2012.
9. Artamonov AE State administration of the Crimea. The history of the creation of government residences and rest homes in the Crimea. Truth and fiction. - Moscow: Tsentrpoligraf, 2015.
10. Tikhonov S.G. Defense enterprises of the USSR and Russia. In 2 volumes. - M.: TOM, 2010, 1214 p.
11. Filanova T.V. Local centers of Samara. Assessment and image of residence / Innovative Project. 2017. Vol. 2, No. 2. P. 42-48.
12. Karakova T.V., Melnikova V.M. Environmental problems of a megalopolis in the context of the evolution of the environmental consciousness of townspeople // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, biomedical sciences, v. 20, No. 3, 2018. P. 48-53
13. Melnikova V.M. Theory and practice of the development of public spaces (on the example of the city of Sevastopol) / Traditions and innovations in con-

- struction and architecture. Architecture and urban planning: a collection of articles. - Samara: SamSTU, 2019.S. 276-284.
14. Mastalerzh N.A. Formation of the concept of public space as a structural element of the urban environment // Architecton: Izvestiya Vuzov, 2013. No. 43, pp. 48-53
 15. Filanova T.V., Shuruev F.V. Analysis of the process of forming a system of public and recreational spaces in the largest historically established city // Architecton: Izvestiya Vuzov, 2015. No. 49
 16. Shirokova L.A. Socio-cultural potential of the place // Science, education and experimental design: materials of the MARCHI conference, April 8-12, 2013.

6

69-80

МАСТЕРСКАЯ

WORKSHOP

Боранов Сергей Сергеевич
Самарский государственный технический университет

Boranov Sergey
Samara State Technical University

КАТЕГОРИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АЛГОРИТМА И АРХОФУНКЦИИ

CATEGORIES OF PRAGMATIC ALGORITHM AND ARCHOFUNCTION

Анализируется современная практика массового домостроения. Выявляется структура сложившегося проектного алгоритма. Определяются характеристики типового проектного алгоритма, применение которого порождает однообразие объемно-планировочных решений и примитивизацию архитектурных ценностей. Рассматриваются примеры различных архитектурных проектов, актуализирующих понятие архофункции. Архофункция предстаёт как триггер креативного подхода к проектированию. Обозначаются основные направления дальнейшего исследования.

The article analyzes the current practice of mass housing construction. The structure of the existing design algorithm is revealed. The characteristics of a typical design algorithm are determined, the application of which generates the uniformity of space-planning solutions and primitivization of architectural values. Examples of various architectural projects that actualize the concept of archofunction are considered. Archofunction appears as a trigger for a creative design approach. The main directions of further research are indicated.

Ключевые слова: *типовой алгоритм, эксперимент с формой, феномен архофункции*

Keywords: *standard algorithm, experiment with form, phenomenon of archofunction*

Современная архитектура изобилует примерами однообразия, или декоративности, выдающимися прагматические установки строительного бизнеса. Строительный опыт, который в основном заключается в освоении инвариантной ортогональной сетки развивается и приобретает характеристики, направленные на достижение максимально прибыльного результата. Идея рационального использования прямоугольных модулей сосуществует в единстве с концепцией «рационального ведения» строительства. Бизнес принимает ортогональный принцип планирования как наиболее адаптивный коммерческим интересам. Этому тренду способствует промышленное производство дома: прямоугольный дом – максимальное воплощение «рациональной идеи». Ортогональное планирование, бесконечное дублирование прямоугольной решетки происходит из исторически сформировавшихся подходов к освоению городского пространства, но на современном этапе массовая застройка характеризуется перекрывающим практическую целесообразность равнодушием к эстетической проблематике архитектуры. В общем процессе устойчивого доминирования прямоугольника органично соединяются инициатива бизнеса и типологические решения. Однообразные ортогональные построения распространяются на все уровни проекта – от планирования территории микрорайона – до формы дома, квартиры, внутреннего пространства, мебели и вещей. Проблема при этом

прослеживается даже не столько в самой всеобщности ортогонального устройства применяемых форм, сколько в деградации пространственных комбинаций, отсутствии творческих трансформаций исходных планов и схем, что в итоге сказывается на функциональных сценариях сооружений.

Суть возникающей проблемы в конечном итоге может быть охарактеризована как остановка в развитии архитектуры как искусства формы, а также как девальвация профессионального метода в целом. Анализ конкретных объектов свидетельствует об утрате интриги и обеднении пространственного, и как следствие, функционального сценария.

Эта проблема может быть результатом разных причин, обнаруживаемых в системе профессиональной деятельности архитектора и общей прагматической парадигмы «рыночной реальности». В качестве одной из причин можно выделить выбор ошибочного проектного алгоритма.

При анализе современной практики можно выявить структуру и принципиальное содержание этого алгоритма, а именно «стандартного прагматического алгоритма» в виде следующих звеньев (этапов) в принятии «архитектурного решения»:

1. Разработка функциональной программы в виде перечня (списка) требований и функций;
2. Графическое двухмерное изображение функциональной программы в виде прямоугольников,

иллюстрирующих позицию из «списка», и связанных линиями (стрелками); создание функциональной блок-схемы;

3. Попытка разработать план объекта на основе функциональной блок-схемы;
4. Результат операции – план, автоматически воспроизводящий структуру и форму блок-схемы;
5. Совмещение плана с конструктивной (модульной) метрической ортогональной сеткой (решеткой);
6. Репликация исходного плана на всю высоту планируемого объекта. Формирование пространственной этажерки на основе типового плана и исходной ортогональной метрической сетки (решетки). Возникновение здания-параллелепипеда с однотипным поэтажным пространством;
7. Стадия «архитектурного оформления» параллелепипеда. Возникновение псевдо-архитектурного ответа (архитектурного симулякра).

Результатом применения подобного алгоритма становится появление в нашем окружении многочисленных объектов в виде многоэтажных коробок, мало отличающихся друг от друга.

Оставляя за скобками такую важную тему как средовое проектирование, обратим внимание на пресловутое штучное, или объектное проектирование. Объект, даже если он осмысливается автономно от средового контекста, сам по себе должен обладать собственным замыслом, характеризуемым особенным, или даже уникальным пространством, обуславливающим специфический функциональный сценарий. Но при использовании стандартного прагматического алгоритма объект лишается перспективы обрести уникальную форму. С позиции профессиональных ценностей, такой алгоритм является ошибочным.

Проследить стандартный прагматический алгоритм и его последствия ярче всего можно на примере массового домостроения.

Так примеры, следующие подобному алгоритму, можно найти в книге¹ посвящённой массовому домостроительству в России, в которой затрагивается проблема монотонности и депрессивности современной застройки. Помимо исторического обзора и разбора различных этапов застройки города, в ней приводится критика современной ситуации и оцениваются варианты решений в перспективе. Описывается каким подходом принято руководствоваться на практике для получения максимальной выгоды, при минимальных возможных изменениях в готовых, штампуемых проектах. «В 2009–2010 годах процент недорогого панельного жилья на рынке московских новостроек резко вырос, так что застройщикам приходилось выдумывать всякие нетривиальные маркетинговые ходы, чтобы их продукт хоть как-то выделялся на фоне других таких же предложений». Это является ярким при-

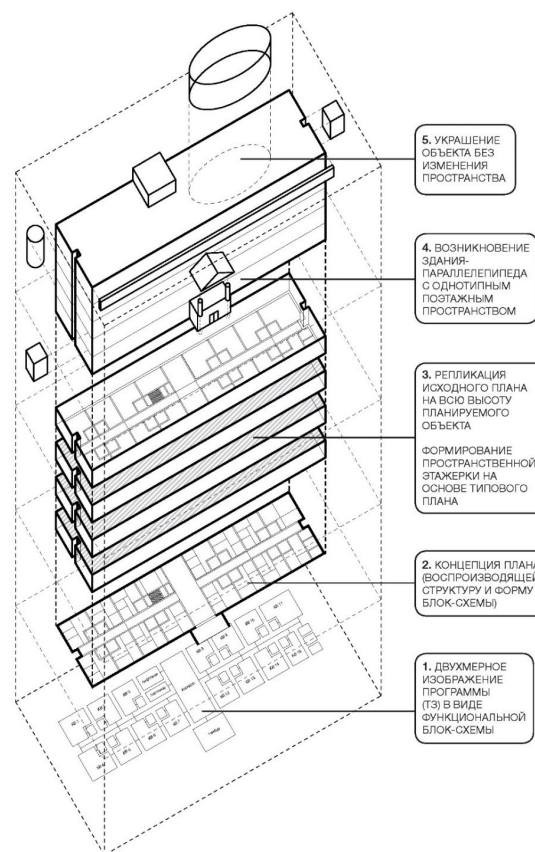

Рис. 1. Схема распространённой практики построения стандартного проектного алгоритма, ведущего к созданию типового объема, лишённого архитектурного пространства

мером финальной стадии алгоритма. «Застройщики соревновались в остроумии, предлагая будущим жильцам «японский минимализм», «скандинавский стиль» и тому подобные изыски, но при внимательном изучении оказывалось, что все эти варианты не так уж и различаются» [1].

Всё это приводит авторов к определённому выводу: «К началу нынешнего десятилетия наша домостроительная индустрия зашла в тупик, имя которому — однообразие» [1]. В общей массе строительства отсутствие какого-либо очевидного креатива наблюдалось как в планировках, так и в фасадных решениях, не говоря уж об общем объёме здания. В этой проблемной ситуации основная работа проектировщика описывается как привязка типового решения к застраиваемым участкам, и возможно, частичное смешивание домов разных типов, для «разнообразия» среды.

В этой же работе описывался эксперимент, который заключался в строительстве панельного квартала в одном из московских районов в 2013–2014 годах, где на базе серийных домов был сформирован замкну-

¹ Массовое домостроение в России: история, критика, перспективы. Москва: «ELKA press», 2016.

² Это отмечал и основатель журнала «Проект Россия» Барт Голдхоорн в своей статье «Открытый урбанизм» (Проект Россия, № 3(73). 2014. С. 86–93).

Рис. 2. Общий вид внутриквартального двора жилого комплекса на Базовской улице в Москве

тый квартал и фасады домов были покрашены в яркие цвета. Помимо этого, в ярких цветах было выполнено и благоустройство (детские площадки) (рис.2). Подобное решение вызвало следующее впечатление у авторов публикации: «в силу протяженности участка (его габариты составляют примерно 100 на 500 м) и высокой этажности корпусов (ниже 17 этажей дома этих серий не бывают), (территория – С.Б.) больше напоминает футбольное поле, чем жилой двор. Издалека комплекс выглядит, пожалуй, неплохо, но вблизи — как-то неуклюже и не слишком человечно³. В итоге данного эксперимента стало ясно, что «для создания качественно новой жилой среды недостаточно покрасить обычные панельные дома в яркие цвета» [1].

Как неким выводом и выходом в какой-то мере из данной ситуации в книге ссылаются на «постановление № 305»: «Прописанные в 305-м постановлении стандарты, при всех их достоинствах, лишь задают некие общие рамки. Качество же архитектуры по-прежнему зависит от работы проектировщиков». «Прямое же влияние «типовой» застройки на городскую среду теперь намного больше зависит от архитектора. Если прежде от него требовалось лишь привязать к участку абсолютно стандартизированные секции, то отныне ему придется, пускай и из конструктора

³ Об этом говорил, в частности, и Сергей Кузнецов в своем интервью журналу «Проект Россия» [№ 3(77). 2015. С. 64–71].

с ограниченным набором элементов, каждый раз лепить индивидуальный фасад, который будет отличать этот конкретный дом от всех остальных» [1]. Это, как мы убеждаемся, становится основной идеей и перспективой в развитии массового домостроения в ближайшее время. Но всё же эти изменения прежде всего затрагивают скорее внешний облик здания за счёт украшения, изменения и комбинирования разных видов фасадов (в определённых границах). Работа с пространством в этом случае сводится к минимуму, тем самым задавая всё ту же монотонную среду, но в разной цветовой гамме. Просто кроме привязки проекта к участку появляется возможность варьировать фасадные решения.

Оценивая характер современной проектной практики, особенно на примерах российского опыта, все больше обнаруживаем подтверждения тому факту, что принимаемые типовые сценарии могут выглядеть слишком примитивными и далекими от истинных архитектурных ценностей и идеалов.

В качестве варианта решения данной проблемы предлагается изменить алгоритм за счёт иного взаимодействия с архитектурными моделями (планами, разрезами, аксонометрией, макетами) на основе концепции архофункции, разработанной в диссертации С. А. Малахова. Архофункция – это актуализация приключенческих аспектов поведения в архитектурном пространстве в дискурсе осознанной или спонтанной оппозиции привычному, стереотипному,

Рис. 3. Дом Наркомфина общий вид и ячейка К, арх. М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис

типовому. В этом проявляется выражение зависимости функции от архитектурной формы и соответствующих формальных экспериментов [2].

Архитектурный результат, здесь определяемый как «возникновение архофункции», характеризуется, прежде всего, появлением архитектурного пространства, интригующего сценария, в свою очередь, позволяющего утверждать, что мы имеем дело с предопределяющей ролью архитектурной формы. В метафизическом смысле архитектурное пространство является принципиальным мета-сюжетом архитектурного проекта и продукта, а архитектурная форма – всеобъемлющей субстанцией моделирования, в первую очередь, осязаемой на этапе создания самой модели. Поэтому именно эксперименты и мастерская работа с формой на этапе создания модели предопределяют возникновение архитектурного пространства в реализации.

В качестве примеров рассмотрим проекты схожей типологии, но представляющие разные концептуальные пространственные решения, актуализирующие понятие архофункции.

Как первый пример необычного, индивидуально-подхода можно привести известное произведение М.Я. Гинзбурга и И.Ф. Милиниса – Дом Наркомфина, российский памятник конструктивизма (рис. 3,4).

Это не отдельное здание, а целый проектный комплекс, воплощающий в себе экспериментальное виденье нового образа жизни. В книге «Стиль и Эпоха» Гинзбург рассуждает о современной, на тот момент, архитектуре и намечая характерные черты нового стиля отметил что: «Имея дело с прозаическими сторонами жизни, приближаясь к мастеру и конструктору, архитектор неизбежно должен заразиться от них их методом работы... Архитектор почувствует тогда себя не декоратором жизни, а ее организатором» [3]. Так Дом Наркомфина – здание переходного типа, стал экспериментом по формированию нового образа жизни советского народа.

Несмотря на стремление в тот период к коллективизму, комплекс демонстрирует разнообразие как на уровне внутренней структуры, так и досуга: жильцы дома располагали достаточно большой свободой в выборе разнообразных занятий. Запоминающийся силуэт здания (комплекса) обладает определённой иерархией, имеющий некую аналогию с живым существом. Постройка состоит из двух корпусов: жилого (основное тело) – стоящего «на ножках»; и коммунального (голова) – соединённого тёплым переходом на уровне второго этажа с жилым.

Жилой корпус – это горизонтальный шестизэтажный объем с ленточным остеклением, стоящий на трёх рядах бетонных столбов, пронизывающих все этажи. Главной особенностью комплекса является сложная

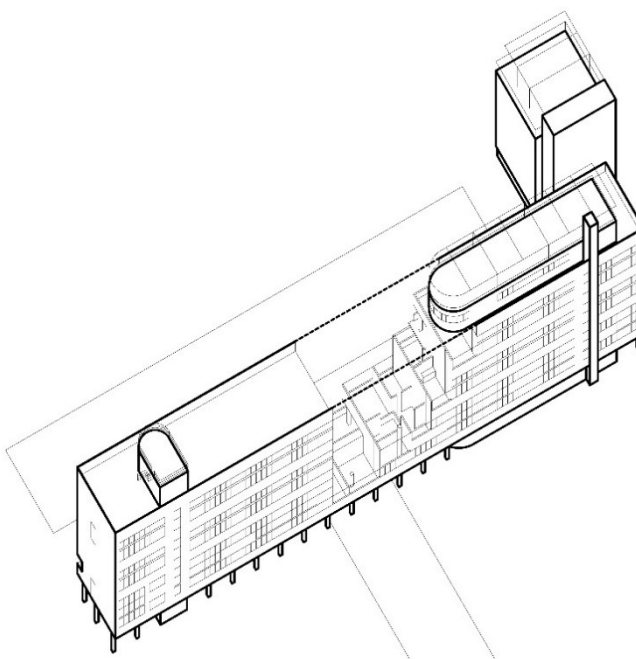

Рис. 4. Аксонометрия Дома Наркомфина арх. М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис

Рис. 5. Жилой комплекс Habitat '67, пространство внутренней улицы, арх. Моше Сафди

и необычная структура дома. В результате объемных и алгебраических поисков были созданы различные комбинации жилых ячеек, которые собираются словно тетрис, обеспечивающий различные переплетения пространств, что делает путешествие по ним ещё более увлекательным. Тот факт, что все без исключения квартиры двухуровневые, а широкие коридоры, в которых предполагалось общение жителей друг с другом, располагаются на втором и пятом этажах: со второго попадают также на третий, а с пятого на четвертый и шестой, демонстрирует нестандартность решения и желание создать новый опыт восприятия пространства жильцами дома. Вариативность внутренней структуры здания — это некий результат анализа всех бытовых процессов. Окна в квартирах выходят на обе стороны, так в спальне (на востоке) можно встретить рассвет, а в гостиной (на западе) провожать закат. Ещё одним элементом здания стала эксплуатируемая кровля с цветником, где жильцы могли принимать солнечные ванны. Коммунальный блок рассматривался как возможность добавления дополнительных функций, освобождающих жильцов от бытовых хлопот. Он включал в себя: столовую (из которой можно было заказать еду в квартиру), детский сад, механическую прачечную, библиотеку, спорт зал.

Дом Наркомфина воплощает экспериментальную форму быта 1920-х годов. Здесь применялись новаторские планировочные идеи, которые обеспечивали оптимальные площади помещений и интересные взаимосвязи между ними, разрабатывалась особая колористика и инсоляция помещений, а также использовались экспериментальные материалы и конструкции. Во многом этот дом опередил своё время и даже сегодня по уровню заложенных в нём архитектурных идей даст фору многим современным проектам.

Вариативности пространства и разнообразия можно также достичь при помощи комбинаторики, в качестве примера можно привести архитектурные разработ-

ки Моше Сафди. В ряде своих проектов он использует каскадные комбинации, напоминающие детские конструкторы из кубиков. Так в проекте Habitat '67 (рис.5,6) он демонстрирует концепцию быстро возводимого жилья, форма которого представляет новый образ жилого комплекса с открытыми пространствами, садовыми террасами и пластическими эффектами, адаптированными к городской среде высокой плотности.

Здание состоит из 365 схожих между собой строительных модулей, образующих жилой массив из

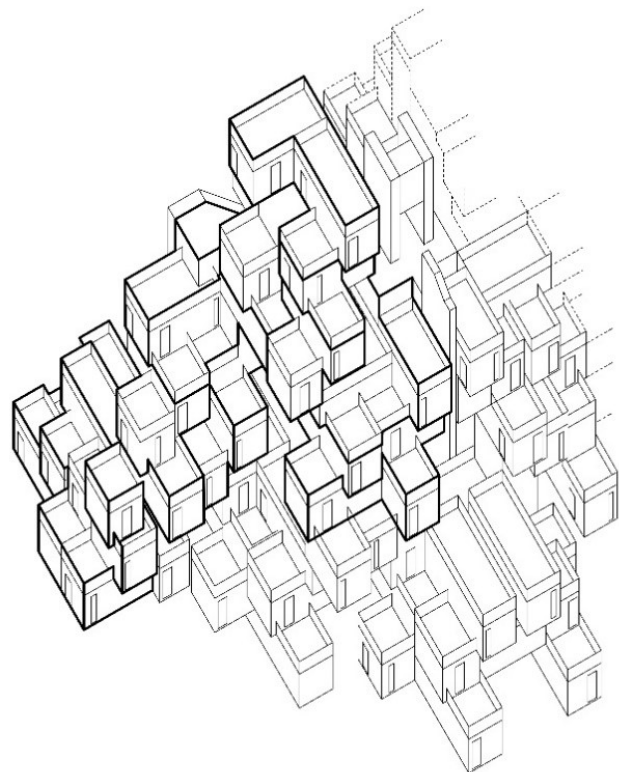

Рис. 6. Схема устройства жилого комплекса Habitat '67 арх. Моше Сафди

Рис. 7. Перфорированный фасад Simmons Hall – MIT и внутренние пустоты, пещеры-атриумы, арх. Стивен Холл.

158 квартир, напоминающих индивидуальные дома. Разнообразие достигается за счёт различных комбинаций этих модулей, всего существует 15 различных типов квартир. Композиция ступенчатых модулей обеспечивает каждой квартире доступ к воздуху и солнечному свету, а также собственный сад на крыше. Кроме того, по всему зданию предусмотрены игровые площадки для детей. Горизонтальная связь по всему объёму осуществляется благодаря непрерывным пешеходным улицам, которые пронизывают его и связываются с тремя вертикальными лифтовыми ядрами [4].

Каждый элемент здания является конструктивной частью несущей системы. Модули изготавливались на заводе и в дальнейшем складывались, друг на друга образуя сложную ступенчатую форму, напоминающую чем-то коралловый риф, хаотично образовавшийся в городской среде.

Habitat '67 предоставляет своим жителям ряд привлекательных удобств частных, отдельно расположенных квартир-домов, но при этом сохраняет плотность необходимую современным городам. Комбинации модулей формируют интересное проницаемое для солнечного света пространство, при этом хаотичное повторение, казалось бы, одинаковых блоков создает разнообразную живую среду с зелеными островами и прогулочными улицами внутри здания.

Ещё один пример, ярче всего демонстрирующий роль формального поиска и концепцию архофункции, это Simmons Hall – MIT – общежитие для 350 студентов Массачусетского технологического института (рис. 7,8).

Этот проект стал следствием особого эксперимента на тему «городской пористости», который описывает Стивен Холл в своей книге «Parallax». Пористость выступает здесь как новый тип бытия, открывающий «горизонт», который в свою очередь проходит сквозь

отверстия сливается как с экстерьером, так и с интерьером.

Эксперимент «начался с отказа от урбанистического плана, который предусматривал строительство стены из кирпичных зданий определенного «бостонского типа»», таким образом автор осознанно отвергает типовой подход на начальном этапе формирования концепции. Концепция пористости демонстрировалась серией зданий вдоль улицы четырьмя разными способами: «горизонтальная, вертикальная, диагональная и общая пористость». Горизонтальная пористость разрабатывалась как концепция «сложной улицы», которая «...объединила наклонные секции лаундж-коридоров с помещениями в подвесных фермах

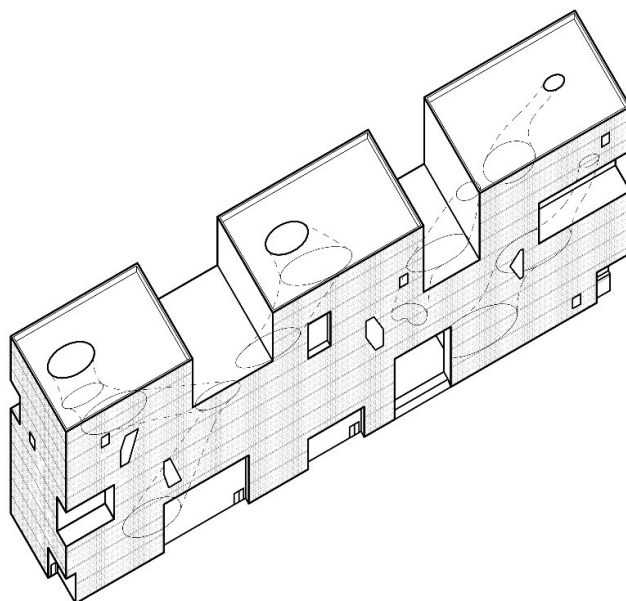

Рис. 8. Схема устройства общежития Simmons Hall – MIT арх. Стивен Холл

Рис. 9. Жилой комплекс WoZoCo арх. MVRDV

в соотношении 1:20» [5]. Этот вариант был оставлен в силу регламента по высоте.

Другой и финальный пример в пористой городской полосе – «губка». Здание представляет из себя параллелепипед с мелкой решёткой окон, разрушающей масштаб здания. «В каждом из одноместных номеров общежития имеется девять действующих окон» [6]. Первый уровень перфораций затрагивает основную массу здания. Это пять больших проемов, которые соответствуют главным входам, обзорным коридорам и террасам для активного отдыха.

Следующим уровнем перфораций стали вертикальные пустоты, которые созданы путём прорезания и соединения «губчатых картин», выполненных на каждом втором уровне пола. Именно они являются активизирующими зонами здания и наполняют его светом и воздухом. «Эти вертикальные пустоты нарушают сверхширокие основные коридоры, как, например, при проведении мероприятий на городской улице» [5]. Эти «внутренние пещеры» обеспечивают новый необычный опыт взаимодействия студентов с пространством, – пример проявления архофункции как приключенческого сюжета в пространстве. Продвигаясь по коридору, вы становитесь свидетелями жизни студентов, их творческих поисков, общения и экспериментов. Ещё одним элементом замысла в этом здании стал волшебный, ритмичный ночной свет, проходящий сквозь пористую структуру, и обусловленный активностью студентов, находящихся в том или ином помещении.

Интересен эксперимент с формой в проектной фирме MVRDV, когда они в качестве основы сооружения использовали галерейную типологию, – проект жилого комплекса WoZoCo (рис.9,10). По собственному высказыванию авторов, «полушутливое решение... согласно которому дополнительные блоки были «приклеены» к внешней стороне основного объема здания, привлекло удивительное внимание» [7].

Wozoco Apartments – это жилой дом с выдвинутыми блоками – консолями, в которых расположились 13 квартир. Уникальный внешний вид висячих блоков продиктован рядом местных ограничений: обеспечить жильцов 100 квартир достаточным количеством солнечного света, ограниченная площадь под застройку, стремление сохранить зелёные насаждения и др. К тому же в исходном объеме, заданной площади было возможно разместить приемлемым образом только 87 квартир. Все эти факторы подвигли к применению необычного, экстремального решения, навесить оставшиеся 13 блоков с северного фасада. MVRDV создали квартиры, буквально подвешенные в воздухе, но расположенные с высокой эффективностью.

Сложные консольные фермы, которые позволяли поддерживать большие объемы, соединялись с про-

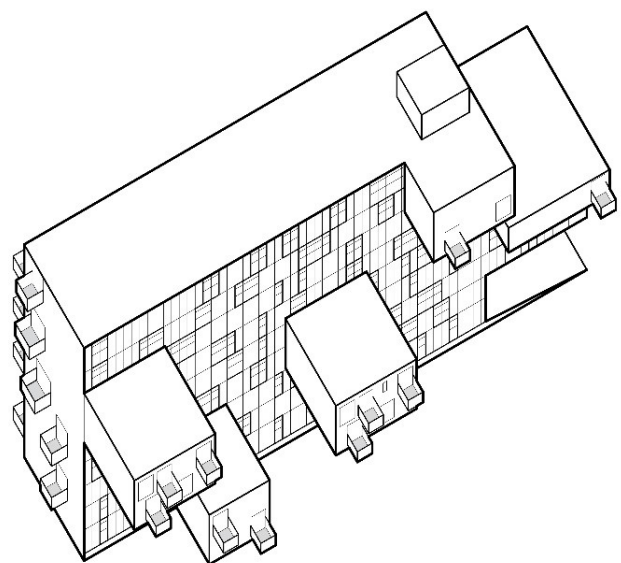

Рис. 10. Аксонометрия жилого комплекса WoZoCo арх. MVRDV

Рис. 11. Жилой дом *Mirador*, лестничные коридоры, пронизывающие всё здание, арх. MVRDV

зрачной галереей основного блока, тем самым обеспечив необходимые площади и количество солнечного света для 13 квартир, и сохраняли при этом пространство на уровне земли открытым.

Несмотря на единообразие и простоту блоков и планировки, создаётся ощущение индивидуальности пространства, которое формируется благодаря применению различных цветов, фактур и размеров. Различные квартиры приобретают свой собственный характер за счёт изменения положения окон, размеров балконов и материалов. В результате получается уникальное произведение, которое одновременно является продуманным и живым. Оно предстает перед нами словно трехмерная цветовая палитра, восполняющая серость пригородов.

Многие проекты группы MVRDV служат примерами, выходящими за рамки распространенной типологии однообразной застройки. Так в новом районе PAU de Sanchinarro, расположенном на северо-восточной окраине Мадрида, перед ними была поставлена актуальная на данный момент для большинства новых районов задача «...развить возможный «выход» из однородности и клаустрофобии этого «моря шестиэтажных блоков»».

Первым проектом в этом районе стал жилой дом *Mirador* (рис.11,12), который напоминает конструктор из мини-кварталов, собранных вертикально вокруг полуобщественной небесной площади. «Здание выступает в качестве контрапункта против массивной однородности окружающих жилых блоков» [7].

Здание *Mirador* стремится создать контраст по отношению к его окрестностям. Проектным решением стало отрицание горизонтального, плоского развития прилегающих зданий. Здесь типология соседних домов, которые в основном построены из блоков, окружающих частный внутренний дворик, повернута на бок, создавая общее пространство с видом на город и горы. По первоначальному замыслу архитекторов эта небесная площадь должна была быть открытым пространством для публики, на неё можно было добраться напрямую по эскалатору с площади, возле здания.

Стремясь, отличаться от массово повторяющегося жилого дома, жилые единицы *Mirador* сгруппированы в небольшие блоки с различными типами жилья, которые в последствии складываются друг с другом, образуя «возвышенный суперблок сообщества» [7]. Щели, образующиеся в местах стыков жилых блоков, пронизывают всё здание, а также красный коридор, создающий сеть улиц, переулков и залов для общественных собраний: сложный микрокосмос города внутри здания.

Вторым проектом альтернативного решения для городского квартала становится *Celosia* (рис.13,14). В большей степени проект интерпретируется как система «зданий», чередующихся в шахматном порядке 30 объемов и 30 пустот.

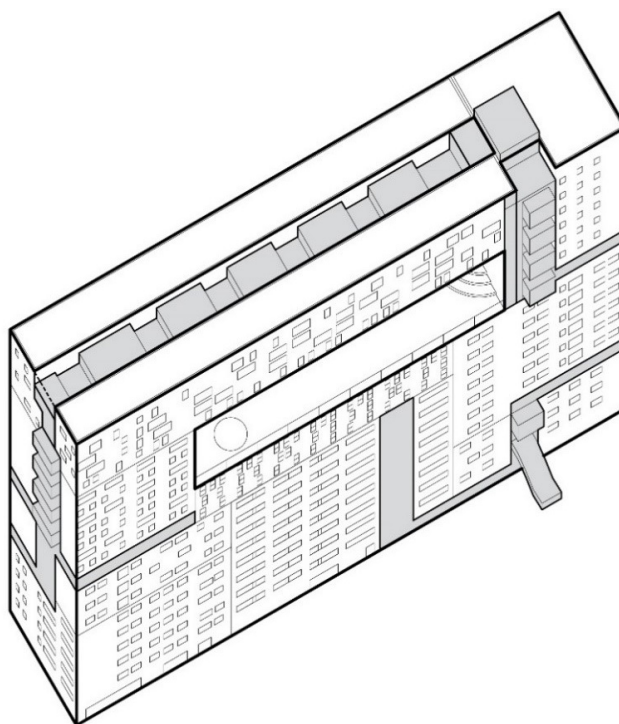

Рис. 12. Аксонометрия жилого дома *Mirador* с выделенными коммуникационными узлами арх. MVRDV

Рис. 13. Жилой квартал Celosia, арх. MVRDV

Эти пустые пространства являются промежуточными островками для жизни квартала, в которых могут собираться местные жители. Разработанные перфорации предлагают вид на горы и город, и к тому же обеспечивают естественную вентиляцию. Таким образом архитекторы обошли клаустрофобные условия замкнутости существующих кварталов, придав зданию особую идентичность, и обеспечив жильцов дополнительным пространством в виде высотных дворов.

С одной стороны, оба проекта выступают в качестве социального жилья, но при этом предлагают совершенно разные пространственные решения, выделяющие их из окружающей однообразной застройки.

Анализируя эти примеры, мы наблюдаем совершенно разные подходы, в первую очередь – формальные эксперименты, к которым прибегали авторы. Несмотря на то, что в каждом из них в основе сохраняется ортогональная структура и прямоугольная решётка плана, являющаяся основополагающей в стандартном прагматическом алгоритме, каждый из рассмотренных проектов определяется как вызов окружающей его однообразной среде и представляет собой уникальный архитектурный объект, по-новому трактующий жилое пространство.

В предпринятом исследовании, посвящённом роли и принципам формального эксперимента в эффективном преобразовании архитектурного проектного алгоритма, предполагается в качестве нового подхода, в определённых ситуациях, отказ от стандартного прагматического алгоритма или же доступное улучшение стандартного алгоритма с целью сохранения средового подхода при строительстве. В нашем исследовании предпринимается попытка разработать новый алгоритм, основанный на особом взаимодействии автора с архитектурными моделями.

Мировая практика показывает, что существуют различные творческие и концептуальные подходы к архитектурным проектам, которые зачастую основываются на формальном эксперименте. Результатом подобных решений, в отличие от распространённой

практики, является феномен архофункции. Архофункция здесь выступает, как предмет архитектурного самовыражения, поиск иных типологических версий, экспериментальных концепций.

Говоря об архофункции, мы рассматриваем её на различных уровнях проявления в зависимости от характера формального эксперимента и функциональных ожиданий:

- 1) нормативный (идеальный на уровне стандартных запросов);
- 2) роскошный (идеальный на уровне элитного спроса);
- 3) уникальный (парадоксальный, концептуальный, необычный).

Несмотря на привычный способ классификации архитектурного продукта, здесь все же подразумевается присутствие высокого вкуса. Первые два вари-

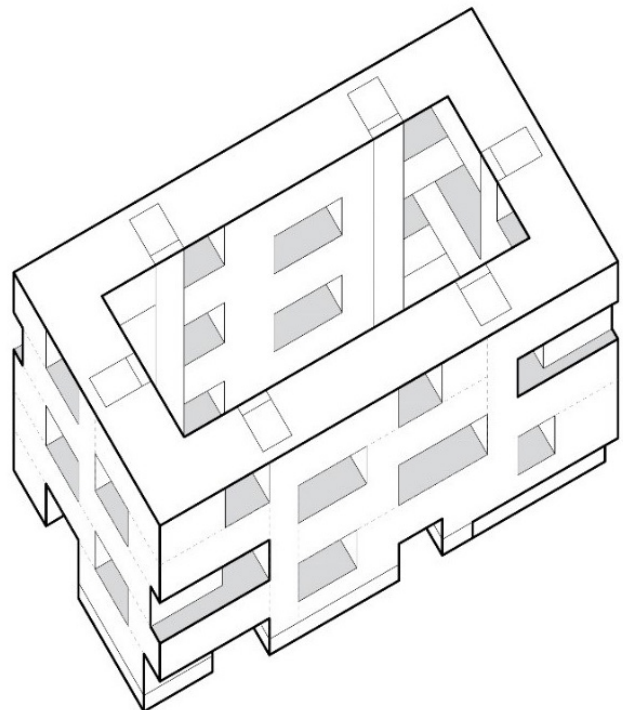

Рис. 14. Аксонометрия жилого квартала Celosia арх. MVRDV

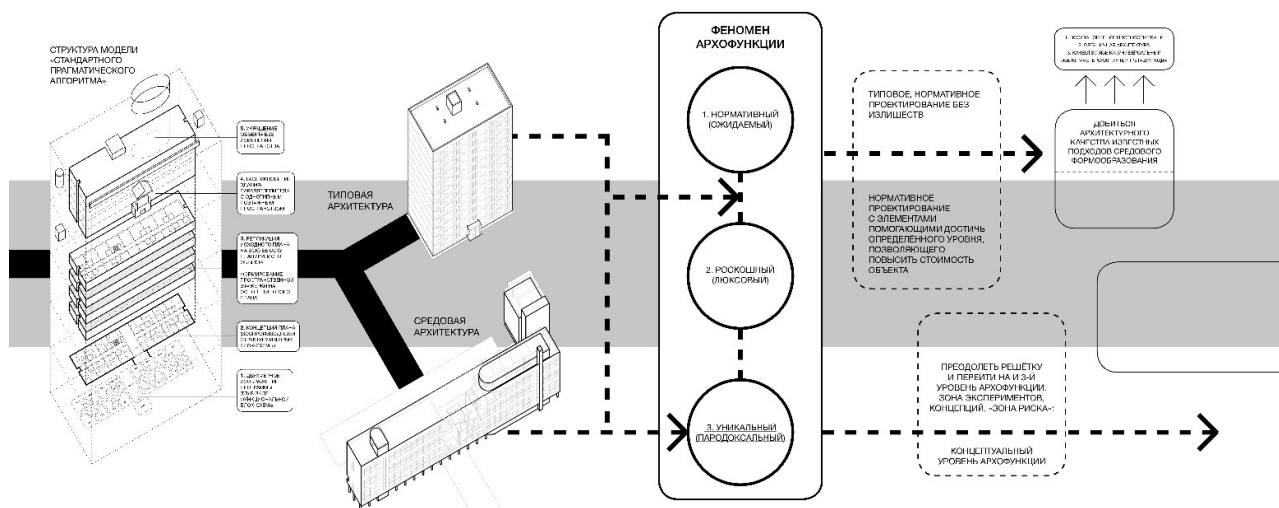

Рис. 15. Стратегия дальнейшего развития исследования

анта являются элементарными и наиболее распространёнными для нашей жизни. При этом следует отметить, что сами по себе эти два элементарных уровня становятся именно архитектурным продуктом, когда к их созданию подключается мастер, обладающий компетенциями средового формообразования. В связи с этим стоит заострить внимание на следующих моментах:

- 1) В чем разница между средовым и коммерческим выбором?
- 2) Какие ключевые мотивы порождают архитектурную форму?
- 3) Как воплотить ценности средового подхода без применения стандартного прагматического алгоритма?

Выбором нашего исследования является третий уровень архофункции – зона формального эксперимента. Здесь нам предстоит рассмотреть следующие вопросы:

- 1) Когда уместна яркая форма и как она возникает?
- 2) Насколько формальный эксперимент должен быть обусловлен исключительно своим внутренним сценарием, или он оказывается в определенной зависимости от общего пластического (ландшафтно-средового) решения территории?
- 3) В каких типологических группах будет уместным формальный эксперимент?

Дальнейшее развитие исследования (рис. 15) позволит выявить роль формального эксперимента в построении архитектурного проектного алгоритма, альтернативного типовому, а также сформулировать ряд принципов создания архитектурных моделей, инициирующих возникновение архофункции, с последующей апробацией их в проектном эксперименте.

Библиографический список

1. Белов А., Задорин Д., Коряковская Н., Левицкая А., Меерович М., Мойзер Ф. Мукосей И. Массовое

домостроение в России: история, критика, перспективы. М., 2016. 248 с.

2. Малахов С. А. Композиционный метод архитектурного проектирования: диссертация на соискание степени доктора архитектуры: 05.23.20 / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2018. - 486 с.
3. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн.1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
4. Safdie architects [Электронный ресурс] URL: <https://www.safdiearchitects.com/> (дата обращения: 02.03.2020).
5. Holl, Steven. Parallax. Birkhauser - Publishers for Architecture. Basel-Boston-Berlin. 2000.
6. Steven Holl architects [Электронный ресурс] URL: <http://www.stevenholl.com/> (дата обращения: 04.03.2020).
7. MVRDV [Электронный ресурс] URL: <https://www.mvrdv.nl/> (дата обращения: 04.03.2020).

References

1. Белов А., Задорин Д., Коряковская Н., Левицкая А., Меерович М., Мойзер Ф. Мукосей И. Массовое домостроение в России: история, критика, перспективы. М., 2016. 248 с.
2. Малахов С. А. Композиционный метод архитектурного проектирования: диссертация на соискание степени доктора архитектуры: 05.23.20 / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2018. - 486 с.
3. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн.1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
4. Safdie architects [Электронный ресурс] URL: <https://www.safdiearchitects.com/> (дата обращения: 02.03.2020).

5. Holl, Steven. Parallax. Birkhauser - Publishers for Architecture. Basel-Boston-Berlin. 2000.
6. Steven Holl architects [Электронный ресурс] URL: <http://www.stevenholl.com/> (дата обращения: 04.03.2020).
7. MVRDV [Электронный ресурс] URL: <https://www.mvrdiv.nl/> (дата обращения: 04.03.2020).

7

81–83

KOPOTKO
BRIEFLY

Малахов Сергей Алексеевич, Репина Евгения Александровна
Самарский государственный технический университет

Malakhov Sergey, Repina Evgenia
Samara State Technical University

САМАРСКИЙ ДВОР. К ВЫХОДУ РОССИЙСКО-ГОЛЛАНДСКОЙ МОНОГРАФИИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ САМАРЫ

SAMARA YARD. TO THE RELEASE OF THE RUSSIAN-DUTCH MONOGRAPH ON THE HISTORICAL ENVIRONMENT OF SAMARA

Представлено совместное двуязычное русско-голландское издание “The Samara Yard” («Самарский двор») – результат работы группы архитекторов, сумевших объединиться в одну исследовательскую команду и выиграть грант голландского «Фонда творческих индустрий». Подобные гранты в 2019 году были предоставлены еще двум авторским проектам из других стран. Обоснование, подготовленное нами на этапе конкурентного соревнования претендентов на грант из более чем 100 стран, позволило привлечь внимание международных экспертных групп, руководства Фонда и в итоге – добиться проведения качественного исследования и публикации на уровне международных стандартов. Центральным сюжетом исследования и публикации выступает уникальный градостроительный феномен – «Самарский двор», исторически сформировавшаяся архитектурно-планировочная единица, транслирующая в современный дискурс городских практик важные признаки устойчивой городской среды.

A joint bilingual Russian-Dutch publication “The Samara Yard” is presented – the result of the work of a group of architects who managed to unite into one research team and win a grant from the Dutch Foundation for Creative Industries. Similar grants in 2019 were provided to two more author’s projects from other countries. The rationale prepared by us at the stage of the competitive competition of applicants for a grant from more than 100 countries made it possible to attract the attention of international expert groups, the Foundation’s management and, as a result, to achieve a high-quality research and publication at the level of international standards. The central theme of the research and publication is a unique urban planning phenomenon – “Samara Yard”, a historically formed architectural and planning unit that translates into the modern discourse of urban practices the most important features of a sustainable urban environment.

Ключевые слова: Самарский двор, историческое наследие, уникальный градостроительный генотип

Keywords: Samara Yard, historical heritage, unique urban genotype

Самара — шестой по величине город России, важный общественный, политический, экономический и культурный центр, расположенный на слиянии рек Волги и Самары. Как постсоциалистический город он находится в процессе переосмысления своей идентичности, в поисках своего места в России и в мире. К сожалению, город является одним из самых наглядных примеров процесса планомерного упадка исторической среды в городах России. Архитектурное наследие — важная часть самобытности города, как и самобытности его жителей. Оно олицетворяет не только историю города, но и уникальный набор его социальных ценностей и культурного богатства, который способствует созданию чувства принадлежности и взаимопонимания, что может укрепить местные сообщества и привлечь внимание новых жителей и гостей города.

Во многих городах мира процесс возрождения исторического центра значительно улучшил городской облик и принёс огромные социально-эконо-

мические выгоды. Муниципалитеты по всей Европе экспериментируют с этой стратегией с 1980-х годов, часто в качестве средства сохранения актуальности и жизнеспособности в современных условиях. Однако в России гонка за модернизацией рассматривается часто как прямой конфликт с существующими ценными историческими ресурсами (как материальными, так и нематериальными).

Вопрос, вынесенный в повестку актуальной дискуссии, можно сформулировать следующим образом: как исторический центр Самары может содействовать строительству более современного города? Какие уроки он в себе несёт для более устойчивой и инклюзивной урбанизации? Какова роль самарского двора в системе исторической застройки и градостроительной стратегии в целом?

На эти вопросы искала ответы группа голландских и российских архитекторов, которые в течение нескольких лет готовили издание “Samarsky yard”

(«Самарский двор») [1]. Данное издание представляет собой результат исследования, которое проводилось в рамках открытого конкурса Open Call Russia #1, организованного нидерландским культурным фондом The Creative Industries Fund NL. Участникам предлагалось разработать план мероприятий для проекта, вмешательства в среду или процесса развития, который бы помог внедрить принципы устойчивой и всеобъемлющей урбанизации в России. Издание в жанре «атласа городской среды и истории» стало итогом совместной работы бюро Schiemann Weyers architects, Самарского государственного технического университета, Института города Самары и студии графического дизайна Studio Joost Grootens.

Непосредственный материал монографии включает серию аналитических текстов, карт, диаграмм, фотографий, историй и интервью, — в целом того набора структурных элементов, которые призваны стать инструментом для поддержания диалога в Самаре и источником информации для профессионалов в сфере градостроительства и культурного наследия, а также для представителей научных кругов и каждого, кто интересуется механизмом формирования города и обновления его постсоциалистического облика.

«Самарский двор» предоставляет уникальную возможность для тематического исследования, посвященного общественному пространству и сообществу, живущему в центре большого города. Являясь особой планировочной единицей, он предлагает гибкий и сложный подход к плотности, общественным

договорам и устойчивости, а также имеет потенциал для стимулирования будущих проектов в Самаре и других городах мира.

Международный состав авторского коллектива позволили избежать определенной тенденциозности. Естественно, что самарским участникам этой команды импонировала в большей степени идея генеративной модальности самарского двора, так как они на протяжении многих лет, начиная с концепции MEM и РЕКС, опубликованной еще в 1985 г. в журнале «Архитектура СССР» [2], отстаивали идею прямой или опосредованной трансляции формы, социальной и пространственной организации, размеров, исторической слоистости («принцип палимпсеста»), типологического совершенства как инварианта любых архитектурных типологий, устойчивости средового феномена, культурной и экономической эффективности – в любой доступный для подобной трансляции практический сектор современной архитектуры. Голландским участникам проекта исследования и издания более рациональной представлялась нейтральная роль. В обозначенной ими программе приоритет отдавался попытке создания беспристрастного исследования и синтеза данных, позволяющих выработать объективную картину состояния исторической среды Самары, но при этом постараться продемонстрировать то особенное качество этой среды, которое может сработать в более широком городском контексте. В итоге монография демонстрирует разнообразие аспектов, раскрывающих исторический город как множественный потенциал.

Библиографический список

1. Jorn Schiemann, Otto Weyers, Larissa Araripe Rand, Evgenia Repina, Sergey Malakhov, Alexander Gnilomedov. The Samarsky Yard. Yekaterinburg: TATLIN, 2020, - 448 p.
2. Малахов, С.А., MEM и РЕКС. Квартал – эксперимент естественного моделирования / С.А. Малахов, И.Н. Яковлев // Архитектура СССР. 1985, № 5, С. 83-88

References

1. Jorn Schiemann, Otto Weyers, Larissa Araripe Rand, Evgenia Repina, Sergey Malakhov, Alexander Gnilomedov. The Samarsky Yard. Yekaterinburg: TATLIN, 2020, - 448 p.
2. Malakhov, S.A., MEM and REX. Quarter - an experiment of natural modeling / S.A. Malakhov, I.N. Yakovlev // Architecture of the USSR. 1985, No. 5, pp. 83-88.

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

	<i>Страницы</i>
<i>Базина, Анна Николаевна – аспирант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	<i>47-53</i>
<i>Боранов, Сергей Сергеевич – аспирант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	<i>69-80</i>
<i>Грозовский Борис Владимирович – обозреватель журнала Forbes и газеты Ведомости (Москва, Россия)</i>	<i>27-46</i>
<i>Екатеринская, Анна Владимировна – магистрант кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	<i>55-67</i>
<i>Курсова, Марина Геннадьевна – магистрант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	<i>19-25</i>
<i>Лащенко, Снежана Владимировна – аспирант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	<i>27-46</i>
<i>Малахов, Сергей Алексеевич – заведующий кафедрой «Инновационное проектирование» СамГТУ, профессор, доктор архитектуры (Самара, Россия)</i>	<i>81-83</i>
<i>Репина, Евгения Александровна – профессор кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	<i>19-25, 47-53, 81-83</i>
<i>Филанова, Татьяна Вячеславовна – доцент кафедры «Архитектура» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	<i>55-67</i>
<i>Филиппов, Василий Дмитриевич – ведущий инженер дирекции Академии строительства и архитектуры СамГТУ (Самара, Россия)</i>	<i>5-18, 55-67</i>

JOURNAL AUTHORS

	<i>Pages</i>
<i>Bazina, Anna – post-graduate student of the Department of Innovative Design, Samara State Technical University (Samara, Russia)</i>	<i>47-53</i>
<i>Boranol, Sergei – post-graduate student of the Department of Innovative Design, Samara State Technical University (Samara, Russia)</i>	<i>69-80</i>
<i>Grozovsky Boris – columnist for Forbes magazine and Vedomosti newspaper (Moscow, Russia)</i>	<i>27-46</i>
<i>Ekaterinskaya, Anna – Master's student of the Department of Architecture, Samara State Technical University (Samara, Russia)</i>	<i>55-67</i>
<i>Kursova, Marina – Master student of the Department of Innovative Design, Samara State Technical University (Samara, Russia)</i>	<i>19-25</i>
<i>Laschenko, Snezhana – postgraduate student of the Department of Innovative Design, Samara State Technical University (Samara, Russia)</i>	<i>27-46</i>
<i>Malakhov, Sergey – Head of the Department of Innovative Design, Samara State Technical University, Professor, Doctor of Architecture (Samara, Russia)</i>	<i>81-83</i>
<i>Repina, Evgeniya – Professor of the Department of Innovative Design, Samara State Technical University, Candidate of Architecture (Samara, Russia)</i>	<i>19-25, 47-53, 81-83</i>
<i>Filanova, Tatiana – Associate Professor of the Department of Architecture, Samara State Technical University, Candidate of Architecture (Samara, Russia)</i>	<i>55-67</i>
<i>Filippov, Vasily – Leading Engineer of the Directorate of the Academy of Construction and Architecture of Samara State Technical University (Samara, Russia)</i>	<i>5-18, 55-67</i>